LIBRARY OF CONGRESS
00003518279

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

DIN
CTION
G
155
B5

M. Kamarov

1/100

609
B291

50

Povest o prikliuchen...

ПОВѢСТЬ О ПРИКЛЮЧЕНІИ АНГЛИНСКАГО МИЛОРДА ГЕОРГА

И

О БРАНДЕНБУРГСКОЙ МАРГРАФИНѢ ФРИДЕРИКѢ ЛУИЗѢ;

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ КЪ ОНОЙ

ИСТОРІИ

БЫВШАГО ТУРЕЦКАГО ВИЗИРЯ

МАРЦИМИРИСА

И

САРДОНСКОЙ КОРОЛЕВНЫ

ТЕРЕЗІИ.

СЪ ГРАВИРОВАННЫМИ КАРТИНКАМИ

И ПОРТРЕТОМЪ

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Рѣшетникова и Уткина.

1829.

PG 3310
.P69
1829

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ, 1828 года, Декабря 19 дня.

Цензоръ С. Сенковскій.

Счастіе подобно какъ прекрасный цвѣтъ,
Который между терніями растетъ:
Если станешь срывать его неосторожно,
То скоро онымъ уколоться можно.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

БЛАГОРАЗУМНЫЕ ЧИТАТЕЛИ,

ЛЮБЕЗНЫЕ СОГРАЖДАНЕ!

Будучи я увѣренъ, что напечатанная въ 1779 году, вмѣстѣ съ исторіею Французскаго мошенника Картуша, сочиненія моего книжка; обстоятельное и вѣрное описаніе жизни славнаго Россійскаго мошенника Ваньки Каина, также и первое изданіе сей повѣсти, отъ многихъ любителей чтенія книгъ приняты благосклонно; чего ради въ знакъ искренней моей за сіе благопріятіе благодарности, принялъ намѣреніе издать нынѣ сію книжку новѣйшимъ тисненіемъ, съ пріобщеніемъ къ оной приличныхъ гравированныхъ кунштовъ и портрета, увѣряя притомъ, что я труды моего пера не съ тѣмъ выпускаю въ публику, чтобъ чрезъ то заслужить себѣ авторское имя; ибо я не хочу уподобиться безразсудному Аѳинейскому Ерострату, которой для того только сжегъ славной въ числѣ

семи древнихъ чудесъ почитающійся Діанинъ храмъ (въ самую ту ночь, какъ родился Александръ Великій), чтобъ тѣмъ сдѣлать имяни своему безсмертную память; но мое намѣреніе единственно состоитъ въ томъ, дабы доказать обществу хотя малѣйшую какую ни есть услугу, и не препроводить бы время моей жизни въ праздности, послѣдуя въ томъ словамъ одного знатнаго нашего Стихотворца, который говоритъ:

Безъ пользы въ свѣтѣ жить,
Напрасно землю лишь тягчить.

По какъ въ сей книжкѣ упоминаются многіе баснословные языческіе боги и богини, о которыхъ не всякой Читатель имѣетъ свѣденіе; то и разсудилось мнѣ въ концѣ сей повѣсти сообщить о томъ мнтологическое извѣстіе. Что же принадлежитъ до критики, то хотя я и знаю, что иногда и самые искусные Писатели не рѣдко оной подвержены бываютъ, а мнѣ уже, какъ человѣку ни чему не ученому, избѣжать отъ того очень будетъ трудно; и потому воображается мнѣ, что можетъ быть нѣкоторые скажутъ: „не за свое де онъ принялся дѣло.“ Однакожъ я все сіе предаю на разсужденіе благоразумныхъ Читателей, потому,

что всякую вещь, кто какъ понимаетъ, тотъ такъ объ оной и заключеніе дѣлаетъ; а многіе иногда и для того чужія дѣла критикуютъ, что авторовы мысли имъ непонятны. Но я какъ къ тѣмъ такъ и къ другимъ пребуду на всегда, съ должнѣйшимъ, да и ко всякому Читателю съ моимъ почтеніемъ, всепокорнѣйшимъ слугою.

Матвѣй Камаровъ,

Житель города Москвы.

ПОВѢСТЬ

О ПРИКЛЮЧЕНІИ

Англинскаго Милорда

ГЕОРГА

И

О БРАНДЕНБУРГСКОЙ МАРГРАФИНѢ

ФРИДЕРИКѢ ЛУИЗѢ.

Вѣ прошедшія времена, когда еще Европейскіе народы не всѣ приняли Христіанской законѣ, но нѣкоторые находились вѣ баснословномѣ языческомѣ идолослуженіи, случилось вѣ Англіи сѣ однимѣ Милордомѣ слѣдующее странное приключеніе:

Среди самаго прекраснѣйшаго дня въ одинъ часъ темная туча покрыла чистое небо; облака какъ горы, ходятъ и волнуются, подобно черному морю, отъ жестокаго вѣтра; громъ, молнія, градъ,

дождь и сильная буря соединясь вмѣстѣ, въ ужасъ всѣхъ живущихъ на земли приводили. Всѣ бѣгали, искали своего спасенія; старые воздѣвали руки къ небу, просили боговъ объ отпущеніи грѣховъ; младые вопіютъ и укрываются подъ кровы; жены и дѣвицы съ плачемъ и воплемъ входятъ въ храмины и затворяются; земледѣльцы въ поляхъ не обрѣтали своего спасенія.

Младый Англинскій Милордъ Георгъ, будучи въ сіе время со псовою охотою на полѣ, принужденъ былъ отъ страшной сей грозы искать своего спасенія въ лѣсу; но и сей былъ отъ него въ отдаленности; однакожъ, увидѣвши онъ въ сторонѣ одно кедровое дерево, прискакавъ къ оному, остановился, но отъ дождя и граду и отъ сильныхъ громовъ и отъ жестокой молніи укрыться подъ онымъ не можетъ; становится на колѣни, простираетъ руки свои къ небу, проситъ Юпитера о утоленіи сего гнѣва.

Наконецъ по нѣсколькихъ часахъ ужасная сія гроза утихла; а день сталъ уже приближаться къ вечеру. Милордъ сѣвши на лошадь хотѣлъ ѣхать домой, и оборотясь въ одну сторону, увидѣлъ

недалеко отъ того дерева лежащаго подъ кустомъ зайца, которой тотчасъ вскоча побѣжалъ въ поле; бывшія же съ Милордомъ собаки бросившись за нимъ, такъ близко къ нему прилѣзли, что изъ спины шерсть съ кровью вырывали, а заецъ отороплѣвъ вертѣлся между собаками, и Милорду казалось, что они вѣрно его поймаютъ; но заецъ приближась къ одному острову, вдругъ отъ сабакъ удалился, за которымъ въ слѣдъ Милордъ, какъ горячей охотникъ, хотя и скакалъ во всю пору, однако изъ глазъ своихъ его потерялъ; а въѣхавши въ островъ увидѣлъ своихъ собакъ всѣхъ въ крови, которыя съ превеликою злобою лаютъ, рвутъ траву, и дерутъ землю, отъ чего онъ и отбить ихъ не можетъ; но вдругъ отдалясь отъ того мѣста, опять поскакали, бросаясь то въ ту сторону то въ другую, подобно какъ бѣшаныя, а за ними умножался кровавый слѣдъ, только отъ чего и на что они лаютъ и за чемъ скачутъ, ничего примѣтить было не можно, итакъ изъ виду глазъ его ускакали.

Милордъ, по обыкновенной охотническ ой страсти, скакавши безъ всякаго разсудка, забылъ, что за нимъ ни одного

человѣка не было; ибо всѣ охотники во время грозы, собирая разсѣянныхъ по полю собакъ, разъѣхались по разнымъ мѣстамъ; итакъ онъ ѣздя по острову, искалъ своихъ собакъ и подавалъ охотникамъ въ рогъ голосъ, но тщетно было его стараніе, потому, что они, искавъ не малое время своего господина, подумали, что онъ отъ бывшей грозы прежде ихъ уѣхалъ; чего ради и они всѣ возвратились домой.

Между тѣмъ временемъ солнце свѣтлые свои лучи уже сокрывать стало, а пріятная луна начинала показываться на горизонтѣ, и звѣзды по чистому небу блескъ свой испускали. Милордъ хотя и не робѣетъ, однакожъ заѣхавши очень далеко и находясь одинъ въ пустомъ мѣстѣ, и не нашедъ своихъ собакъ, не зналъ что дѣлать; но наконецъ вздумалъ еще ихъ искать, и отъѣхавъ немного, увидѣлъ одну Англинскую свою суку мертвую; обѣ переднія у ней ноги переломаны и вокругъ ее множество крови; думалъ онъ, что какъ нибудь она убилась; потомъ немного подалѣе наѣхалъ полового кобеля попаламъ перерваннаго; отъ сего пришелъ онъ въ сомнѣніе, потому, что кромѣ одного зайца никакого звѣря

не видалъ; а собаки его умерщвлены чуднымъ образомъ; отъѣхавъ нѣсколько еще, усмотрѣлъ любимую свою суку безъ головы, подбитую подъ корень одного дерева, отъ котораго и прошелъ въ лѣсъ не малой кровавой слѣдъ. Отъ сего страннаго приключенія, перестали уже онъ какъ охотникъ думать и печалиться о потерянiи своихъ собакъ, но пришедъ въ великой страхъ не могъ понять, отъ чего сіе произходило; однакожъ, укрѣпя себя разсудкомъ, отважился пѣшъ кровавымъ слѣдомъ ѣхать далѣе, любопытствуя, не можетъ ли еще чего увидѣть; ибо оной слѣдъ, за произходящимъ отъ мѣсяца свѣтомъ и многой крови, потерять было не можно. И такъ по сему слѣду нечувствительно заѣхалъ онъ въ превеликой густой лѣсъ, по которому ѣздивши почти всю ночь не зналъ куды выѣхать, и лошадь свою такъ утомилъ, что едва она могла итти; сіе отняло у него послѣднюю смѣлость; тутъ началъ онъ приходить въ отчаяніе, потому, что заѣхалъ въ незнаемой великой и почти непроходимой лѣсъ, въ которомъ отъ лютости звѣрей могъ быть подверженъ великой опасности, а къ оборонѣ своей ничего при себѣ кромѣ одного охотничьяго ножа не имѣлъ, и за утомленіемъ лоша-

ди никакъ далѣе ѣхать ему было не можно. Въ сихъ печальныхъ размышленіяхъ до тѣхъ поръ онъ находился, какъ уже солнце опять стало показываться на горизонтѣ, и небо какъ яхонтъ голубаго цвѣта, представлялось глазамъ его, по которому текущія тонкія и прозрачныя облака обѣщали ясную и пріятную слѣдующаго дня погоду. Чрезъ сіе осіяніе лѣсъ въ переди его сталъ казаться гораздо рѣже, сквозь которой видно было чистое мѣсто; направя онъ туда свою лошадь, выѣхалъ на небольшой съ рѣдкими лавровыми деревьями лугъ, на которомъ произрастали различные прекраснѣйшіе цвѣты, отъ которыхъ происходило великое благоуханіе и показывали пріятнѣйшій видъ.

Милордъ о семъ прекрасномъ мѣстѣ думалъ, что оно нарочно уготовано богинею Церерою, для чистѣйшей богини Діаны, когда она приходитъ утружденная съ ловитвы со своими Нимфами, для сладкаго покоя.

Веселяся онъ симъ прекраснымъ мѣстомъ, и смотря на растущую на томъ лугу равную и густую траву, наслаждался благоуханіемъ, происходящимъ отъ

различныхъ цвѣтовъ, съ великимъ удовольствіемъ. Но какъ онъ всю ночь препроводилъ безъ сна, а обыкновенно на утренней зарѣ лучшій и пріятной бываетъ у человѣка сонъ, особливо же по претерпѣніи великаго безпокойства; то сонъ его такъ сталъ одолѣвать, что едва могъ сидѣть на лошади; чего ради принужденъ онъ съ лошади слѣзть, и привязавъ ее къ одному дереву, самъ легъ подъ тѣнію онаго на зеленой и густой травѣ спать; а какъ довольно выспался, то вставши ходилъ по сему прекрасному лугу; рвалъ цвѣты и плелъ изъ нихъ вѣнокъ, которой хотѣлъ отвезть въ презентъ къ своей невѣстѣ за превеликую диковинку; ибо онъ думалъ, что въ Лондонѣ и въ Королевскомъ саду такихъ цвѣтовъ не было, только не зналъ, въ которую сторону ему изъ лѣсу выѣхать, и для того принужденъ былъ взлѣсть на одно дерево, (нужда всему научитъ) и смотря съ онаго увидѣлъ недалеко отъ того мѣста небольшую рѣдкую и подчищенную рощу, отъ которой по прешпективой дорогѣ, усажденной разными деревьями, видѣнъ былъ преогромной каменной, удивительной архитектуры домъ. Увидѣвши сіе пришелъ онъ въ удивленіе, разсуждая, какому бы въ такомъ пус-

томъ мѣстѣ быть дому; чего ради и принялъ намѣреніе для любопытства туда ѣхать, и сѣвши на свою лошадь, пріѣхалъ прямо къ воротамъ того дому, у которыхъ прикованы были на желѣзныхъ цѣпяхъ два превеликіе свирѣпые льва, кои изпускали преужасной ревъ и бросалися одинъ на другова, но за короткостію цѣпей сразиться между собою не могли. Любопытство Милордово столь было велико, что онъ, презирая видимую отъ сихъ люттѣйшихъ и дышущихъ злобою звѣрей опасность, вознамѣрился проскакать на дворъ; итакъ ударивши свою лошадь шпорами, пустился во всю пору, но отъ лютости сихъ звѣрей ускакать не могъ; ибо какъ скоро противъ ихъ поравнялся, то они, во мгновеніе ока ухватя его лошадь, разтерзали; а онъ свалясь съ лошади, такъ скоро и легко на дворъ откатился, какъ бы сильнымъ вѣтромъ его отъ лютости сихъ звѣрей отбросило. Тутъ позналъ онъ безразсудное свое отъ любопытства произходящее дерзновеніе, и вставши съ земли, не зналъ которымъ богамъ приносить благодарность за спасеніе своей жизни; но притомъ не мало удивлялся, что какъ на дворѣ, такъ и въ открытыхъ у палатъ окнахъ, не видно было ни одного

человѣка; чего ради пошелъ онъ прямо къ палатамъ, и вошедъ въ сѣни, въ которыхъ полъ устланъ былъ коврами, стѣны обиты розноцвѣтными ткаными обоями, а лѣсница устлана самымъ лучшимъ алымъ сукномъ, по которому онъ итти не осмѣлился, а пошелъ въ верьхъ по сторонѣ лѣсницы, и вошелъ въ пребогатой меблированной различными драгоцѣнными уборами залъ, посреди котораго накрытъ былъ на осьмнатцать приборовъ столъ; а въ прочіе покои всѣ двери были отворены, и чрезъ нѣсколько комнатъ въ одной горницѣ стояла бархатная малиновая съ золотымъ голуномъ кравать. По всѣмъ имѣющимся въ томъ домѣ богатымъ уборамъ надобно было думать, что сей домъ принадлежалъ какому ни есть Королю, или знатному Принцу, только людей ни одного человѣка не было; чего ради онъ во внутренніе покои итти и не осмѣлился, но вышедъ опять въ сѣни хотѣлъ стать и дожидаться, не можетъ ли кого увидѣть и обо всемъ освѣдомиться; но только вышелъ онъ въ сѣни и взглянулъ къ воротамъ, то увидѣлъ подъѣзжающую къ онымъ одну карету цугомъ, и прикованные у воротъ злобные львы тотчасъ пошли въ мѣста, назначенныя для ихъ по-

кою. Карета въѣхавъ на дворъ и не доѣзжая не много до крыльца остановилась, изъ которой вышла преизрядная собою дама. Милордъ видя сіе разсудилъ за лучшее сойти въ низъ и ее встрѣтить; дама увидѣвши его, поклонилась ему и остановилась; потомъ въѣхала на дворъ другая карета пребогато убранная, какъ шорами на лошадяхъ, такъ и ливреею на лакѣяхъ, и подъѣхавъ къ самому крыльцу остановилась, и вышла изъ нее одна же дама въ бѣломъ платьѣ, такой неописанной красоты, что Милордъ отъ робости не смѣлъ на нее прилѣжно смотрѣть, и стоялъ какъ изумленной. Дама сія, взглянувъ на него свирѣпымъ видомъ, и не сказавъ ни слова, пошла прямо по сукну въ верьхъ, потомъ еще пріѣхали пять каретъ цугами, въ каждой сидѣло по три дамы, и подъѣхавъ къ крыльцу и вышедъ изъ каретъ, равнымъ же образомъ поклонясь ему, слѣдовали за первою; а послѣдняя изъ нихъ сказала ему, чтобъ изволилъ итти въ покои Маргрефинины. Милордъ не отзывствуя ничего, но поклонясь съ учтивостію и страхомъ, пошелъ за ними.

Въ сіе время пришла ему на память невѣста его Елизавета, о которой онъ

думалъ, что подобной ей въ красотѣ сыскать не можно, но изъ сихъ семнатцати дамъ самая послѣдняя ее превосходила; а Маргрфиню почиталъ уже онъ не инако, какъ богинею, а не человѣкомъ: только не зналъ кто она такова, и въ какомъ онъ мѣстѣ находится.

Въ такихъ размышленіяхъ вошелъ онъ въ преждевидѣнную имъ залу, въ которой уже находилось человѣкъ до двацати лакѣевъ и офиціянтовъ, въ пребогатомъ платьѣ, изъ которыхъ одинъ подошедъ къ нему съ учтивостію сказалъ, чтобъ онъ изволилъ итти въ аудіенцъ-камеру. Милордъ послѣдуя за нимъ вошелъ въ пребогатоубранную горницу, которая обита золотымъ глазетомъ съ вырѣзанными изъ парчей разныхъ цвѣтовъ пукетами; посреди оной стоялъ сдѣланной изъ самаго чистаго мрамора тронъ, надъ которымъ балдахинъ изъ зеленаго бархата, пребогато вышитой золотомъ; на ономъ тронѣ сидѣла Маргрфиня, а по правую сторону трона стояли шестнадцать прекраснѣйшихъ дѣвицъ, въ одинакомъ пурпуроваго цвѣта платьѣ. Какъ скоро онъ вошелъ въ сію комнату, то Маргрфиня встрѣтила его слѣдующими словами: А! господинъ Ми-

лордъ! я васъ очень давно желала видѣть, но ни какимъ способомъ до сего времени случая не имѣла, а теперь вы и сами незваные ко мнѣ пріѣхали, только не знаю, съ какими глазами и совѣстію могли вы предо мною показаться; и оборотясь къ своимъ Фрейлинамъ сказала: вотъ тотъ-то Аглинской Милордъ, спѣсивой женихъ, которой изъ двенадцати во всемъ свѣтѣ славныхъ портретовъ, которыхъ я могу назвать моими пріятельницами, ни одной себѣ въ невѣсты не только не удостоилъ, но ни одна изъ нихъ безъ ругательства не осталась; и оборотясь опять къ Милорду, говорила: вы сударь не думайте, чтобъ я за ихъ обиду вамъ не отмстила; а притомъ поздравляю васъ по выбору вашему съ невѣстою, и увѣряю, что вы своимъ выборомъ такъ ошиблись, что она противъ обруганныхъ вами ни одной ихъ ноги не стоитъ, а только въ томъ предъ ними имѣетъ преимущество, что чрезъ три мѣсяца по женидьбѣ вашей можно будетъ васъ поздравить съ сыномъ или дочерью.

Слышавши сіе Милордъ, пришелъ въ великое сомнѣніе, и не можетъ понять почемубъ сія Маркграфиня обо всемъ томъ могла вѣдать: ибо разсужденіе о портретахъ

было только при трехъ персонахъ, и на тѣхъ столько онъ былъ надеженъ, какъ самъ на себя; притомъ же и видя его въ первой разъ, и не спрося кто онъ таковъ, знаетъ какъ зовутъ и обо всѣхъ его дѣлахъ извѣстна.

Все сіе приводило его въ чрезмѣрное удивленіе, по чему и не осмѣлился уже онъ никакова въ томъ предъ нею приносить оправданія, а вознамѣрился открыть самую истину, чего ради и отвѣчалъ ей: Милостивая государыня, я осмѣлюсь о помянутыхъ вами двенадцати портретахъ донести, что я говорилъ объ нихъ не въ поношеніе ихъ чести, но по принужденію моей сестры и тетки, которыя, выбирая мнѣ нѣвѣсту, показывали тѣ портреты, а я не имѣя еще тогда намѣренія женишься, говорилъ объ нихъ для того, чтобъ онѣ меня больше къ женидьбѣ не принуждали; а что теперь по несчастію моему имѣю невѣсту, то она не по выбору моего желанія, но по провидѣнію боговъ, дана мнѣ отъ Короля, моего Государя; и ежели она дѣйствительно такого состоянія, какъ вы объявлять изволите, то я желаю лучше лишиться жизни, нежели по трехъ мѣсяцахъ моей свадьбы сносить

ругательное поздравленіе; — выговоря сіе, сталъ предъ Маркграфинею на колѣна; она видѣвши сіе сошла тотчасъ съ трона, и поднявъ его за руку, сказала: Милордъ, вы ни чемъ другимъ какъ только истиннымъ признаніемъ спасли жизнь свою отъ справедливаго моего гнѣва; ибо я никакъ не думала, чтобъ такой честной и разумной Англинской Милордъ могъ поносить честь дамскую; развѣ вы не знаете, что богиня Діана, яко хранительница честности, за сіе безъ отмщенія не оставляетъ; однакожъ я вамъ теперь все прощаю, и желаю вѣдать, знаетель вы, гдѣ теперь находитесь и съ кѣмъ говорите?

Ваше Величество, отвѣчалъ Милордъ, я слышалъ отъ вашихъ фрейлинъ, что они именовали васъ Маркграфинею, а больше ничего по нечаянному моему сюда прибытію не вѣдаю, и гдѣ нахожусь, ничего того не знаю. Маркграфиня усмѣхнувшись сказала: я Фридерика-Луиза Бранденбургская, вдовствующая Маркграфиня. Ваше величество, говорилъ Милордъ, я еще будучи въ школѣ о красотѣ и премудрыхъ вашихъ дѣлахъ довольно читалъ въ одной Италіанской книгѣ. Маркграфиня, пожаловавъ его къ рукѣ и

оборотясь къ своимъ Фрейлинамъ, сказала: Я думаю время уже кушать, и пошла въ залъ, и Милорду приказала итти за собою, и посадила его за столъ подлѣ себя, а прочія вокругъ ихъ сѣли.

Во время стола Маркграфиня разговаривала съ Милордомъ о разныхъ матеріяхъ съ великою пріятностію, а по окончаніи стола, взявъ его за руку, повела въ свою спальню, и посадя подлѣ себя на кравать, говорила: Вы очень меня одолжите, ежели разкажите мнѣ, какимъ образомъ вы изъ Лондона отлучились и сюда заѣхали? Ваше Величество, отвѣчалъ Милордъ, я видѣвши высочайшую вашу къ себѣ милость, за великое буду почитать счастіе, что удостоюсь объявить вамъ не только странное вчерашнее со мною приключеніе, но всю исторію съ начала моей жизни, и сталъ сказывать слѣдующими словами.

Когда судьба лишила меня любезнѣйшаго моего родителя Ирима, то я остался послѣ его въ самыхъ еще младенческихъ лѣтахъ, подъ охраненіемъ моего дяди Христофора, роднаго брата моего родителя; матери же моей я ни мало не помню. Сей мой дядя принялъ меня въ

свое покровительство, такое обо мнѣ имѣлъ попеченіе, какъ бы о родномъ своемъ сынѣ, но къ несчастію моему и онъ по соизволенію Королевскому назначенъ былъ для нѣкотораго секретнаго дѣла полномочнымъ министромъ въ Константинополь; почему и разсуждалъ онъ, что со мною дѣлать; оставить меня одного въ домѣ моего родителя въ такихъ младенческихъ лѣтахъ почиталъ за невозможное, опасаяся, чтобъ я въ самомъ ребячествѣ не сдѣлалъ привычки къ худымъ дѣламъ, также и къ себѣ взять въ домъ не имѣлъ способу, потому, что онъ жены у себя не имѣлъ; а только были у него двѣ дочери, большая именемъ Люція семнадцати, а другая Филистина пятнатцати лѣтъ, о которыхъ онъ также не мало безпокоился, — что онѣ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ остаются безъ всякаго покровительства, разсуждая, что какъ бы ни были добродѣтельны его дочери, но живучи однѣ въ домѣ, никакъ не могутъ остаться отъ бездѣльниковъ безъ поношенія чести; но наконецъ, по многихъ, печальныхъ колеблющихъ его душу разсужденіяхъ, рѣшился онъ оставить меня въ домѣ моего родителя, подъ присмотромъ одного изъ нашихъ служителей, добродѣтельнаго человѣка име-

немъ Франца, которой прежде того по нѣкоторому неправильному отъ его непріятелей доносу, сосланъ былъ въ наши маетности (ибо обыкновенно бездѣльники всегда добрыхъ людей ненавидятъ), и притомъ призвавъ одного изъ славныхъ въ Лондонѣ учителей, именемъ Ягана, договорился съ нимъ, чтобъ онъ принялъ меня къ себѣ въ школу, для ученія по склонности моей разнымъ наукамъ и просилъ его, чтобъ онъ прилѣжнѣе обо мнѣ имѣлъ попеченіе, обѣщая ему по возвращеніи своемъ изъ Константинополя учинить сверхъ договорнаго числа довольное награжденіе. Дочерей же своихъ оставилъ въ своемъ домѣ, подъ присмотромъ родной ихъ тетки Маргариты; и хотя онъ къ правленію своего дома имѣлъ вѣрнаго и надежнаго человѣка, однакожъ приказалъ ему, чтобъ онъ обо всемъ докладывалъ большой его дочери Люціи, и ничего бы безъ позволенія ея не дѣлалъ.

Такимъ образомъ учредя онъ въ своемъ домѣ всѣ порядки, и давъ дочерямъ своимъ надлежащія наставленія, и простясь съ нами съ пролитіемъ не малыхъ слезъ, предпріялъ путь свой въ Константинополь.

Итакъ я лишась покровительства любезнаго моего дяди, остался въ самыхъ еще младенческихъ лѣтахъ, подъ смотрѣніемъ помянутаго моего дядьки Франца; а какъ обыкновенно всѣ дѣти больше имѣютъ охоты и склонности къ резвостямъ и шалостямъ, нежели къ наукамъ, то сей разумной и добродѣтельной человѣкъ, умными своими разговорами и прилѣжностію, такъ меня нечувствительно отъ рѣзвостей дѣтскихъ отвратилъ и пріучилъ упражняться въ наукахъ, что я хаживалъ въ школу съ такою охотою, какъ бы въ какую веселую компанію, и книги мнѣ казались вмѣсто пріятной музыки; а когда я возвращался изъ школы домой, то сей мой дядька разсказывалъ мнѣ разныя нравоучительныя исторіи, и толковалъ какъ мнѣ должно обращаться въ свѣтѣ. Я смѣло могу сказать, что какъ ни славенъ былъ учитель мой Яганъ, но онъ не могъ столько вселить въ меня добродѣтели и хорошаго поведенія, какъ сей мудрой дядька. Онъ съ такою прилѣжностію и раченіемъ наблюдалъ всѣ мои поступки, что ни на одинъ часъ отъ меня не отлучался, и безъ себя ни одного человѣка изъ моихъ людей ко мнѣ не допускалъ; опасаясь, чтобъ они не могли иногда при мнѣ про-

износить какихъ пустыхъ и непристойныхъ словъ, какъ-то обыкновенно при молодыхъ господахъ бываетъ; почему и учитель мой поведеніемъ моимъ и прилѣжностію къ наукамъ очень былъ доволенъ, и не только чтобъ на меня за лѣность и худые поступки кричать, но всегда меня предъ всѣми моими товарищами хвалилъ, и часто говаривалъ, что у него никогда еще такого прилѣжнаго и понятнаго ученика не бывало; но сія его похвала была мнѣ иногда не очень пріятна, потому, что онъ же обучалъ нашу Принцессу Иринію; чего ради не рѣдко прихаживалъ къ намъ въ школу самъ Король и съ Королевою, и когда случался у нихъ разговоръ о наукахъ, то учитель мой и при ихъ Величествахъ часто упоминалъ обо мнѣ съ такою похвалою, какой еще во мнѣ и не доставало, и говорилъ: что онъ такой острой къ понятію наукъ головы еще не видывалъ; и чрезъ то такое обо мнѣ вложилъ Королю хорошее мнѣніе, что онъ приказалъ одному изъ своихъ придворныхъ, когда я буду во дворцѣ, всегда обо мнѣ ему докладывать; и хотя я тогда былъ еще очень молодъ, но по дозволенію Королевскому во дворецъ въ торжественные дни, въ маскерады и на курштаги хаживалъ, и въ

одинъ день будучи я во дворцѣ, Король увидѣвши меня, изволилъ самъ ко мнѣ подойти, и пожаловалъ меня къ рукѣ; нѣсколько со мною разговаривалъ, и я ему такъ понравился, что онъ приказалъ своей Принцессѣ Иринiи взять меня танцовать; я протанцовавши съ нею одинъ миноветъ, поднялъ еще одну дѣвицу, которая близко подлѣ меня прилучилась, и о которой послѣ я свѣдалъ, что она дочь Королевскаго гофмаршала, именемъ Елизавета, нынѣшняя моя невѣстна; только мнѣ въ то время примѣчать ее ни малой нужды не было, для того что я по молодости моихъ лѣтъ ни мало намѣренiя къ женидьбѣ не имѣлъ.

Король смотря на наши танцы, очень меня хвалилъ, и приказалъ мнѣ, чтобъ я въ праздничные дни, когда не учатся въ школѣ, всегда ѣздилъ во дворецъ, и старался бы съ прилѣжностiю продолжать мои науки, обнадеживая меня своею милостiю. Я по приказу Королевскому во дворецъ хотя и ѣзжалъ, но очень рѣдко; ибо любезной мой дядка какъ бы нѣчто предчувствовалъ, часто меня туда не отпускалъ. Но къ несчастью моему, по прошествiи трехъ лѣтъ, послѣ отъѣзда моего дяди въ Константинополь, и сей добродѣтельный мужъ будучи семидесяти лѣтъ скончал-

ся, котораго я лишась, не меньше объ немъ сожалѣлъ, какъ о моемъ родишелѣ, и столько плакалъ, грустилъ и рвался, что доходилъ до безпамятства; отъ чего пришла ко мнѣ жестокая горячка, отъ которой принужденъ былъ четыре недѣли лежать въ постелѣ. Сестры мои Люція и Филистина во время моей болѣзни очень часто меня навѣщали, а притомъ уже и служители мои во всякое время имѣли ко мнѣ въ спальню свободной входъ, и все, что имъ разсудилось, вольно со мною для моего увеселенія разговаривали, чего прежде при любезномъ моемъ Францѣ никакъ сдѣлать не смѣли.

Между тѣмъ въ одно время пришелъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ пріятелей, именемъ Мералій; онъ былъ одного Дюка сынъ; мать его по горячей къ нему любви, державъ при себѣ до девятнадцати лѣтъ, такъ избаловала, что онъ отъ праздности такую ко всѣмъ худымъ дѣламъ сдѣлалъ сильную привычку, что иногда и самъ видѣлъ нѣкоторые въ себѣ пороки, но никакъ уже отъ оныхъ отстать не могъ; и признавался, что оные въ него вселились по большей части отъ чрезмѣрной матерней любви; и хотя отецъ его усмотря въ немъ ху-

дое воспитаніе, отдалъ его для исправленія къ учителю, но сіе было уже поздно.

Сей Мералій пришедъ ко мнѣ, и разговаривая со мною, спрашивалъ меня, чѣмъ я забавляюсь? Я ему отвѣчалъ, что лишась любезнаго моего дядьки, и всѣхъ забавъ лишился, и ничего теперъ кромѣ печали не имѣю; ежели и есть утѣшеніе, такъ только мои книги. Это для молодаго человѣка очень скучно, говорилъ Мералій; а я ему отвѣчалъ: а для меня всего веселѣе. Нѣтъ, продолжалъ Мералій, молодаго человѣка ничто такъ веселить не можетъ, какъ Амуръ; и сія наука такъ легка и понятна, что безъ учителя въ самое короткое время обучиться можно; а для меня, отвѣчалъ я ему, кажется всего мудренѣе и безполезнѣе, потому: 1. что чрезъ сіе можетъ человѣкъ лишиться тѣхъ наукъ, которыя молодаго человѣка могутъ привести къ славѣ и чести; 2. надобно оное содержать въ великой тайности, чтобъ никто не могъ о томъ вѣдать; дабы чрезъ то не лишиться честнаго имяни; 3. въ таковыхъ дѣлахъ человѣкъ подверженъ великой опасности въ потеряніи своей жизни; 4. благородную любить

безъ великаго страха никакъ не можно, а подлую, которая любитъ будетъ изъ одного интересу, то отъ того получишь безчестную славу.

О Милордъ! говорилъ мнѣ Мералій, я вижу, что вы очень деликатны и разборчивы; а для меня такъ все равно, какая бы ни была любовница, благородная ли или подлая, я этаго не разбираю.

Маркграфиня при сихъ словахъ прервавъ Милордову рѣчь, сказала: возможно ли статься, чтобъ у благороднаго человѣка была такая безразсудная имажинація?

Извольте выслушать, Ваше Величество, говорилъ Милордъ; я ему отвѣчалъ, что я и по выбору никакую еще по моимъ лѣтамъ любить не хочу; а онъ мнѣ на сіе сказалъ: видно, братецъ, что вы еще любовныхъ дѣлъ не знаете, или не имѣете въ томъ счастья, потому такъ и разсуждаете. Пожалуй, говорилъ я ему, прекратимъ сей разговоръ, а лучше будемъ говорить о чемъ нибудь другомъ, чтобъ мнѣ не такъ было скучно. Да о чемъ же, сказалъ Мералій? ежели говорить о наукахъ, онѣ мнѣ и въ шко-

лѣ довольно наскучили; а для меня, сказалъ я ему, всего пріятнѣе,

Дайте же мнѣ посмотрѣть свою руку, говорилъ Мералій. Я тотчасъ подалъ ему руку, и онъ смотря мнѣ на руку, сказалъ: вы мнѣ теперь запрещаете говорить о любви; а я вамъ по моей хироманшической наукѣ объявляю, что хотя вы теперь у себя никакой любовницы и не имѣете, но чрезъ четыре года очень много отъ любви будете странствовать, и будете имѣть себѣ одну дѣвицу невѣстою; но не женясь на ней, другую весьма знатную и прекрасную особу съ великою честію своего благополучія въ невѣсту себѣ получите, чрезъ которую боги обѣщаютъ вамъ быть великимъ человѣкомъ, только при томъ съ великою осторожностію и разсужденіемъ вамъ поступать надобно; потому, что ежели вы хотя малое какое ни есть сдѣлаете въ то время преступленіе, то будете чрезмѣрно несчастливы; и сіе вамъ сказываю въ память моего имяни. Однако я думаю, сказалъ Мералій, что я васъ моими разговорами нѣсколько обезпокоилъ, прошу прощенья. Я благодаря его за посѣщеніе просплъ, чтобъ онъ и впредь меня не оставлялъ.

По нѣсколькихъ дняхъ, какъ я совсѣмъ отъ болѣзни моей освободился и сталъ ходить въ школу, то во одно время идучи я съ Мераліемъ домой, зашли ко мнѣ, и только стали пить чай, вошелъ ко мнѣ камердинеръ, и сказываетъ, что сестры мои прислали лакѣя звать меня къ себѣ; я приказалъ имъ сказать, что тотчасъ буду; и оборотясь къ Мераліо, говорилъ, ежели вамъ не противно, то прошу сдѣлать компанію вмѣстѣ со мною; на что онъ съ охотою согласился.

Пріѣхавъ мы къ своимъ сестрамъ, спрашивалъ я у Люціи, за чемъ она по меня присылала; она мнѣ показывала полученныя изъ Константинополя отъ отца своего, а моего дяди письма, въ которыхъ было нѣчто и для меня нужное. Между тѣмъ пріѣхала къ ней одного нашего Генерала дочь, именемъ Анна-Софія, съ тремя дѣвицами, своими пріятельницами; и по нѣсколькихъ разговорахъ, сестра моя приказала подать карты, и разобравшись партіями, сѣли играть: я, Люція и Анна-Софія въ Ломберъ; а сестра Филистина, Мералій, Кристина, дочь Португальскаго Доктора, и Дорогея Луиза, въ Кадриль.

Анна-Софія, играючи въ карты, очень пристально на меня смотрѣла, и наклонясь къ Люціи на ухо, спрашивала обо мнѣ; какъ, матушка, мнѣ кажется я сего кавалера видала, только не знаю гдѣ. Люція усмѣхнувшись отвѣчала, это Георгъ, мой двоюродной братъ: ахъ, матушка, говорила Анна-Софія, я его не узнала, какъ онъ предъ прежнимъ сталъ хорошъ.

Я видя, что онѣ шепчутъ, привставъ немного съ крѣселъ, и усмѣхнувшись сказалъ, не подозрителенъ ли я, сударыни, вашимъ разговорамъ: нѣтъ братецъ, отвѣчала Люція, Анна-Софія васъ не узнала и спрашиваетъ кто вы таковы, и что она васъ видала, да только не помнитъ гдѣ. Я на сіе отвѣчалъ: я, сударыня, съ покойнымъ моимъ родителемъ бывалъ у вашего батюшки. Простите, сударь, мнѣ, говорила она, я ей, ей! васъ не узнала, и ежели смѣю просить, чтобъ съ сестрицею вашею меня своимъ посѣщеніемъ удостоить; и выговоря сіе очень закраснѣлась; а я отвѣчалъ ей: я сударыня, за великое почту счастіе, ежели вамъ нижайшее мое почтеніе будетъ не противно.

Потомъ играя въ карты, случилось мнѣ у ней одну игру перебить, и сдѣлался у насъ въ томъ маленькой споръ: при чемъ она съ великою стыдливостію, будто бы въ шутку сказала: я, сударь, во многихъ компаніяхъ о чести и остротѣ вашего ума слыхала; а теперь вижу, что вы ни малой учтивости дамѣ сдѣлать не хотите.

Я отвѣчалъ ей: ежели вамъ сударыня то надобно, то я въ угодность вашу, а не по правилу Ломбера, могу сказать, что вы въ томъ правы, только опасаюсь, чтобъ послѣ вы не могли назвать меня лжецомъ. Она взглянувши на меня, сказала: ахъ, какіе это глаза, я еще отъ роду такихъ глазъ ни у кого не видывала. Сударыня, отвѣчалъ я ей, я еще по сіе время и самъ про свои глаза не зналъ, что они у меня не такіе, какіе у прочихъ: да чтожъ вы изволили въ моихъ глазахъ примѣтить, я бы за великое почелъ одолженіе, еслибъ вы худобу моихъ глазъ объявить мнѣ изволили: ибо я всегда почитаю себѣ за одолженіе, когда кто мнѣ въ мою осторожность откриваетъ мои недостатки: а вы, какъ я думаю, по вашему разуму, конечно ни въ чемъ ошибиться не можете, и меня въ томъ изъ сомнѣнія выведете.

Я, сударь, отвѣчала она, другимъ временемъ о томъ объявлю: и оборотясь къ Люціи шепчетъ: ей, ей! свѣтъ мой, у него самые воровскіе глаза. Люція засмѣявшись и оборотясь ко мнѣ, сказала въ слухъ: ахъ, какой вздоръ шепчетъ, будто бы вы, братецъ, имѣете воровскіе глаза: а мнѣ кажется, какихъ лучше. Я усмѣхнувшись отвѣчалъ ей: благодарствую, сударыня, за рекомендацію глазъ моихъ, которые вѣрно ни на кого, кромѣ честныхъ людей глядѣть не хотятъ.

Ахъ, сестрица! сказала Анна Софія, когда я вамъ такъ говорила? какая это лживица, какъ тебѣ это на умъ пришло? это сударь, ей, ей! неправда.

Я, сударыня, даю вамъ обѣимъ на волю, сказалъ я ей, какъ изволите, такъ и выправляйтесь. Но сестра моя, примѣтивши ея ко мнѣ любовную страсть, разговоръ сей пресѣкла, а показывала ей товары, которые она того дня купила. И такъ нашъ разговоръ кончился.

Между тѣмъ Мералій, играя въ карты съ Дороѳеею Луизою, и какъ онъ къ волокитству имѣлъ великую склонность,

то сколько можно старался сего случая не упустить, чего ради и вступилъ съ ними въ разные разговоры. Доротея по природной своей смѣлости говорила ему: я бы, сударь, вамъ никогда не совѣтовала играть въ карты: а для чего сударыня, отвѣчалъ Мералій? Для того сударь, сказала она ему, что видно вы еще только начинаете учиться, потому, что очень много дѣлаете фоуповъ, и несчастливо играете. Нѣтъ сударыня, говорилъ Мералій, я очень счастливъ, только съ вами играть не гожусь: такъ не прогнѣвайтесь, сударь, отвѣчала она ему, что я въ томъ ошиблась; и оборотясь во всю компанію сказала: а обь этихъ глазахъ какъ вы разсудить изволите? На сіе Марія-Кристина отвѣчала по Италіански (ибо Мералій по Италіански говорить не умѣлъ), это безпутная волокита. Я услыша сіе захахоталъ что есть мочи; а Мералій спрашивалъ меня, чему я смѣюсь; я ему сказалъ, что смѣюсь своей игрѣ; а на Доротеины слова Мералій отвѣчалъ: мои глаза, сударыня, очень похожи на ваши. Марія-Кристина услыша сіе захахотала, и говорила опять по Италіански: поздравляю васъ съ безпутною волокитою. А Доротея на Мералѣевы слова отвѣчала: это

не можетъ быть инако, какъ развѣ мать ваша любила моего отца. Мералій не разсудя сего слова, продолжалъ свой разговоръ слѣдующими словами: я осмѣлюсь, сударыня, сказать не въ примѣръ здѣшней компаніи, что дамскіе глаза всякую минуту ловятъ мужскіе; и ежелибъ не препятствовалъ имъ женской стыдъ, тобъ онѣ всегда прежде нашего любовь свою намъ объявляли; а то онѣ сами сперва говорить стыдятся; а какъ скоро мужчина сдѣлаетъ пропозицію, то въ одну минуту стыдливость ихъ пропадаетъ, потому, что всякая женщина прошивъ мужчины имѣетъ любовнаго жару болѣе двухъ частей; а мы уже осмаемся въ третьей.

Хотѣлъ было Мералій еще говорить больше, но Люція сказала; ахъ мои матушки, какой это безпутной пахабникъ; а я не вытерпя принужденъ былъ ему сказать: благодарствую, брацецъ, что ты своими разговорами удивилъ всю нашу компанію; ежели бы я зналъ, что отъ тебя послѣдуетъ такое вранье, тобъ ни для чего тебя съ собою сюда не взялъ; опомнись, ты видишь, что здѣсь сидятъ дѣвицы, а ты говоришь такой вздорь,

котораго и замужнимъ слушать не пристойно.

Доротея оборотясь къ Аннѣ-Софіи, сказала: я думаю, уже время и домой ѣхать, и вставъ поѣхали.

Послѣ сего спустя нѣсколько времяни, случилось мнѣ въ имянины Люціины быть опять у нее; и какъ гости всѣ разъѣхались, а остались только мы одни: то тетка наша Маргарита говорила со мною, что время мнѣ жениться, и выхваляла многихъ дѣвицъ; притомъ же и сестра Люція о томъ же мнѣ совѣтовала, и представляла въ невѣсты нѣкоторыхъ знакомыхъ ей дѣвушекъ. Но какъ я не хотѣлъ еще жениться, то смѣясь отвѣчалъ имъ, что у насъ въ Лондонѣ нѣтъ такой невѣсты, на которой бы я согласился жениться; притомъ же я еще многихъ коротко и не знаю, а на выборъ другихъ въ семъ случаѣ кромѣ самаго себя, ни на кого положиться не могу, потому, что отъ женидьбы зависитъ вѣчное человѣческое счастіе, или несчастіе.

Люція на сіе говорила мнѣ: братецъ, теперь вы всѣ науки окончили, домъ

имѣете богатой, имѣнія довольно; и такъ вамъ остается только искать, чтобъ невѣста ваша была честная и добродѣтельная. Хотитель вы, братецъ, я вамъ покажу двенадцать славныхъ портретовъ, вы только выбирайте, которая вамъ понравится; а за достоинства ихъ я вамъ ручаюсь. Я на сіе смѣясь говорилъ ей: пожалуй покажи, я готовъ васъ слушать. Люція взявъ меня за руку, повела въ свою спальню, а за нами вошли Маргарита и Филистина, и показывала мнѣ тѣ портреты, которые были самой лучшей работы.

1. Вильгельмины, Дармштатскаго Генерала дочери; я смотря на оной, говорилъ: она бы очень хороша, да только не много криворота; Люція отвѣчала мнѣ: можетъ быть ошибся живописецъ, а у нея этаго нѣтъ.

2. Улрики Елеоноры, Шведскаго Генералъ-лейтенанта дочери; правда, говорилъ я, эту можнобъ назвать красавицей, ежели бы была не кривоглаза.

3. Софіи, родной племянницы Маркграфа Бранденбургскаго.

Маркграфиня, перервавъ Милордову рѣчь, сказала: она и мнѣ племянница; однако пожалуй не опасайся, говори какъ было. Извольте быть увѣрены, Ваше Величество, отвѣчалъ Милордъ, я ничего отъ васъ утаить не могу; я смотря на оной портретъ сказалъ: она немного кривоноса. Ахъ! какъ дурно, братецъ, такъ ругать, говорила мнѣ сестра; что ты сердишся, вѣдь здѣсь никово чужихъ нѣтъ и никто объ ономъ вѣдать не можетъ.

4. Маріи-Аполлоніи, Сардинскаго Курфирста сестры; эта, говорилъ я, кажется изъ персоны не довольнаго ума.

5. Анны-Кристины, дочери Сенатора; ея и позитура, сказалъ я, показываетъ нахабною; какое это ругательство, говорила Люція.

6. Елизаветы-Терезіи, Сардинскаго Вицъ-канцлера дочери; ежели ее кто возметъ, говорилъ я, то не чѣмъ другимъ утѣшатися какъ только одною красотою, а ума въ ней не бывало.

7. Филистины Шарлоты, Гишпанскаго Адмирала племянницы; она и на

портретѣ, сказалъ я, написана смѣется; а сама уже, я думаю, великая пустосмѣшка. Никакъ, говорила Люція, она только веселаго нрава.

3. Маріи-Филистины, Прускаго Генералъ-Адъютанта дочери; ежели она подлинно такъ убирается глупо, какъ написана, то надобно ее взять такому, которой бы самъ зналъ во всѣхъ женскихъ уборахъ надлежащую пропорцію.

Батюшка братецъ, говорила мнѣ Люція, вѣпь эдакъ можешь прослыть великимъ насмѣшникомъ, что будто для васъ изъ такихъ знатныхъ невѣстъ ни одна не годится; и кликнувъ дѣвку, приказала принесть изъ другой горницы еще четыре портрета, которые показывая мнѣ сказала: вотъ то-то братецъ красавицы.

9. Маріи-Магдалины, Цесарскаго Адъютанта дочери; правда, отвѣчалъ я, она хороша, да только еще очень молода, да и щеголиха, въ золотомъ платьѣ и написана.

10. Маріи-Анны, Бразильскаго Генералъ-Маіора сестры; мнѣ кажется, ска-

заль я, она уже не меньше тридцати лѣтъ имѣетъ отъ роду. Ето правда, отвѣчала мнѣ сестра, что она васъ старѣе.

11. Вильгельмины-Амалии, Брауншвейгскаго камергера дочери; она очень несчастлива, сказалъ я, что ея портретъ пишутъ; ежели бы не писали, тобъ не всякой зналъ, что она нехороша.

12. Ингеренты-Елизаветы, Англинскаго Оберъ-Гофмаршала дочери, нынѣшней моей невѣсты.

Я смотря на сей портретъ сказалъ: вотъ эту можно назвать красавицею; ежели она подлинно такова хороша, какъ написана, а портретъ ея показываетъ въ ней великой разумъ. Я прошлаго года во дворцѣ съ нею танцовалъ, только она мнѣ не такъ хороша показалась, и я не думаю, чтобъ чрезъ годъ такъ много въ ней красоты прибавилось. Совершенно она хороша и умна, говорила мнѣ Люція, ежели тебѣ угодно, то когда она ко мнѣ пріѣдетъ, я пришлю за тобою. Хорошо, отвѣчалъ я, я очень хочу ее видѣть. Люція мнѣ сказала, что она на нынѣшней же недѣлѣ не оттѣнно позоветъ ее

къ себѣ обѣдать. И я признаюсь, что желалъ ее видѣть, не для того, чтобъ получить себѣ въ невѣсту, но для одного только любопытства. И такъ простясь съ сестрами и теткою, поѣхалъ домой.

Чрезъ шесть дней прислала ко мнѣ сестра сказать, что Елизабета будетъ къ ней обѣдать. Я одѣвшись, въ двенадцатомъ часу къ сестрѣ пріѣхалъ; увидивши я ее, призналъ за совершенную красавицу; и сидя за столомъ, смотрѣлъ на нее очень прилѣжно; высматривая какъ изъ ея персоны, такъ и изъ разговоровъ, не имѣетъ ли она какова недостатка; но ничего примѣтить не могъ, и она такъ мнѣ полюбилась, что хотя жениться былъ еще и не намѣренъ, но думалъ въ себѣ, что когда будетъ мое намѣреніе, то она мнѣ ни мало не противна.

Послѣ обѣда я нѣсколько съ нею разговаривалъ съ великою учтивостію, и сколько могъ примѣтить, что и я ей показался не противенъ. И такъ, просидѣвши она у сестры до самаго вечера, поѣхала домой. По отъѣздѣ ея, тетка моя Маргарита и сестра Люція спрашивали меня, какова мнѣ показалась Ели-

забета; я имъ отвѣчалъ, что она мнѣ не противна, только я, не имѣя еще никакого чина, жениться не намѣренъ, и съ тѣмъ отъ нихъ поѣхалъ.

Послѣ сего, когда бывалъ я во дворцѣ, то ни съ кѣмъ столько не танцовалъ, какъ съ нею, не для того, чтобъ я ее очень любилъ, но потому, что она лучше другихъ танцовала: а отецъ ея съ того времени сталъ ко мнѣ ласкаться, и всегда со мною разговаривалъ.

Въ одинъ день, тетка моя будучи у Елизабетиной матери въ гостяхъ и увидѣвши Елизабету, говорила ея матери: Ахъ! какъ вамъ должно благодарить боговъ за такое дарованное вамъ сокровище. Это правда, отвѣчала Елизабетина мать, да уже и невѣста: пожалуй, не знаешь ли гдѣ для нея хорошаго жениха.

Ахъ, мать моя! говорила моя тетка, ежели вамъ угодно, я тотчасъ вамъ объявлю, да и несуженаго, а своего племянника Георга. Ахъ, какой предорогой молодецъ, говорила Елизабетина мать: дочь бы моя очень была счастлива, еслибъ могла быть его женою: только я думаю,

что онъ ее не возметъ. А для чего, сударыня, отвѣчала ей Маргарита? мы съ Люціею нѣсколько разъ говорили ему о женидьбѣ, и онъ только тѣмъ отговаривается, что не имѣетъ еще никакого чина: а дочь вашу онъ почитаетъ за первую красавицу во всемъ Лондонѣ. Къ симъ разговорамъ присталъ и отецъ Елизабетинъ, и говорилъ имъ, что онъ меня довольно знаетъ, да и Король изъ всѣхъ молодыхъ Милордовъ признаетъ меня за перваго: и вчерась вечеромъ Его Величество изволилъ говорить, что онъ намѣренъ взять меня ко двору, только еще не извѣстенъ, окончилъ ли я свои науки, чтобъ чрезъ то не сдѣлать въ оныхъ помѣшательства.

Послѣ сихъ разговоровъ, Елизабетинъ отецъ принялъ совершенное намѣреніе дочь свою за меня сватать: и на другой день, будучи онъ во дворцѣ, изобравъ свободное время, докладывалъ Королю слѣдующими словами:

Ваше Величество, вчерашняго вечера была у меня гостья, и сватала мою дочь за Милорда Георга, Иримова сына; только онъ отговаривается тѣмъ, что не имѣетъ еще никакого чина, и за тѣмъ

жениться не намѣренъ; а дочь моя ему понравилась.

Чтожъ ты думаешь, говорилъ Король? Ваше Величество, отвѣчалъ Елизабетинъ отецъ, я бы никакого больше счастія къ благополучію моей дочери не желалъ, ежелибъ только могло сіе исполниться. Я тебѣ совѣтую, сказалъ Король, не упускать сего случая; ибо сей человѣкъ очень достойной, и я со временемъ надѣюсь отъ него ожидать пользы государству; будь увѣренъ, и ни о чемъ не думай, я тебѣ въ томъ буду вспомоществовать.

Чрезъ нѣсколько послѣ сего дней, въ празднество Королевской коронаціи, будучи я во дворцѣ на балѣ, и ничего о семъ не вѣдая, танцовалъ по прежнему съ Елизабетою. Король, подошедъ къ намъ очень близко, смотрѣлъ на наши танцы: а какъ миновепъ кончился, то я пошелъ было прочь; но Король, взявъ меня за руку, и выведя въ другую комнату, говорилъ: знаешь ли ты, Милордъ, съ кѣмъ танцовалъ? очень знаю, Ваше Величество, отвѣчалъ я Королю, это Вашего Величества Оберъ-Гофмаршала дочь Елизабета. Какъ же ты объ ней

думаешь, говорилъ Король: я отвѣчалъ Королю, что я ничего другова объ ней думать не могу, какъ только, что она дѣвица честная, и одаренная всѣми достоинствами. Я желаю, продолжалъ Король, чтобъ она была твоя невѣста; это состоитъ во власти Вашего Величества, отвѣчалъ я королю; и хотя я не инако сіе долженъ почитать, какъ за высочайшую вашу ко мнѣ милость; только пріемлю смѣлость Вашему Величеству доложить, что мнѣ еще въ такихъ ребяческихъ лѣтахъ, не показавъ Вашему Величеству никакихъ услугъ, жениться рано. Король на сіе мнѣ сказалъ: я тотчасъ сдѣлаю тебя совершеннымъ, ибо я знаю, что хотя ты и младыя имѣешь лѣта, но разумъ совершенный; чего ради и жалую тебя чиномъ моего Генералъ-адъютанта. Я, падъ предъ Королемъ на колѣни, благодарилъ его съ такимъ чувствительнымъ изъясненіемъ моей благодарности, сколько тогда мнѣ отъ сего радостнаго произшествія могло въ мою тогда притить голову.

Король поднявъ меня, говорилъ: теперь уже не можешь ты называться ребенкомъ, потому что сей чинъ принадлежитъ совершенному и заслуженному

человѣку; а ты хотя и молодъ, но по твоему разуму и добродѣтели, я тебя къ сему признаю достойнымъ; и когда ты намѣренъ женишься, то я совѣтую не упускать достойной сей невѣсты.

Я видя неожидаемую себѣ Королевскую милость, никакъ уже болѣе отговариваться не смѣлъ, и предался во всемъ на волю Его величества.

Потомъ Король, взявъ меня за руку, а Королева невѣсту, и призвавъ придворнаго пастора, тотъ же часъ надлежащимъ порядкомъ насъ сговорили; а по сговорѣ взялъ Король обѣихъ насъ за руки, привелъ къ нареченному мнѣ тестю, съ сими словами: Я тебя увѣряю, что зять твой по своему разуму и честнымъ сентиментамъ, будетъ твоей любви достоинъ. Тесть мой, припадая къ стопамъ Королевскимъ, благодарилъ его съ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ; невѣста же моя столько была симъ сговоромъ довольна, что удовольствіе и радость ясно на лицѣ ея тогда изображались; а я не знаю для чего былъ ни радъ, ни печаленъ, и если радовался, такъ больше полученному отъ Короля чину, нежели невѣстѣ. И такъ мы отужинавъ

во дворцѣ, разъѣхались по своимъ домамъ.

На другой день долженъ я былъ по моему чину ѣхать во дворецъ и принять дежурство. Король отправленіемъ моей должности очень былъ доволенъ; а рота гвардіи, которая хаживала во дворецъ на караулъ, такъ меня любила, и почитала, что вездѣ говорили, что у нихъ ни одного еще такого порядочнаго командира не было; словомъ сказать, я такъ былъ счастливъ, что ни одинъ заслуженный Генералъ при дворѣ такъ любимъ и почитаемъ не былъ, какъ я.

По исправленіи моей должности, всякой день ѣздилъ я къ моей невѣстѣ; а въ одинъ день по несчастію моему невѣста моя занемогла, и говорили мнѣ, что она отъ болѣзни вовсе ни къ чему не имѣетъ апетиту. Я сколько можно съ учтивостію совѣтовалъ ей что нибудъ покушать, дабы не привести себя въ большую слабость. Она въ угодность мнѣ приказала, чтобъ ей подали заичьихъ почекъ, или что нибудь изъ дичи; но на кухнѣ въ то время никакой дичи не случилось. И такъ я, по учтивости и какъ надлежитъ жениху всегда невѣсту

утѣшать, говорилъ ей: Ежели бы я зналъ, что вы до дичи охотницы, тобъ давно оною отъ собственной моей охоты услужилъ; и для того завтра же нарочно поѣду въ поле, и что могу поймать, или убить, съ радостію вамъ служить тѣмъ буду. Елизабета, благодаря меня за сіе, говорила: Ежели я себѣ не сочту за тягость, то она отъ моей охоты съ великимъ апетитомъ будетъ кушать.

Пріѣхавъ я домой, приказалъ своему ловчему, чтобъ къ завтрешнему дню все было въ готовности; а по утру вставъ очень рано поѣхалъ со всею охотою на поле. День съ утра до девятаго часа такъ былъ хорошъ, что всѣ охотники говорили, что они во все лѣто такого хорошаго дня не видали; но въ двенадцатомъ часу сдѣлалась вдругъ преужасная гроза и продолжалась до четвертаго часа по полудни, отъ которой всѣ мои охотники, собирая разсѣянныхъ по полю собакъ, разъѣхались по разнымъ мѣстамъ; а я оставшись одинъ, стоялъ отъ сей грозы подъ однимъ кедровымъ деревомъ. И какъ гроза миновалась, хотѣлъ ѣхать домой; но садясь на лошадь увидѣлъ подъ кустомъ одного зайца, за которымъ бывшія со мной собаки гоня-

ясь по острову, были умерщвлены чуднымъ образомъ; а я искавши ихъ заѣхалъ въ превеликой густой лѣсъ и ѣздивши по оному всю ночь, на утренней зарѣ выѣхалъ на прекрасной украшенной цвѣтами лугъ! а оттуда къ сему Вашего Величества дому; и гдѣ я теперь нахожусь, далеколь отъ Лондона, и какъ могу отсюда выѣхать, ничего не знаю, и понять не могу.

Маркграфиня выслушавъ сіе, и усмѣхнувшись сказала: Милордъ, я думаю, ты можешь видѣть, что я ни чѣмъ твоей невѣсты и показываемыхъ тебѣ Люціею портретовъ не хуже; однакожь ябы желала имѣть васъ своимъ мужемъ, только не знаю, не противна ли я вамъ буду и можете ли вы оставить свою невѣсту, а я васъ дѣйствительно увѣряю, что невѣста ваша честь свою принесла на жертву одному своему Пажу; она же у себя имѣетъ такую ехидную маму, которая чрезъ волшебство такъ ее обворожила, что она во всемъ ее слушаетъ; и для того тебѣ надобно ее очень остерегаться: ибо я вѣрно знаю, что ежели вы на Елизабетѣ женитесь, то чрезъ годъ лишитесь жизни.

Милостивая государыня, говорилъ Милордъ, возможноль статься, чтобъ милосердые боги могли положить такой предѣлъ, чтобъ мнѣ изъ Милордовъ сдѣлаться вашимъ супругомъ, и обладать такою божественною красотою.

Я съ моей стороны, говорила Маркграфиня, очень сего желаю, да и для васъ, я думаю, гораздо лучше Короля своего оставить и сдѣлаться ему равнымъ, нежели подданнымъ; только прошу васъ, чтобъ никому сего вашего приключенія не объявлять, а содержать какъ можно тайно.

О! боги, вскричалъ Милордъ, что я слышу! не сонное ли мечтаніе представляется глазамъ моимъ, или тихимъ вѣтромъ съ высоты Олимпа (*) отъ благости боговъ сіе предвѣщаніе приносится! Не ты ли чистѣйшая Діана желаешь меня избавить отъ безчестной невѣсты, или ты, премудрая Минерва, хочешь препроводить какъ Телемака сына Улиссова.

(*) Гора на островѣ Кипрѣ, а у стихотворцевъ небо.

Маркграфиня, видѣвши чрезмѣрное Милордово восхищеніе, говорила ему, чтобъ онъ ни о чемъ не сомнѣвался, толькобъ былъ терпѣливъ и постояненъ, а она уже ни для чего намѣренія своего перемѣнить не можетъ; только я, говорила она еще Милорду, прежде трехъ лѣтъ никакъ тебя мужемъ имѣть не могу, а по прошествіи трехъ лѣтъ, гдѣбъ ты ни былъ, я сама тебя сыщу; причина же тому есть слѣдующая.

Когда злая смерть разлучила меня съ любезнымъ моимъ супругомъ, и я осталась послѣ его бездѣтна еще девятнадцати лѣтъ; то тягостное правленіе государственныхъ дѣлъ такъ меня обезпокоило, что я для облегченія себя отъ сей тягости, приняла намѣреніе искать достойнаго жениха; и въ одно время будучи я у одного моего Камергера, увидѣла вашъ портретъ, на который смотря, спрашивала, чей онъ, и похожъ ли на того, съ кого писанъ? онъ мнѣ описывалъ васъ съ великою похвалою, и я съ самаго того часа почувствовала къ вамъ чрезмѣрную любовь, и положила непремѣнное намѣреніе, имѣть васъ своимъ мужемъ. А какъ я съ самаго малолѣтства отъ одного славнаго во всемъ

свѣтѣ Астролога обучена была такой наукѣ, что все предбудущее могла угадывать, и что ни задумаю, то сдѣлаю, только на время, а не вѣчно, и боги по своему милосердію всѣ мои прозьбы исполняютъ; и для того какъ я по сей наукѣ свѣдала, что вы на Елизабетѣ сговорились, которая вамъ не только въ невѣсты, но и въ любовницы не годится; то я цѣлые два мѣсяца, всякой день принося богинѣ Минервѣ великія жертвы, просила ее, чтобъ близко Лондона построить мнѣ сей домъ. Мудрая сія богиня, склонясь на мою прозьбу, тотчасъ приказала Сизифу носить отъ всюду каменья, Гигантамъ строить домъ, Вулкану ковать желѣзо, и въ одну ночь домъ сей построили; а богиня Веста, яко изобрѣтательница домовъ, всѣми богатыми уборами его украсила. И я пріѣхавши сюда, не знала какъ тебя увидѣть; но свѣдавъ по моей наукѣ, что ты поѣхалъ за охотою, то принося великому Юпитеру жертву, просила, чтобъ онъ воздвигнулъ громъ и молнію съ дождемъ и градомъ; а богиня Минерва послала отъ себя скорую Ирису, и велѣла ей явиться предъ тобою зайцемъ, за которымъ твои собаки гонялись; Нептунъ же послалъ нѣкоторое непріязненное бо-

жество, и велѣлъ собакъ твоихъ разтерзать, а тебѣ ослѣпить очи и напустить страхъ, чтобъ ты не зналъ куда выѣхать. Потомъ я, видя тебя въ такомъ безпокойномъ страхѣ, просила опять боговъ о твоемъ спокойствіи; чего ради богиня Церера показала тебѣ украшенный благовонными цвѣтами лугъ, а Фебусъ отяготилъ очи твои легкимъ и пріятнымъ сномъ, и на конецъ привелъ тебя ко мнѣ въ сей неоцѣненнаго сокровища домъ.

Милордъ, слушая сіе съ великимъ удивленіемъ, думаетъ; какой бы можно быть такъ великой наукѣ, чтобъ такія непонятныя человѣческому разуму производить дѣла; но при томъ и думать еще боится, опасаясь, что не знаетъ ли сія мудрая Маркграфиня и мыслей человѣческихъ.

Маркграфиня же видя Милордово сомнѣніе, говорила: отпустите мнѣ такъ, какъ своей невѣстѣ, вину сію, что я васъ чрезъ мою хитрость такъ много обезпокоила.

Милостивая государыня, отвѣчалъ онъ ей, цѣлуя ея руки, возможно ли

вамъ требовать прощенія отъ такого человѣка, которой все свое благополучіе посвятилъ особѣ Вашего Величества.

Въ сихъ разговорахъ препроводили они весь день до самаго ужина; а по окончаніи вечерняго стола, Маркграфиня взявъ Милорда за руку, повела въ свою спальню, съ сими словами: теперь уже я осмѣливаюсь васъ просить, отъ вашего безпокойства препроводить сію ночь со мною въ одной спальнѣ; ибо я васъ, какъ непремѣннаго своего жениха стыдиться не намѣрена: только прошу васъ, чтобъ вы ни малыхъ противныхъ чести и благопристойности мыслей обо мнѣ не имѣли, а быть воздержну, тверду и терпѣливу, ибо отъ того зависитъ общее наше благополучіе.

Милордъ клянется ей страшнѣйшими клятвами, что всѣ ея повелѣнія свято и ненарушимо исполнять будетъ.

Потомъ, кликнувши Маркграфиня свою Камер-юнгферу, стала раздѣваться, и раздѣвшись легла на постелю; а Милорду приказала ложиться на другой нарочно для него изготовленной богатой кровати; при чемъ еще ему напоминала,

чтобъ онъ былъ воздержень, а не малодушенъ. А какъ онъ прошедшую ночь очень былъ обезпокоенъ, то тотчасъ заснулъ, а по утру прежде Маркграфини проснулся; и будучи о красотѣ ея въ различныхъ размышленіяхъ, вставши подошелъ къ ея кровати, и открылъ занавѣсъ; смотря на прелестную ея красоту, въ такую пришелъ нетерпѣливость, что забывъ свое обѣщаніе и клятвы, отважился съ великою тягостію ее поцѣловать.

Услышавши сіе Маркграфиня, открываетъ свои очи подобныя сіяющимъ звѣздамъ, и взглянувъ на него свирѣпымъ видомъ, сказала: такъ ли ты исполняешь свое обѣщаніе и клятву; о какое малодушіе, какое разсужденіе! что противъ женскихъ прелестей не можешь ты преодолѣть своей страсти. Выговоря сіе, кликнула свою Камер-юнгферу, и стала одѣваться. Камеръ-юнгфера одѣвши маркграфиню, вышла вонъ; а Милордъ ставъ предъ нею на колѣна, просилъ въ преступленіи своемъ милостиваго прощенія, извиняясь, что онъ учинилъ сіе дерзновеніе отъ чрезвычайной любви.

Я вамъ сіе преступленіе прощаю, сказала Маркграфиня, только впредь на-

добно быть терпеливу и разсудительну. Однакожь я думаю, вамъ уже время ѣхать домой, ибо васъ давно по всему городу ищутъ; а завтра прошу васъ къ себѣ отобѣдать.

Какъ! Ваше Величество отвѣчалъ Милордъ, возможноль, чтобъ я такъ скоро могъ сюда возвратиться. Маркграфиня усмѣхнувшись сказала: безъ всякаго сомнѣнія можете, только я прошу, чтобъ о семъ моемъ домѣ никому не объявлять; и когда ко мнѣ поѣдете, то ни одного человѣка съ собою не бериге; вы отъ Лондона такъ далеко, что отсюда его можете увидѣть; и отворя окно, въ которое онъ дѣйствительно сквозь рѣдкую рощу городъ увидѣлъ, и не можетъ надивиться, что оный домъ такъ близко Лондона, а никто про него не знаетъ.

Маркграфиня приказала заложить карету цугомъ, въ которой Милордъ и поѣхалъ; и выѣхавъ изъ рощи на большую дорогу, видитъ, что Лондонъ отъ оной рощи отстоитъ не болѣе одной мили. Пріѣхавъ домой, карету отпустилъ къ Маркграфинѣ; а въ домѣ у себя сказалъ, что заѣхалъ съ поля къ Мералію, и у него двѣ ночи ночевалъ; а

самъ переодѣвшись въ другое платье, поѣхалъ къ невѣстѣ своей Елизаветѣ.

Мама же Елизабетина чрезъ волшебныя хитрости, все что съ нимъ не происходило вѣдала, только никому не сказывала: а просила Елизабету, чтобъ она, когда онъ къ ней пріѣдетъ, спросила, гдѣ онъ былъ? Какъ скоро Милордъ вошелъ къ Елизаветѣ въ спальню, то она съ насмѣшкою благодарила его за присланную дичь. На что Милордъ съ учтивостію извинялся, что за несчастіемъ отъ приключившейся сильной грозы, услужить ей тѣмъ не могъ, а другимъ временемъ конечно отъ собственныхъ рукъ служить будетъ. Елизабета, по наученію своей мамы, различными способами старалась вывѣдывать о его приключеніи, но ничего свѣдать не могла. И такъ просидѣвши онъ у нее до самаго вечера, простясь, поѣхалъ; и выѣхавъ изъ ея дому, изъ бывшихъ съ собою лакѣевъ одного послалъ домой за табакеркою, а другаго къ Мералію спросить, дома ли онъ, и приказалъ себя искать во дворцѣ; а самъ поѣхалъ къ Маркграфинѣ. И какъ скоро пріѣхалъ къ ея дому, то прикованные у воротъ львы тотчасъ вошли въ свои мѣста, и его про-

пустили. Въѣхавъ на дворъ, вошелъ прямо въ Маркграфинину спальню. Увидѣвши она его, встрѣтила съ великою радостію, и весь вечеръ препроводили въ разныхъ пріятныхъ разговорахъ; а по окончаніи вечерняго стола говорила она ему: любезный Милордъ, я очень радуюсь, что вы еще одну ночь у меня ночуете; только теперь уже въ одной съ вами спальнѣ я ночевать не буду, для того, что вы такъ не воздержны и малодушны, что хуже малаго ребенка; знаете-ль вы, что я и прошедшую ночь для того вмѣстѣ съ вами ночевала, чтобъ испытать ваше мужество и твердость вашихъ мыслей; но теперь узнавъ, сколь вы малодушны и терпѣливы, опасаюсь, чтобъ вы сего случившагося съ вами приключенія по невоздержности своей кому ни есть не открыли; что ежели сдѣлаете, то уже прежде шести лѣтъ никакъ меня не увидите, потому, что я по смерти моего супруга клялась богамъ четыре года вдовствовать, и принося богинѣ Діанѣ жертву, просила, чтобъ мнѣ по прошествіи четырехъ лѣтъ дали боги достойнаго мужа; на что и получила отъ сей богини отвѣтъ: „Да„дутъ тебѣ боги по желанію твоему же„ниха, отъ честной природы Англича-

„нина; и по четырехъ лѣтахъ будешь „его женою, и жизнь вамъ опредѣлятъ „благополучную: только научи его хра„нить тайну, и быть терпѣливу и „вверду; а ежели вы не будете воз„держны, и прежде вашего брака кто о „любви вашей свѣдаетъ, то ужъ не пре„жде, какъ по шести лѣтахъ бракъ „вашъ совершится, и то по претерпѣніи „великихъ несчастливыхъ приключеній.

Итакъ, я опробуя твою слабость, не надѣюсь, чтобъ ты могъ себя сохранить отъ ехидной хитрости Елизабетиной мамы; и для того я васъ предостерегаю, что ежели невѣста ваша свѣдаетъ, то вы уже меня никакимъ способомъ прежде шести лѣтъ видѣть не будете; а вамъ осталось только завтра пріѣхать ко мнѣ проститься: ибо я болѣе здѣсь жить не могу, но для нѣкотораго важнаго дѣла отъѣзжаю въ Дурлахъ; и сего дома вы здѣсь болѣе не увидите.

Въ такихъ разговорахъ препроводили они всю ночь безъ сна; и какъ насталъ слѣдующій день, то напившись чаю и кофею, Маркграфиня приказала заложить карету, и отпуская его въ Лондонъ, прощалась съ нимъ съ ліющимися

изъ прелестныхъ ея глазъ слезами, и еще напоминала, чтобъ онь сколько возможно былъ терпѣливъ, и никому сей тайны не открывалъ.

Милордъ клялся ей наистрашнѣйшими клятвами, и увѣрялъ, что онъ скорѣе согласится для нее лишиться жизни, нежели кому открыть сію тайну; и такъ сѣвъ въ карету, поѣхалъ домой.

Между тѣмъ временемъ мама Елизабетина чрезъ волшебство вѣдаючи все, что у нихъ происходило, сдѣлала по своей хитрости съ нѣкоторыми волшебными составами вареное въ сахарѣ яблоко, и принесши оное къ Елизабетѣ, просила ее, чтобь она имъ, когда пріѣдетъ къ ней Милордъ, его попотчивала.

Милордъ, не знавши сей хитрости, вставъ по утру, одѣлся и поѣхалъ къ своей невѣстѣ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ посидѣвши у нее не много, ѣхать къ Маркграфинѣ проститься; и пріѣхавъ къ Елизабетѣ, вошелъ въ ея спальню, и поцѣловавшись, какъ должно жениху съ невѣстою, сѣлъ подлѣ ея кровати. Елизабета разговаривая съ нимъ, сказала: я, сударь, отложила уже дожидаться отъ вашей охоты заичьихъ почекъ, а хочу васъ попотчивать своимъ вареньемъ; и

кликнувъ дѣвку, приказала подать изъ своего кабинета яблоко. Дѣвка тотчасъ оное принесла на фарфоровой тарелкѣ, и поставила предъ него: которое онъ отвѣдалъ, и очень хвалилъ въ вареньѣ ея искуство, а мама стоя говорила: подлинно, сударь, невѣста ваша варитъ великая мастерица; только извольте кушать, да не обожгитесь; ибо оно еще не очень остыло.

Милордъ, не зная для чего сіи слова были выговорены, ѣлъ яблоко въ угодность своей невѣсты, безъ всякой опасности: а какъ скоро его съѣлъ, то въ тужъ минуту пришла ему о Елизабетѣ великая жалость, что онъ ее обманываетъ, а жениться на ней не хочетъ, и ставши предъ нею на колѣна, извиняя себя, разсказалъ ей все, что у него происходило съ Маркграфинею. Елизабета выслушавъ сіе, залилась слезами, упрекала его въ невѣрности, и называла неблагодарнымъ; однакожъ наконецъ сказала: что она его въ томъ прощаетъ, толькобъ онъ оставя Маркграфиню, женился на ней! что онъ съ клятвою и обѣщалъ.

Но какъ скоро онъ все сіе разсказалъ, то, подобно какъ бы пробудившись отъ крѣпкаго сна опамятовался, и вспо-

мня Маркграфинино завѣщаніе, то не зналъ и самъ что ему дѣлать; глаза его наполнились горчайшими слезами, и не могъ болѣе сидѣть; но вставъ, поѣхалъ домой и разославши лакѣевъ своихъ въ разныя мѣста, самъ поспѣшалъ къ Маркграфинѣ. Но въ какое онъ пришелъ удивленіе, когда пріѣхавъ къ той рощѣ, въ которой былъ преогромный домъ, не только того дома, но и мѣста, на которомъ оный былъ построенъ, ни мало не видно; отъ чего въ такую пришелъ горесть и отчаяніе, что едва могъ на лошади сидѣть; источники слезъ лились изъ глазъ его, препещетъ его сердце, боясь за преступленіе клятвы и за несохраненіе тайности отъ правосудія боговъ справедлаваго гнѣва. Въ такихъ печальныхъ размышленіяхъ ходилъ нѣсколько времени по рощѣ, и нашелъ въ одномъ мѣстѣ превеликой камень, на которомъ написаны слѣдующія слова:

Коль тайны Маркграфининой не могъ ты сохранить,
То прежде шести лѣтъ и въ супружество ее не можешь получить.

А въ низу:

Прощай, и дѣлай что хочешь.

Прочитавши онъ сію надпись, неутѣшно плакалъ, напоминая всѣ слова премудрой Маркграфини, и размышляя въ себѣ, съ какими глазами можетъ онъ къ ней показаться; но опять разсуждалъ: нѣтъ, я ее не оставлю, ибо она, какъ мудрая и великодушная, совершенно въ преступленіи моемъ можетъ меня извинить; потому, что сіе сдѣлалось не отъ моего слабаго невоздержанія, но отъ ехидной хитрости Елизабетиной мамы, которая, ежели бы захотѣла меня и уморить, тобъ я, по невѣденію моему, никакъ отъ того избавиться не могъ. Итакъ, пока милостивые боги не отнимутъ моей жизни, искать ее не перестану.

Съ такими мыслями возвратился онъ домой, и собравъ, сколько тогда было въ его домѣ червонныхъ, бриліантовыхъ и прочихъ дорогихъ вещей, и призвавъ къ себѣ своего камердинера (сына бывшаго своего любимаго дядьки), говорилъ ему: я въ вѣрности твоей ни мало не сомнѣваюсь, и для того поручаю тебѣ въ смотрѣніе весь мой домъ; получаемые же мои доходы отдавай на сохраненіе сестрѣ моей Люціи, для того, что я для нѣкотораго секретнаго дѣла принужденъ

ѣхать въ Италію; итакъ теперь должень ты сходить и нанять для меня самыхъ лучшихъ почтовыхъ лошадей, и чтобъ оныя въ первомъ часу по полуночи были въ готовности; только съ тѣмъ, чтобъ ни одинъ человѣкъ о томъ не вѣдалъ. Вѣрный сей слуга, сожалѣя о нечаянномъ отъѣздѣ своего господина, съ наполненными слезъ глазами пошелъ за лошадьми; а Милордъ между тѣмъ написалъ къ Люціи слѣдующее письмо.

Любезная сестра!

„Я, по необходимому нѣкоторому случаю отъѣзжая въ Италію, не имѣлъ времени съ вами проститься; но прошу покорно получаемыя изъ доходовъ моихъ деньги отъ Францова сына принимать въ свое сохраненіе, и въ случаѣ надобности, по присылаемымъ отъ меня векселямъ, на кого оные будутъ адресованы, платить безъ замедленія. Сестрѣ Филистинѣ объявить мое почтеніе: а у невѣсты моей Елизабеты исходатайствовать прощеніе, что я не сказавши ей уѣхалъ.“

Запечатавъ сіе письмо, положилъ на столъ: а камердинеръ его притедъ сказываетъ, что лошади въ первомъ ча-

су будутъ дожидаться у воротъ. Милордъ отдавъ ему письмо, приказалъ, чтобъ онъ по утру отнесъ его къ Люціи; а самъ, испуская изъ глазъ своихъ слезы, и простясь съ вѣрнымъ своимъ слугою, сѣлъ на почтовую лошадь верьхомъ, отправился со всевозможною скоростію съ однимъ только почтаремъ въ Бранденбургію, и надѣяся, по словамъ Маркграфининымъ, найти ее въ Дурлахѣ. Итакъ до восхожденія еще солнца, переѣхавъ онъ миль съ двадцать, остановясь въ одной деревнѣ, разсудилъ болѣе на почтовыхъ лошадяхъ не ѣхать; будучи въ томъ мнѣніи, что когда въ Лондонѣ объ отъѣздѣ его свѣдаютъ, то конечно пошлютъ его искать, и по почтамъ могутъ дознаться, куда онъ ѣдетъ: и для того, купя въ той деревнѣ самую лучшую лошадь, поѣхалъ одинъ съ большой дороги въ сторону, съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ стороною мимо большой дороги доѣхать до морскаго берега, и нанявъ корабль отправиться въ Бранденбургію. И ѣхавши онъ цѣлой день, не останавливаясь ни на часъ, такъ лошадь свою утомилъ, что далѣе уже ѣхать на ней не могъ; и для того, своротя съ дороги въ лѣсъ, вознамѣрился въ ономъ ночевать, и пустя свою лошадь на орканѣ

на траву, самъ положа сѣдло въ головы, легъ подъ однимъ деревомъ спать: и хотя имѣлъ онъ безпокойныя мысли, но отъ понесеннаго труда заснулъ очень скоро. Оставимъ мы теперь Милорда, спящаго въ лѣсу; а посмотримъ, что происходило послѣ его отъѣзда въ Лондонѣ.

Камердинеръ его, вставши по утру, и взявъ оставленное ему письмо, пришелъ къ Люціи, и подавая оное съ великими слезами, не могъ выговорить ни одного слова. Люція не видавши его въ слезахъ, не мало удивилась, говоря ему: все ли у васъ здорово, и здоровъ ли братъ? Камердинеръ сквозь слезы отвѣчалъ ей: ежели бы братецъ вашъ былъ не здоровъ, то бы къ вамъ и не писалъ, а о слезахъ моихъ изъ сего письма увѣдомиться изволите. Люція, прочитавши письмо, пришла въ чрезвычайное удивленіе, не зная на что подумать; ежелибъ ему ѣхать, говорила она камердинеру, въ Италію для принятія службы, или для вояжированія; тобъ надобно это сдѣлать съ дозволенія Королевскаго и съ хорошею о себѣ рекомендаціею; да и сіебъ лучше предпріять прежде, когда еще не имѣлъ невѣсты; а теперь, сговорясь на та-

кой знатной и всѣми достоинствами украшенной дѣвицѣ, и получа отъ короля великой чинъ, все оставилъ въ пренебреженіи; не знаю, съ какими онъ глазами и совѣстію можетъ возвратиться въ свое отечество. Ахъ! любезный братъ, что ты сдѣлалъ, куда дѣвался твой разумъ! и выговоря сіе упала въ обморокъ. Предстоящіе, подхватя ее безъ всякаго чувства, положили на постелю, и разными спиртами едва могли привесть въ память, а какъ чрезъ нѣсколько часовъ пришла она въ прежнее состояніе, то говорила: кого я осуждаю, можно ли, чтобъ такой разумной человѣкъ могъ предпріять безразсудное дѣло, конечно есть въ томъ какое ни есть сокрытое таинство.

Потомъ приказала заложить карету, поѣхала къ теткѣ своей Маргаритѣ, и вмѣстѣ съ нею къ Милордовой невѣстѣ Елизабетѣ, и показывала ей его письмо, которое она читавши, очень плакала, а послѣ разсказывала имъ, что онъ самъ ей сказывалъ объ Маркграфинѣ; почему они уже безъ сомнѣнія всѣ и заключили, что онъ поѣхалъ къ ней; и для того тотъ же часъ сѣвши въ карету поскакали въ ту рощу, въ которой,

по объявленію Милордову, былъ Маркграфининъ домъ: но пріѣхавъ туда ничего не нашли, а только увидѣли объявленной съ надписью камень, чего ради и думать уже имъ другаго было нечего, что онъ поѣхалъ искать Маркграфиню, съ чѣмъ они и возвратились въ Лондонъ. Елизабета, пріѣхавъ домой съ великими слезами, разсказала обо всемъ своему отцу, которой пришедъ отъ сего въ великое огорченіе, поѣхалъ во дворецъ, и доложилъ объ ономъ Королю съ великимъ поношеніемъ Милордовой чести. Король разгнѣвавшись, тотчасъ приказалъ послать для исканія Милорда по всѣмъ дорогамъ великія партіи, но все было тщетно; ибо посланные ѣздивши миль по двадцати, возвратились безъ всякаго извѣстія; и сіе не только Елизабету о потеряніи достойнаго жениха, но и весь Милордовъ домъ привело въ великую печаль.

Теперь обратимся мы опять къ Милорду, которой довольно выспавшись, всталъ еще до восхожденія солнца, и осѣдлавъ лошадь, продолжалъ путь свой незнаемою дорогою; однакожъ скоро выѣхалъ опять на большую дорогу, и ѣдучи оною весь день, пріѣхалъ къ вечеру въ превеликой густой лѣсъ, въ которомъ

необходимо долженъ былъ препроводить слѣдующую ночь, по тому, что лошадь его отъ скорой ѣзды далѣе уже итти не могла; съѣхавши онъ въ сторону, и разсѣдлавъ свою лошадь, пустилъ на орканѣ, а самъ по прежнему положа сѣдло, хотѣлъ ложиться спать; но вдругъ услышалъ конской топотъ, какъ бы сворачиваютъ съ дороги къ тому же мѣсту, гдѣ онъ находился, чего онъ испугавшись, разсудилъ для безопасности взлѣсть на одно густое дерево, и смотрѣть оттуда, какіе то люди и не его ли ищутъ. Чрезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ онъ, что двѣ кареты подъѣхавъ къ самому тому дереву, на которомъ онъ укрывался, остановились и вышли изъ одной кареты четыре дѣвицы, изъ которыхъ одна, какъ платьемъ, такъ и осанкою отъ прочихъ отличалась; по чему и признавалъ ее Милордъ госпожею, въ чемъ онъ и не обманулся; ибо она тотчасъ приказала у другой кареты отворить двери, изъ которой вышли еще три дѣвицы, и вывели одного изрядного собою кавалера, у котораго ротъ и руки были завязаны.

Сіе привело Милорда въ немалое удивленіе, и принужденъ онъ больше таиться, чтобъ его не видѣли. Потомъ

пріѣзжая госпожа приказала для лучшаго отъ ночной темноты свѣту развести огонь, что непродолжительно было исполнено; отъ чего и сдѣлался такой свѣтъ, что Милорду всѣхъ присутствующихъ тутъ можно было видѣть, и онъ узналъ, что сія госпожа невѣстѣ его Елизабетѣ двоюродная сестра, именемъ Любилля, которая тогда жила съ своею бабкою въ одной маетности. Она сѣвши у огня, приказала кавалера развязать, съ сими словами: ну, теперь, безчеловѣчный и немилосердый любви моей тиранъ, наполняй своимъ воплемъ сей густой лѣсъ, я здѣсь ничего не опасаюсь; и когда ты изъ доброй воли любить меня не хочешь, то я принужу тебя къ тому съ ругательствомъ твоей чести. Какъ развязали сему кавалеру ротъ, то Милордъ зналъ, что онъ одного знатнаго Лондонскаго купца сынъ Маремиръ, въ котораго Любилля влюбясь, никакъ не могла склонить его къ своему намѣренію, потому, что онъ имѣлъ у себя другую любовницу, чего ради онъ на слова Любиллины и отвѣчалъ: что онъ ни для чего любить ее не будетъ, и чрезъ то невѣрности своей любовницѣ не сдѣлаетъ.

Негодный, говорила ему Любилля, я

уже не прошу тебя, чтобъ ты вѣчно меня любилъ, но хотя на одинъ только часъ окажи ко мнѣ свою склонность; ты видишь, что теперь находишся въ моей власти, что хочу, то съ тобою сдѣлаю; я могу тебя сей же часъ лишить жизни, и оставлю негодной твой трупъ въ семъ темномъ лѣсу, на растерзаніе люттѣйшимъ звѣрямъ, о чемъ и любовница твоя не будетъ имѣть ни малаго извѣстія. Я съ радостію, отвѣчалъ ей Маремиръ, лучше соглашусь лишиться жизни, нежели исполнить вашу волю.

Любилля, видя Маремирову твердость, пришла въ такое неистовство, что съ великимъ жаромъ своего сердца говорила: а когда ты, негодный, изъ доброй воли не хочешь на мое предложеніе согласиться, такъ я поступлю съ тобою такъ, какъ сестра моя Елизабета сдѣлала съ своимъ пажемъ, будучи въ загородномъ своемъ домѣ, который такъ же не хотѣлъ согласиться на ея предложеніе, но она его принудила любить себя неволею.

Здѣсь, любезный Читатель, благопристойность не дозволяетъ перу моему изъяснить всѣхъ непристойностей, ка-

кія Любилля употребляла на прельщеніе Маремирово; довольно, что она во исполненіе своей злости, приказала его обнажить, и заставила своихъ дѣвокъ по голому тѣлу сѣчь прутьями до тѣхъ поръ, пока увидѣла текущую ручьями изъ спины его кровь; а потомъ надѣвши на голое тѣло одинъ только камзолъ, и тотъ по поясъ обрѣзали, для того, чтобъ текущая кровь на поруганіе ему всѣми была видима; и посадя его въ карету, приказала отвесть къ ближнему какому ни есть селенію, и высадя пустить на волю, а самимъ возвратиться въ свою деревню. Съ такимъ тріумфомъ бѣднаго Маремира она и отправила, а сама сѣвши въ другую карету, поѣхала домой.

Милордъ смотря съ дерева на странное сіе позорище, не могъ надивиться похабству сей женщины, и сожалѣя, что онъ при семъ случаѣ за собственнымъ своимъ обстоятельствомъ не могъ освободить Маремира отъ сего ругательства; но притомъ радовался, что чрезъ сей случай могъ спознать о безчестности своей невѣсты, и увѣрился, что Маркграфиня сказывала ему объ ней дѣйствительную правду.

По отъѣздѣ благочестивой сей женщины, слѣзъ онъ съ дерева, и препроводилъ остатокъ ночи въ томъ лѣсу; а по утру. осѣдлавъ свою лошадь, поѣхалъ большою дорогою, и чрезъ нѣсколько часовъ выѣхавши изъ лѣсу на чистое поле, увидѣлъ въ правой сторонѣ море, и идущій по оному корабль; чего ради и поспѣшалъ онъ какъ можно скорѣе къ морскому берегу, и пріѣхавъ къ оному, пустилъ свою лошадь въ поле, а самъ остановясь на берегу, дожидался плывущаго корабля, который по счастію его держалъ свой курсъ прямо къ тому мѣсту, и не доплывъ до берега, сталъ на якорѣ. Милордъ кричалъ изъ всей силы, чтобъ взяли его на корабль; корабельщики услышавши голосъ, послали къ берегу шлюбку, и привезли его на корабль, благодаря онъ ихъ спрашивалъ, куда они намѣрены продолжать путь свой. Мы Голландцы, отвѣчали ему корабельщики: ѣздили съ товарами въ разныя государства, и окончивши нашъ вояжъ, возвращаемся въ свое отечество. Милордъ просилъ ихъ, чтобъ они отвезли его къ берегамъ Голландскимъ, за что обѣщалъ заплатить такую цѣну, какую пожелаютъ. Голландцы на сіе согласи-

лись; ибо имъ не болѣе какъ только на одинъ день было лишняго ходу.

Между тѣмъ времянемъ началъ дуть способный для нихъ вѣтръ, и они вынувъ якорь, и поднявъ парусы пустились по морю, держа курсъ прямо къ Германіи, и сей день для ихъ плаванія былъ оченъ благополученъ, а какъ только солнце стало лучи свои скрывать въ морскую бездну, и небо обѣщало пріятную и свѣтлую ночь, тогда увидѣли они плывущій противъ себя небольшой корабль, которой подошелъ къ нимъ такъ близко, что съ онаго ухватясь за ихъ корабль крючьями притянули къ себѣ. Тутъ Голландцы узнали, что то были Турецкіе корсары, которые ѣздя по морю, разбивали попадающіе имъ корабли, и для того принялись было за ружья, хотѣли обороняться; но корсары съ великою проворностію вскоча на корабль, и не давъ имъ справиться, многихъ перерубили и побросали въ море, а прочихъ взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ и Милорда, и разграбя всѣ бывшіе на кораблѣ товары и деньги, корабль затопили, а плѣнниковъ взявъ на свой корабль, пустились опять поморю; Милорда же между плѣнными, по красотѣ и нѣжно-

сти его лица, почитали за какого ни есть Принца, или знатнаго человѣка, чего ради и содержали отъ прочихъ отмѣнно, надѣяся за него получить великой выкупъ. Итакъ ѣздивши они по морю, и гдѣ имъ допустилъ случай, многихъ плѣнниковъ разпродали разнымъ народамъ. Милорда же за назначенную отъ нихъ великую цѣну никто купить не могъ; а въ одинъ день приставши они въ Аравіи, къ одному не малому острову, и поставя карабль свой на якорь, сами вышли на берегъ, и Милорда взяли съ собою. На берегу сего острова представлялась превеликая розная долина съ рѣдкими деревьями, а позади оной густой лѣсъ и очень пріятное мѣстоположеніе. Корсары ходя по сему острову, стрѣляли разныхъ птицъ, и увидѣвши бѣгущаго оленя, побѣжали за нимъ, желая всякой онаго застрѣлить, а Милорда оставили одного: Видѣвши онъ сіе, вздумалъ сей случай употребить въ свою пользу, и тужь минуту со всевозможною скоростію ударился онъ въ густоту лѣса, и бѣжавши онымъ около полумили, услышалъ многіе голосы гончихъ собакъ, которыя прибѣжавши къ нему начали лаять, а за ними прискакали четыре человѣка черныхъ Араповъ, и увидѣвши

Милорда, отбили собакъ прочь, а его подхвативъ подъ руки, повели съ собою. Тутъ Милордъ могъ дознаться, что сей островъ принадлежитъ Арапамъ, и потому не надѣясь отъ сихъ варваровъ получить себѣ свободы, пришелъ въ великую печаль, и простря взоръ свой къ небесамъ, говорилъ: о немилостивые боги! за что вы меня ввергаете въ такое несчастіе! вы сами мнѣ даровали премудрую Маркграфиню въ невѣсты, а теперь съ нею разлучаете, и предаете меня такому варварскому народу, отъ котораго я освободиться никакой надежды не имѣю; сіе говорилъ онъ Англинскимъ языкомъ, а оборотясь къ Арапамъ, говорилъ по Арапски: я васъ ни о чемъ больше не прошу, какъ только, пожалуйте скажите мнѣ, куда вы меня ведете, и что намѣрены со мною дѣлать? Мы ведемъ тебя, отвѣчали они, къ своей Королевѣ Мусульминѣ, она теперь въ своемъ звѣринцѣ изволитъ забавляться охотою. Услыша сіе Милордъ, нѣсколько обрадовался, надѣясь упросить Королеву о своемъ освобожденіи, будучи въ той надеждѣ, что она хотя и варварка, но свѣдавъ, что онъ не подлой природы, въ неволѣ у себя его держать не будетъ.

Арапы вывели его изъ лѣса на прекрасный лугъ, на которомъ стоялъ драгоцѣнный королевинъ шатеръ, въ которомъ она отъ солнечнаго жару сидѣла на парчевой софѣ, а около ея стояли премнсжество дѣвицъ. Какъ скоро охотники ввели его въ шатеръ, то Королева вставши съ своего мѣста, и подошедъ къ нему, спрашивала съ веселымъ видомъ, какой онъ человѣкъ и какимъ образомъ могъ войти въ ея звѣринецъ? Ваше Величество, отвѣчалъ Милордъ: я несчастливѣйшій Англинской Милордъ Георгъ, злою фортуною отлученъ отъ моего отечества, и былъ въ плону у Турецкихъ корсаровъ, которые привезли меня на сей островъ, и я спасая себя отъ ихъ неволи ушелъ, и попался въ руки вашимъ охотникамъ. Я всенижайше пріемлю смѣлость Ваше Величество просить, сдѣлать со мною для прославленія вашего имени всевозможную милость.

Королева усмѣхнувшись сказала: не опасайтесь, вы конечно всѣмъ своимъ несчастіямъ здѣсь получите окончаніе; и оборотясь къ предстоящимъ, приказала охотниковъ, которые его привели, наградить деньгами, а его отвесть къ

себѣ во дворецъ, и довольствовать всемъ, что онъ потребуетъ, только содержать за крѣпкимъ карауломъ. Тотчасъ отвели его въ особливые изрядно убранные покои, и для услугъ данъ ему одинъ придворный лакѣй, а въ вечеру прислано довольно хорошее кушанье. На другой день по утру пришелъ къ нему одинъ Арапъ, и докладываетъ со всякою учтивостію, что Королева его изволитъ спрашивать; онъ тотчасъ одѣвшись, слѣдовалъ за онымъ Арапомъ, которой проводилъ его до самой королевиной спальни. Милордъ вошелъ въ спалью, увидѣлъ Королевну сидящую на пребогатой парчевой софѣ, стоящей подъ бархатнымъ балдахиномъ, сдѣланномъ изъ слоновыхъ костей съ золотою бахрамою и кистьми.

Королева, какъ скоро его увидѣла, то въ тужъ минуту такъ заразилась любовною къ нему страстію, что нѣсколько минутъ не могла ни одного выговорить слова, но потупя глаза молчала, и на черномъ ея лицѣ показался багровый румянецъ; по чему и не трудно было Милорду догадаться, что она въ него влюбилась. Потомъ спрашивала она его еще, кто онъ таковъ, и какъ зашелъ на сей островъ? Милордъ отвѣчалъ ей

также, какъ и прежде, что онъ несчастливый Англинскій Милордъ, ушелъ отъ Турецкихъ корсаровъ и попался по несчастію въ руки охотникамъ. По чему вы, господинъ Милордъ, говорила Королева, не видавши еще никакой здѣсь себѣ обиды, называете себя несчастливымъ; я васъ увѣряю, что можетъ быть больше будете счастливы здѣсь, нежели въ своемъ отечествѣ. Ваше Величество, отвѣчалъ Милордъ: какъ бы человѣкъ, будучи въ отдаленномъ отъ своего отечества мѣстѣ счастливъ ни былъ, но природа всегда тянетъ въ то мѣсто, гдѣ онъ родился и воспитанъ. Королева выславши всѣхъ предстоящихъ предъ нею изъ спальни вонъ, продолжала свою рѣчь: я думаю, Милордъ, вы можете догадаться, о какомъ я говорю вашемъ счастіи. Ваше Величество, я слыша изъ высочайшихъ устъ милостивое обнадеживаніе, ни мало не сомнѣваюсь, чтобъ вы не сдѣлали странному милости; и я ничего больше не желаю, какъ только всенижайше прошу отпустить меня въ мое отечество, за что я съ должнѣйшимъ почтеніемъ во всемъ свѣтѣ буду прославлять человѣколюбивое ваше благодѣяніе. Нѣтъ, любезный Милордъ, говорила Королева, я хочу больше сдѣлать мило-

сти, нежели ты думаешь, ибо мое соизволеніе есть, чтобъ вы были моимъ мужемъ и всего Арапскаго Королевства государемъ; по чему вы и можете разсудить, что какой бы вы, будучи въ Англіи по достоинствамъ вашимъ, великой чинъ отъ Короля своего ни получили, но все оное съ показанною отъ меня милостію никакъ не сравнительно; вообразите вы теперъ себѣ свою судьбину, что вы изъ плѣнниковъ, которыхъ обыкновенно здѣсь, не взирая ни на какую благородную природу, употребляютъ въ тяжкія работы, или продаютъ немилосердымъ народамъ, откуда никакимъ уже способомъ избавиться не можно; а вы по благоволенію моему изъ высочайшей моей милости будете моимъ супругомъ и Арабскимъ Королемъ.

Ваше Величество, отвѣчалъ Милордъ: я за оказываемую вами не по достоинству моему милость, приношу всенижайшую мою благодарность; но пріемлю смѣлость Вашему Величеству доложить, что мнѣ на сіе милостивое Вашего Величества предложеніе никакъ согласиться не можно, потому что владѣтельному государю неотмѣнно надобно быть съ своими подданными одного закона, отъ чего за-

висить общественное народное благоденствіе; ибо я во многихъ читалъ Исторіяхъ, что когда бывали въ нѣкоторыхъ владѣніяхъ государи, несогласующіе въ законахъ съ своими подданными, то чрезъ сіе происходили многія худыя слѣдствія и великіе бунты, убійство, безвинное кровопролитіе, и междоусобныя брани, отъ чего наконецъ цѣлыя государства приходили въ крайнее раззореніе, притомъ же всякой народъ переданный отъ предковъ своихъ божественный законъ долженъ содержать твердо и ненарушимо, по чему и я ни для какой причины не долженъ перемѣнить своего закона.

Да знаешь ли ты, говорила Королева, что я имѣю власть, какъ сдѣлать тебя Арабскимъ государемъ, такъ и въ сію же минуту могу лишить тебя жизни. Я очень знаю, отвѣчалъ Милордъ, что жизнь моя теперь состоитъ во власти Вашего Величества, только я скорѣе соглашусь лишиться жизни, нежели склониться на ваше соизволеніе.

Королева видя, что онъ на предложеніе ея не соглашается, приняла намѣреніе прельстить его своею красотою; ибо она между Арапами почитадась за

великую красавицу; а красота ея состояла въ слѣдующихъ признакахъ: ротъ имѣла маленькой, губы толстыя, лицо хотя и черное, но имѣющее кожу чистую и тонкую, глаза каріе и свѣтлые, веки большія, зубы чистые и бѣлые, волосы коротките и курчеватые. Итакъ сія красавица при сихъ прелестныхъ видахъ открывши предъ Милордомъ черныя свои груди, которыя были изряднаго сложенія, говорила: посмотри, Милордъ, ты конечно въ Лондонѣ такихъ пріятныхъ и нѣжныхъ членовъ не видывалъ. Это правда, Ваше Величество, отвѣчалъ онъ: что въ Лондонѣ и самая подлая женщина ни за какія деньги сихъ членовъ публично предъ мущиною открыть не согласится; чего ради я Вашему Величеству совѣтую лучше оныя по прежнему закрыть.

Королева слыша отъ Милорда сіи презрѣнныя слова, пришедъ въ великой стыдъ и чрезмѣрное огорченіе, сказала: ахъ, неблагодарный невольникъ! моглаль я думать, чтобъ ты отважился сдѣлать мнѣ такое презрѣнное ругательство, и нанести оскорбленіе моему Величеству; нѣтъ, не думай ты неблагодарный, чтобъ я тебя за твою продерзость не наказала; я тебя научу знать, какъ дол-

жно невольнику обходиться съ Королевою; ты скоро узнаешь и будешь разкаиваться въ своемъ преступленіи, но милости уже моей на себя обратить не можешь; и тотчасъ закричала: возьмите отъ меня сего злодѣя, и обнажа его бросьте въ самый глубочайшій едикуль, чтобъ онъ болѣе могъ чувствовать ползающихъ по немъ находящихся тамъ разныхъ гадовъ. На сей Королевинъ голосъ вошли четыре Арапа, и взявъ Милорда подъ руки, повели изъ покоевъ Королевиныхъ вонъ, и приведя его въ одну палату, подобную погребу, и снявши съ него все платье, ввели въ другую палату сдѣланную въ землѣ, ступеней съ десять ниже первой, въ которой воздухъ сырой и густой; и сія полата, или справедливѣе назвать погребъ, наполненъ былъ неисчетнымъ множествомъ различныхъ, ползающихъ по землѣ гадовъ; и тутъ его безъ всякаго свѣта оставили; а въ первой палатѣ для караула его остались два Арапа, которымъ отданъ приказъ: когда принесена будетъ къ нему пища, тобъ его выводили въ первую палату; и какъ скоро наѣстся, то опять сажать въ тотъ глубочайшій едикуль.

Какъ скоро Милордъ вошелъ въ сей едикуль, то въ тужь минуту спали на

него вспалзывать гадины; почувствовалъ онъ по всему тѣлу отъ ползанія ихъ несносное щекотаніе и холодъ; одни обвиваются около его ногъ, другіе около шеи, иные вспалзываютъ на его лице; словомъ сказать, облѣпили все его тѣло; хватаетъ онъ ихъ своими руками, бросаетъ на землю, но на мѣсто оныхъ другіе во множественномъ числѣ на него вспалзываютъ; отъ сего несноснаго мученія не имѣя чѣмъ избавиться, бѣгаетъ изъ угла въ уголъ, и отъ нестерпимости кричитъ во весь голосъ, но никакова спасенія сыскать не можетъ; тѣло его то хладѣетъ, то приходитъ въ великой жаръ.

Въ такомъ мучительномъ состояніи, препроводя онъ трои сутки, и пришедъ въ великое отчаяніе, кричалъ: о немилосердые боги! доколѣ вы будете меня мучить, чѣмъ я васъ прогнѣвалъ? Я до сихъ поръ сносилъ великодушно всѣ ниспосланныя отъ васъ несчастія; но теперь уже недостаетъ болѣе силъ моихъ вытерпѣть сего мученія; или вы не знаете, что сіе для того только претерпѣваю, что не хочу нарушить даннаго отъ васъ закона; какое ваше правосудіе! для чего вы не изливаете вашего

гнѣва, и не погубляете тѣхъ варваровъ, которые не имѣютъ къ вамъ должнаго почтенія; дѣлами вашими ругаются, и немилосердо мучатъ тѣхъ, которые васъ почитаютъ, и со страхомъ предстоятъ предъ вашими алтарями, приносятъ вамъ отъ усердія чистѣйшія жертвы. О немилостивый Плутонъ! что ты медлишь, пошли скорѣе блѣдную смерть, и вели ей въ сей часъ острою косою отнять жизнь мою, или дай мнѣ окаменѣлое и нечувствительное сердце, которое бы могло терпѣливо сносить сіе мученіе.

Наконецъ въ такой онъ пришелъ жаръ, что лишась совсѣмъ здраваго разсудка, показалось ему, что уже пришла кончина свѣту; чего ради и кричалъ еще изъ всей силы: что я вижу! Юпитеръ мещетъ изъ рукъ своихъ на землю громъ и молнію, горятъ и валятся темные лѣса, свирѣпые львы и немилосердые шигры не обрѣтаютъ своего спасенія, и опъ жестокой горячности еще съ землею весь миръ и селеніе погибаетъ, и превворяется въ прежнюю бездну; а я сему радуюсь: вотъ скоро и моему мученію послѣдуетъ конецъ.

По прошествіи трехъ дней, Королева вздумала, что конечно Милордъ, послѣ сего мучительнаго наказанія, скло-

нится на ея предложеніе: послала она къ нему одну вѣрную свою дѣвку, и приказала ей его уговаривать. Дѣвка пришла къ едикулю въ самое то время, какъ Милордъ будучи въ отчаяніи бѣгалъ безъ памяти по едикулю, и кричалъ вышеобъявленныя слова. Услышавши она сіе, ни говоря съ нимъ ничего, возвратилась къ Королевѣ, и объявила ей, что Милордъ лишился разума. Королева услышавши сіе, и сама признавала то за справедливость, потому, что онъ будучи нѣжнаго воспитанія, не могъ вытерпѣть сего мученія; тотчасъ приказала его изъ едикуля перевести въ свой садъ, который былъ подлѣ самыхъ ея покоевъ, съ такимъ намѣреніемъ, что можетъ быть, онъ будучи на чистомъ воздухѣ и въ пріятномъ мѣстѣ, придетъ въ прежнее состояніе, а между тѣмъ будетъ она сама къ нему ходить, и его уговаривать. Какъ привели его въ оной садъ, который огороженъ былъ превысокою стѣною, то отданъ караульнымъ строгой приказъ, чтобъ его безъ имяннаго повелѣнія никуда изъ саду не выпускали.

Милордъ увидѣвши себя въ саду, благодарилъ боговъ за свое избавленіе,

и еще признаваль ихъ къ себѣ милость, помышляя, что когда они его освободили изъ проклятаго едикуля, то могутъ избавить и отъ насилія Королевина, и ходя по саду разсматривалъ, не можетъ ли сыскать какого способа къ своему уходу. Между тѣмъ прекрасной день сталъ приближаться къ вечеру, чего ради вошелъ онъ въ одну густую, покрытую древесными вѣтьвями алею, близъ которой услышалъ тихой шумъ Фонтанныхъ водъ и поющихъ птицъ, и видитъ превеликой фонтанъ, въ которомъ изъ поставленнаго по срединѣ мраморнаго льва, била самая чистѣйшая вода; а въ стоящей по близости онаго фантана бесѣдкѣ поставлена нарочно для него кровать; вошедъ онъ въ сію бесѣдку легъ спать, и отъ претерпѣннаго въ едикулѣ мученія и безпокойства, не только всю ночь, но и до втораго часа по полудни проспалъ очень покойно; а какъ проснулся, и опкрывъ свои глаза, веселился, смотря на висящіе сквозь рѣдкую въ бесѣдкѣ решетку различные благовонные цвѣты, утѣшаясь пріятнымъ пѣніемъ находящихся въ томъ саду птицъ; но вдругъ взглянувши, увидѣлъ идущую мимо бесѣдки Королеву, которая идучи съ своими дѣвицами, говорила: Ахъ! что

я сдѣлала, какое потеряла у себя сокровище, съ какою радостію увижу я любезнаго Милорда, ежели онъ теперь и будетъ къ любви моей склоненъ; но будучи безъ ума, какое мнѣ будетъ утѣшеніе. Въ сихъ разговорахъ пришла она къ фонтану, и приказала пустить воду; а какъ мраморная чаша оною наполнилась, то она раздѣвшись, стала мыться; но будучи погружена въ различныхъ размышленіяхъ, о любовной своей страсти къ Милорду и сожалѣя о учиненномъ ему въ едикулѣ мученіи, упала въ обморокъ; бывшія съ нею дѣвицы подхватя ее посадили на канапѣ, и сколько можно старались разговаривать, и увѣряли, что можетъ быть Милордъ находится теперь въ прежнемъ разумѣ; и одна изъ дѣвицъ, взглянувши въ бесѣдку, увидя его лежащаго на постелѣ, сказала Королевѣ, что онъ въ ближней отъ сего фонтана бесѣдкѣ спитъ. Ахъ! говорила Королева: вѣрно онъ обнаженною меня видѣлъ; для чего вы мнѣ не сказали, что ему въ оной бесѣдкѣ приготовили постелю; однако я не могу преодолѣть моей страсти, пренебрегу мой стыдъ, пойду къ нему и отдамся въ его волю; ежели онъ меня и пренебрежетъ, то я снесу терпѣливо, вмѣсто наказанія за то, что безчеловѣчно мучила его въ

едикулѣ, и выговоря сіе, закрывшись одною только бѣлою простынею, оставя своихъ дѣвицъ у фонтана, пошла къ Милорду въ бесѣдку. Увидѣвши онъ ее, закрылъ свою голову одѣяломъ, и притворился, будто спитъ. Королева подошедъ къ кроватѣ, стащила съ него одѣяло, а онъ вскоча съ постели, хотѣлъ бѣжать, но она ухватя его удержала, и сѣла подлѣ него на кроватѣ.

Милордъ видя наглое ея безстыдство, говорилъ: Ваше Величество, я осмѣлюсь вамъ доложить, что у насъ въ Англіи, не только изъ такихъ знаменитыхъ Королевскихъ особъ, но и изъ самыхъ подлыхъ женщинъ, ни за какія деньги, такимъ образомъ, какъ вы, тѣла своего предъ мущиною обнажить не согласятся. Я и сама знаю, отвѣчала ему Королева, чести моей поношеніе; но сіе дѣлаю отъ нестерпимой моей къ тебѣ любви. Ваше Величество, говорилъ еще Милордъ, вы совершенно отъ фонтанной воды озябли, и можете простудиться; чего ради я и совѣтую вамъ одѣться. Но Королева не отвѣтствуя на его слова, схватя его за шею, и безъ всякаго стыда стала его цѣловать, дѣлая многія любовныя изъявленія; но онъ сколь-

ко можно, съ учтивостію отговаривался, и наконецъ вырвавшись у ней изъ рукъ, ушелъ за густую алею.

Королева оставшись одна съ великимъ стыдомъ, принуждена итти къ фонтану, и одѣвшись возвратилась въ свои покои; а къ Милорду послала съ своего стола лучшее кушанье, будучи въ той надеждѣ, что когда нибудь можетъ его склонить въ свою волю.

Милордъ же будучи въ саду, ни о чемъ больше не помышлялъ, какъ только о своемъ избавленіи; чего ради и принялъ онъ намѣреніе, кого ни есть изъ садовниковъ, или караульныхъ подкупить, чтобъ его ночью выпустили; и по счастію нашелъ онъ работающаго въ томъ саду старика, которому обѣщалъ придцать червонныхъ, ежели онъ сыщетъ способъ къ его уходу. Старикъ сей такого былъ состоянія, что за означенныя деньги не только измѣнить своей Королевѣ, но готовъ былъ по своимъ старымъ лѣтамъ и смерть принять, только-бъ показанныя деньги достались его дѣтямъ; и для того говорилъ онъ Милорду: милостивый государь, караульныхъ подкупить ни за какія деньги не можно, потому, что всѣ состоятъ изъ

самыхъ вѣрныхъ ея величеству людей; а стѣна около сада такъ высока, что никакимъ способомъ чрезъ ее перелѣзть не можно; а есть въ одномъ мѣстѣ за оранжереею преглубокая разсѣлина, только можно ли ею куда ни есть выйти, и отъ чего она сдѣлалась, того никто не вѣдаетъ, а всѣ называютъ ее подземною пропастью.

Милордъ давъ старику придцать червонныхъ, просилъ, чтобъ онъ показалъ ему сіе мѣсто, куда старикъ его и отвелъ. Милордъ видѣвши ужасную сію пещеру, съ висящими по обѣимъ сторонамъ превеликими каменьями, хотя и думалъ, что ежели въ оную итти, то можетъ быть зайдетъ въ такое глубокое мѣсто, до котораго и воздуху не проницаетъ, отъ чего можно лишиться жизни; однако рѣшился лучше въ сей неизвѣстности умереть, нежели отдаться въ волю Королевину. Итакъ положилъ онъ непремѣнное намѣреніе въ будущую ночь итти въ ту пещеру, и съ такими мыслями возвратясь въ бесѣдку, легъ спать съ тѣмъ, чтобъ выспавшись днемъ, пуститься на всю ночь въ неизвѣстный и опасный путь. А какъ наступила ночная темнота, и бывшіе въ саду садовни-

ки находились уже въ глубокомъ снѣ, то онъ вставши со всевозможною осторожностію, слѣдовалъ къ той пещерѣ, и призвавъ боговъ на помощь, спустился въ оную и пошелъ съ великою поспѣшностію; но отъ висящихъ въ оной ужасныхъ каменьевъ, и отъ входящихъ сѣверныхъ вѣтровъ, которые производили великой шумъ, находился въ не маломъ страхѣ. Наконецъ по нѣсколькихъ часахъ страхъ сей началъ умаляться; ибо темная ночь дневнымъ свѣтомъ была уже прогоняема; и когда солнце стало возходить на высоту горизонта, то сдѣлался въ пещерѣ отъ солнечныхъ лучей небольшой свѣтъ, который подавалъ Милорду надежду къ скорому выходу; но отъ страха и отъ скораго бѣжанья, пришелъ онъ въ такую слабость, что никакъ уже далѣе итти не могъ, но принужденъ въ оной пещерѣ подъ висящими каменьями лечь спать.

Теперь возвратимся мы, читатель, нашими мыслями въ Королевнинъ садъ, и посмотримъ, что тамъ по уходѣ Милордовомъ происходило.

Старикъ, который показалъ Милорду пещеру, въ тотъ же день, когда еще

Милордъ находился въ саду, смѣненъ былъ съ работы другимъ товарищемъ, и пошелъ на свою квартиру безъ всякаго подозрѣнія; а караульные по утру осматривая, искали Милорда по всему саду, и не сыскавъ нигдѣ, объявили Королевѣ, что онъ пропалъ.

Королева тотчасъ приказала всѣхъ садовниковъ и часовыхъ отдать подъ караулъ, и мучить разными мученіями, допрашивая, не сдѣлалъ ли кто изъ нихъ къ побѣгу его какого способа; а по дорогамъ въ разныя мѣста разосланы многія партіи, съ обѣщаніемъ великаго награжденія, ежели кто его поймаетъ; а на помянутую пещеру никто и подумать не могъ, что Милордъ въ нее ушелъ, потому, что они почитали ее за адскую пропасть, и подходить къ ней близко боялись. Какъ посланные въ разныя мѣста команды возвратились и объявили, что нигдѣ Милорда сыскать, и никакого о немъ извѣстія получить не могли, то Королева начала неутѣшно плакать, рвала на себѣ платье и волосы, бѣгая по своимъ покоямъ, какъ изумленная, или пьяная Бахусова нимфа, хочетъ лишить себя жизни; дѣвицы ее держутъ, ни чего не смѣютъ промол-

вить; а она кричить: ахъ! несчастная Мусульмина, что я надъ собою сдѣлала, и какъ могла упустить изъ своихъ рукъ такого злодѣя, который повсюду будетъ поносить честь мою! Почто я такому жестокосердому обманщику, прельстясь на его прекрасную рожу, открылась въ любви моей. О! негодный! охотники! на что вы такого неблагодарнаго ругателя представили предъ глаза мои! Выговоривъ сіе схватя кинжалъ, хотѣла заколоться; но дѣвицы отнявши оный, и взявъ ее безъ всякаго чувства, отнесли въ спальню, и положили на постѣлю.

Оставимъ мы сію черную красавицу со всемъ ея любовнымъ жаромъ въ ея спальнѣ; пусть она опамятовавшись ищетъ себѣ другаго любовника; а мы возвратимся опять къ Милорду, который отдохнувши въ пещерѣ часа съ три, вставъ, шелъ прямо на показывающійся ему свѣтъ, и чрезъ нѣсколько часовъ вышелъ на чистой морской берегъ великаго Океана, и ставши на колѣна, простря свой взоръ и руки къ небу, благодарилъ боговъ за избавленіе его изъ столь свирѣпаго государства, и отъ насилія королевы, потомъ вставъ, ходилъ

по берегу, не зная въ которую сторону направить ему путь свой, опасаясь, чтобъ не попасться опять въ руки Арапамъ; и естьлибъ ему въ сію минуту попалась хотя малая лодочка, тобъ онъ презрѣвши всѣ опасности пустился безразсудно въ сіе великое море. Наконецъ по многомъ размышленіи, разсудилось ему сойти съ высокой горы къ самому морю, гдѣ нашелъ онъ въ берегу небольшую пещеру, похожую на жилище какого ни есть свирѣпаго звѣря, въ которой отважился остаться до тѣхъ поръ, пока увидитъ идущее по мору судно.

Будучи онъ въ сей пещерѣ, и находясь нѣсколько часовъ въ разныхъ размышленіяхъ, вздремалъ, и видитъ во снѣ идущаго къ себѣ свирѣпаго льва, отъ чего вдругъ проснувшись, вскочивъ, ищетъ около себя для обороны какого ни есть оружія, но опамятовавшись смотритъ на всѣ стороны, никакого звѣря не видитъ, а вмѣсто того увидѣлъ въ дали моря нѣчто чернѣющееся; вынувши онъ изъ кармана зрительную трубку, и смотря въ оную, видитъ идущій корабль, который держалъ курсъ свой прямо къ тому берегу, на которомъ онъ находился; посмотря въ другой, разъ въ трубку признаетъ,

что корабль тотъ военный, только весь черный; по чему и распознать не можно, котораго онъ государства, что его немало удивило; не вѣритъ онъ своей трубкѣ, протираетъ у оной съ обѣихъ концовъ стекла, и еще оный корабль разсматриваетъ, и видитъ совершенно, что онъ весь обитъ чернымъ сукномъ, и выходятъ изъ каютъ на верьхъ корабля дамы. Сіе привело его въ великое удивленіе, разсуждая, какому должно быть печальному кораблю, и для чего дамскимъ персонамъ предаваться опасности морскихъ волнъ. Наконецъ корабль сей такъ близко подходитъ, что и безъ зрительной трубки черное сукно, которымъ онъ обитъ, разсмотрѣть было можно; и находящіяся на ономъ кораблѣ дамы стоятъ всѣ въ глубокомъ траурѣ и въ маскахъ, и смотрятъ на то мѣсто, гдѣ Милордъ находится; а матросы бѣгаютъ по канатамъ, подбираютъ парусы, готовятъ якори, спускаютъ шлюпки, и приготовляютъ лѣсницы, по которымъ съ корабля сходить надлежитъ. Все сіе чрезмѣрно Милорда удивляетъ, и сердце его отъ страха приходитъ въ трепетъ, не знаетъ на что подумать, для чегобъ сему печальному кораблю пристать къ необитаемому и пустому острову; но

видитъ уже, что корабль не дошедъ до берега сажень на придцать, сталъ на якорѣ; и всѣ бывшія на кораблѣ дамы, сошедъ на спущенныя шлюбки, плывутъ прямо къ нему, и подъѣхавъ къ берегу, изъ шлюпокъ вышли: одѣты онѣ были всѣ въ шелковыхъ черныхъ плашьяхъ, изъ которыхъ одну принимаютъ и почитаютъ отъ прочихъ отмѣнно, которая и идетъ напередъ прямо къ Милорду, а другія послѣдуютъ за нею. Милордъ тотчасъ ей съ великою учтивостію поклонился: а она смотря на него, спрашиваетъ, кто онъ таковъ, и за чѣмъ здѣсь въ пустомъ мѣстѣ находится?

Милостивая государыня, отвѣчалъ онъ ей, я несчастный Англинскій Милордъ Георгъ, былъ въ полону у Арабской королевы Мусульмины, отъ которой претерпѣлъ за несклонность мою къ ней, безчеловѣчныя мученія, но милостію боговъ чрезъ неизвѣстную страшную пещеру едва могъ изъ крѣпкаго ея сада уйти, и на семъ берегѣ дожидался какого ни есть корабля, на которомъ бы отсюда выѣхать. А куда вы, спрашивала сія госпожа, отсюда намѣрены ѣхать? Мое намѣреніе, милостивая государыня, отвѣчалъ Милордъ, ѣхать въ Бранденбур-

гію за тѣмъ, что въ тамошнемъ банкѣ имѣется не малая сумма денегъ, отданная отъ моего дяди, ко взятію которой никого, кромѣ меня, наслѣдниковъ нѣтъ.

Это не правда, господинъ Милордъ, говорила госпожа: напрасно ты стараешся скрывать отъ меня свое намѣреніе; вамъ не надлежитъ инако называться, какъ Англинскимъ бездѣльникомъ, или такимъ малодушнымъ ребенкомъ, которому кромѣ однихъ игрушекъ ни въ чемъ довѣренности сдѣлать не можно; я знаю, что ты льстишся сыскать Маркграфиню, бывшую твою невѣсту, и знаю какою глупостію лишился ты своего счастія; только не знаю, съ какими глазами и совѣстію можешь ты предъ нею явиться. О боги! оборотясь къ бывшимъ съ нею дѣвицамъ, сказала, какая въ семъ человѣкѣ совѣсть! зная во всемъ себя виновнымъ, и не чувствуя неблагодарный своего преступленія, хочетъ получить ту себѣ въ невѣсту, которой онъ не только въ женихи, но и ни въ какую подлую службу негодится; и оборотясь опять къ Милорду, говорила: развѣ за тѣмъ вы туда ѣдете, чтобъ за свое преступленіе въ Дурлахѣ на публичной площади, гдѣ всѣ преступники наказываютъ-

ся, отдать свою глупую голову на палачевы руки; но тѣмъ вы никого удивить не можете.

Сіи слова привели Милорда въ великое сомнѣніе, онъ не зналъ что на оные и отвѣчать, а разговаривающая съ нимъ госпожа свирѣпымъ образомъ на него закричала: что ты, бездѣльникъ, не отвѣтствуешь? знаешь ли, что я не допустя тебя видѣть Муркграфиню, сей моментъ вмѣсто ее учиню достойное по твоимъ дѣламъ наказаніе.

Милостивая государына, отвѣчалъ Милордъ, хотя я и не имѣю чести васъ знать: но не могу надивиться скорому вашему гнѣву, изліянному на меня безъ всякой моей противности къ вашей особѣ, и не знаю, по чему вы изволите меня называть бездѣльникомъ, котораго имени я во всю мою жизнь еще ни отъ кого не заслужилъ; а предъ ея величествомъ Маркграфинею, хотя я нѣсколько и виноватъ, но не столько, чтобъ за то лишить меня жизни, потому, что преступленіе мое учинилось не отъ моей неосторожности, но отъ волшебной хитрости Елизабетиной мамы, которая естьлибъ захотѣла, чтобъ могла отнять

жизнь мою, и ябъ по невѣденію моему никакимъ образомъ спастися не могъ; нынѣ же я, для чести и вѣрности къ ея величеству, такія претерпѣлъ отъ Арапской королевы тиранскія мученія, какимъ я думаю, и въ самомъ адѣ у немилостиваго Плутона злодѣи не мучатся; и я теперь ничего больше не желаю, какъ только или получить отъ ея Величества милость, или смертное наказаніе.

По окончаніи сихъ Милордовыхъ словъ, дама сія снявъ съ себя маску, сказала: правда, Милордъ, что я на тебя нѣсколько сердита за твое преступленіе, но и моя есть въ томъ неосторожность, что я вѣдая о сей ехидной Елизабетиной мамѣ, не предупредила васъ остеречь, чтобъ вы ничего изъ рукъ своей невѣсты и ея мамы не ѣли; а съѣвши то волшебное яблоко, никакъ уже вамъ удержаться было не можно, чтобъ не открыть ей своей тайны. За претерпѣнное же вами отъ Арапской Королевы въ едикулѣ мученіе, о которомъ я по Астрологической моей наукѣ свѣдала, приняла намѣреніе изъ благодарности къ вамъ одинъ годъ изъ моего обѣщанія убавить, и сыскавъ васъ здѣсь, отвезши въ мое

отечество. Милордъ увидѣвши, что сія дама сама Бранденбургская Маркграфиня, ставши предъ нею на колѣна, просилъ въ своемъ преступленіи милостиваго прощенія.

Маркграфиня поднявъ его, съ великою пріятностію поцѣловала, и тотчасъ приказала, чтобъ всѣ бывшія на кораблѣ черныя сукна и парусы собрать, а вмѣсто того украсить разноцвѣтными флагами, что съ невѣроятною скоростію было исполнено; а она взявъ Милорда за руку, привела къ раззолоченной шлюпкѣ, и сѣвши въ оную, пріѣхали на корабль, на которомъ играла такая преогромная музыка, что отъ пріятнаго звука, раздающагося по всему Океану, всѣ морскія чудовища поднявшись изъ глубины бездны, собрались къ сему украшенному кораблю, и изпускали изъ своихъ челюстей превеликую воду; матросы же съ великою поспѣшностію вынимаютъ якори, и разпускаютъ парусы; а бывшій на кораблѣ капитанъ командоръ докладываетъ Маркграфинѣ, что отъ собравшихся къ Кораблю великаго множества морскихъ чудовищей, можетъ послѣдовать опасность; чего ради, не прикажетъ ли отгонять ихъ пушечною паль-

бою? Маркграфиня повелѣваетъ ему дѣлать все, что онъ за полезное разсудитъ; въ ту минуту вдругъ съ обѣихъ корабельныхъ бортовъ загремѣли страшные пушечные удары, отъ которыхъ всѣ морскія чудовища скрылись въ глубокую бездну; а между тѣмъ парусы надуваются тихимъ вѣтромъ, развѣваются разноцвѣтные флаги, и корабль при звукѣ трубъ и разныхъ мусикійскихъ инструментовъ отъ Арапскаго острова удаляется; возобновляется въ Милордовомъ сердцѣ прежняя радость, забываетъ всѣ случившіяся съ нимъ несчастія, наслаждается пріятными Маркграфининими разговорами, цѣлуетъ прелестныя ея руки; а она приказываетъ командующему кораблемъ капитану Марцимирису держать курсъ прямо къ берегамъ Германскимъ, и говоритъ Милорду: любезный Георгъ, довольно уже мы съ обѣихъ сторонъ претерпѣли несчастія, теперь остается намъ только просить боговъ о благополучномъ прибытіи въ Бранденбургію, гдѣ должны мы соединить сердца наши брачнымъ союзомъ, и наслаждаться между подданными пріятнымъ покоемъ.

При семъ радостномъ случаѣ помянутый капитанъ Марцимирисъ, хотя и

исполнялъ по своей должности всѣ Маркграфинины повелѣнія съ великимъ усердіемъ, но притомъ чрезмѣрно плакалъ. Милордъ увидя лiющіяся изъ глазъ его слезы, спрашивалъ его о причинѣ оныхъ; не удивляйтесь сему, говорила Маркграфиня Милорду, онъ ни отъ чего другаго испускаетъ слезы, какъ отъ искренняго усердія, видѣвши нашу радость и благополучное окончаніе всѣхъ несчастій.

Это правда, ваше Величество, отвѣчалъ Марцемирисъ, что я какъ вѣрноподданнѣйшій вашъ рабъ, искреннее пріемлю участіе въ радости вашего Величества; но слезамъ моимъ есть еще другая причина, отъ напоминовенія при семъ случаѣ непреодолимой моей печали, которая до скончанія моего вѣка изъ памяти моей истребиться не можетъ. Слыша сіе Милордъ, просилъ Маркграфиню, чтобъ она приказала ему объявить причину своей печали. Ваше Величество, говорилъ Марцемирисъ: я за великое почту счастіе, что удостоюсь Вашему Величеству разсказать странное несчастливое мое приключеніе, и началъ разсказывать свою исторію.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОВѢСТЬ О ПРИКЛЮЧЕНІИ АНГЛИНСКАГО МИЛОРДА

ГЕОРГА

И

О БРАНДЕНБУРГСКОЙ МАРГРАФИНѢ

ФРИДЕРИКѢ ЛУИЗѢ;

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ КЪ ОНОЙ

ИСТОРІИ

БЫВШАГО ТУРЕЦКАГО ВИЗИРЯ

МАРЦИМИРИСА

И

САРДИНСКОЙ КОРОЛЕВНЫ

ТЕРЕЗІИ.

СЪ ГРАВИРОВАННЫМИ КАРТИНКАМИ И ПОРТРЕТОМЪ

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

М. К.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Рѣшетникова и Уткина.

1829.

ИСТОРІЯ
О
МАРЦИМИРИСѢ
И
О САРДОНСКОЙ КОРОЛЕВНѢ
ТЕРЕЗІИ.

Немилостивая судьба, говорилъ Марцимирисъ, съ самаго начала моей жизни, положила мнѣ предѣлъ быть несчастливѣе всѣхъ на свѣтѣ, потому, что я любезныхъ моихъ родителей, которые меня произвели на свѣтъ, не знаю, и гдѣ мое отечество не вѣдаю, а только память моя постигаетъ, что я былъ у Турецкаго Паши Абдулы невольникомъ, отъ котораго слыхалъ, когда его обо мнѣ спрашивали, что онъ купилъ меня въ самомъ малолѣтствѣ у морскихъ разбой-

никовъ, и за усердныя мои услуги содержалъ и воспиталъ, какъ своего родственника; а когда я сталъ приходить въ совершенный возрастъ, то въ одно время взявши онъ меня съ собою во дворецъ, представилъ Султану, съ слѣдующими словами: Ваше Величество, я какъ вѣрноподданнѣйшій вашъ рабъ, приемлю смѣлость сего отрока рекомендовать въ высочайшую вашу милость, потому, что оказываемыя мнѣ въ такія младыя лѣта вѣрныя его услуги, подаютъ надежду получить отъ него такой плодъ, которой можетъ быть и всей вашей имперіи будетъ полезенъ. Султанъ, слыша обо мнѣ такую рекомендацію, и смотря на меня очень прилѣжно, сказалъ: хотя я теперь въ семъ отрокѣ ничего отмѣннаго примѣтить не могу, но по твоимъ словамъ оставлю его у себя, и буду смотрѣть, достоинъ ли онъ той похвалы, которую ты ему приписываешь.

Съ сего времени остался я во дворцѣ, и сколько было моего разсудка и возможности, старался оказывать мои услуги; по счастію моему, я такъ Султану понравился, что онъ часъ отъ часу больше меня жаловалъ; а наконецъ столько во мнѣ увѣрился, что нѣкоторыя се-

крепныя, дѣла при мнѣ дѣлывалъ; итакъ время отъ времяни апробовавши мою вѣрность, пожаловалъ меня въ своемъ кабинетѣ секретаремъ. Я вступя въ сію должность и докладывая его величеству о многихъ дѣлахъ, осмѣливался иногда предлагать свое мнѣніе. на которое онъ не рѣдко и соглашался; а потомъ примѣтя, что я больше имѣю склонности и искуства къ военнымъ, нежели къ гражданскимъ дѣламъ, пожаловалъ меня Пашею; въ которомъ чинѣ и посланъ я былъ подъ командою великаго Визиря, противъ арміи Римскаго Цесаря, гдѣ во время произходившей баталіи, получилъ я такое счастіе, что съ бывшими въ командѣ моей янычарами пробился въ средину Цесарской арміи, и отбилъ почти весь обозъ и не малое число артилеріи; на что смотря и вся Турецкая армія съ великимъ стремленіемъ напали на Цесарцовъ, и почти на голову всѣхъ разбили и побрали въ плѣнъ.

Командующій Цесарскою арміею Генералъ, видѣвши такое несчастливое приключеніе, и не ожидая къ подкрѣпленію своему никакого курса, принужденъ былъ безъ позволенія своего государя вступить съ Визиремъ въ мирные дого-

воры, потому, что онъ въ такое приведенъ былъ худое состояніе, что ежели бы того не сдѣлалъ, то и самъ со всею оставшею арміею долженъ былъ отдаться намъ въ плѣнъ. Итакъ онъ подкупя Визиря великими подарками, заключилъ съ нимъ перемиріе, до тѣхъ поръ, пока отъ обѣихъ дворовъ получены будутъ о томъ повелительные указы; а корыстолюбивый Визирь будучи обольщенъ подарками, и взятый мною непріятельскій обозъ отдалъ обратно Цесарцамъ.

Между тѣмъ, какъ скоро донесено было Султану о моей храбрости, а о Визирской измѣнѣ, то въ скоромъ времени получилъ я Султанской указъ на Визирской чинъ; а бывшаго Визиря за его измѣну приказано удавить. А какъ тогда наступало зимнее время, то я по принятіи побѣдоносной Турецкой арміи въ свою команду, возвратился къ Турецкимъ границамъ, и расположился на квартирахъ, гдѣ получилъ еще отъ Султана указъ, которымъ велѣно мнѣ здать команду янычарскому Агѣ, а самому быть въ Константинополь, куда я по здачѣ моей команды немедленно и отправился; и по прибытіи моемъ во дворецъ, принялъ меня Султанъ очень милостиво, и

наградилъ великими подарками; но въ самое то время отправлялся не малой корпусъ Турецкаго войска противъ Персидской арміи: то Султанъ надѣясь на мое искуство и храбрость, поручилъ оной въ мою команду, съ которымъ я противъ Персіянъ и отправился.

Но какъ дѣла человѣческія подвержены ежедневному сокращенію, и непостоянная фортуна всегда ѣздитъ на худой колесницѣ, почему и угадать не можно, на которую сторону она опрокинется; такимъ образомъ и я въ сей компаніи не такъ уже былъ счастливъ, какъ противъ Цесарцовъ. Сперва имѣли мы небольшія съ Персіянами сшибки съ равнымъ успѣхомъ; а наконецъ положили учинить генеральную баталію, въ которой сначала янычары наши оказали неустрашимую храбрость, по чему я и имѣлъ надежду къ полученію совершенной побѣ[illegible] въ самое то время пришелъ къ [illegible]намъ на помощь немалый корпу[illegible] свѣжаго войска, о которомъ я прежде никакого извѣстія не имѣлъ: почему армія ихъ противъ нашей и умножилась въ двое; итакъ они окружа нашу армію, съ такою свирѣпостію напали, что въ скоромъ времяни по крово-

пролитномъ сраженіи принудили Турокъ ретироваться безъ всякаго порядка; я сколько ни старался ободрить ихъ своимъ присудствіемъ, и самъ вдался въ великую опасность, но никакимъ образомъ удержать и въ порядокъ привесть не могъ; и не видя болѣе никакой надежды, оставя я порученныя мнѣ войска на жертву Персіянамъ, принужденъ былъ думать о спасеніи собственной моей жизни; по счастію моему недалеко отъ того мѣста, гдѣ происходила баталія, былъ превеликой дремучей и почти непроходимой лѣсъ, то я къ оному и ретировался. Персіяне гнались за мною человѣкъ съ сорокъ, но за резвостію моего аргомака догнать не могли, гдѣ я и спасъ жизнь мою. Персіяне же съ такою злобою напали на Турокъ, что не бравши ни одного человѣка въ плѣнъ, предавали всѣхъ безъ разбора смерти; и я не думаю, чтобъ кто ни [illegible] кромѣ меня могъ спасти жизнь [illegible] я будучи въ лѣсу, разсуждалъ [illegible] обою, что мнѣ дѣлать: ежели возвра [illegible] ся въ Константинополь, то какое могу предъ Султаномъ принесть оправданіе? и зная ихъ варварскіе нравы, вѣрно былъ увѣренъ, что другой милости оказано не будетъ, какъ такимъ же манеромъ велятъ меня

задушить, какъ и бывшаго со мною противъ Цесарцовъ Визиря; притомъ же я всегда почиталъ происхожденіе моей природы отъ Христіанъ, чего ради и законъ магометанской, хотя по наружности и содержалъ, но зная, что оной наполненъ многими ложными вымыслами, то всегда внутренно помышляль, чтобъ сыскавши способное время, возвратиться въ Европу, и лучше желалъ жить между Христіанами въ посредственномъ состояніи, нежели у Турокъ быть великимъ Визиремъ, потому что по ихъ законамъ знатный человѣкъ, хотя бы и всю свою жизнь препровождалъ честнымъ человѣкомъ, и какія бы ни оказалъ отечеству великія услуги, но по смерти его, сколько ни имѣлъ своего имѣнія, все [illegible] Султана, а дѣтямъ и наслѣдникамъ не достается.

При сихъ словахъ, Милордъ перервалъ Марцимирисову рѣчь, сказавъ: пожалуй изъясни, для чегожъ у нихъ имѣніе знатныхъ людей не достается дѣтямъ?

У нихъ, милостивый государь, продолжалъ Марцимирисъ: въ знатные чины почти никогда изъ природныхъ Турокъ не жалуютъ, а по большой части про-

изводятъ такихъ, какъ и я, то есть полоненныхъ, или купленныхъ въ малолѣтствѣ, которыхъ нарочно воспитываютъ и обучаютъ по своему закону, чтобъ они не знали своего отца и матери, и никомубъ за рожденіе и воспитаніе свое одолжены не были кромѣ Султана, и его бы одного почитали за родителя и государя; потому-то когда знатной человѣкъ лишится жизни, то все имѣніе и описывается на Султана, а дѣтямъ дается только на пропитаніе самая малая часть, и сіе узаконеніе, сказываютъ, для того установлено, чтобъ великіе люди, какъ то: Визири, губернаторы и знатные Паши, для умноженія своего богатства, не могли [illegible] подданныхъ; сія-то причина [illegible] ла меня всегда искать случая объ нихъ уѣхать, а по разбитіи Персіянами Турецкой арміи, въ которой я былъ главнымъ начальникомъ, и необходимо долженъ былъ стараться о спасеніи моей жизни; я же имѣлъ тогда при себѣ однихъ алмазныхъ и другихъ драгоцѣнныхъ вещей безъ мала на миліонъ, и сверьхъ того до двухъ тысячь червонцевъ; съ такими мыслями ѣхалъ я тѣмъ густымъ лѣсомъ двое сутки, не зная и самъ, куда могу выѣхать; на третій день

по утру лѣсъ началъ казаться гораздо рѣже, чему я не мало обрадовался, будучи въ той надеждѣ, чтобъ выѣхавши изъ лѣса, сыскавъ какое ни есть жилище, разпросить, въ какомъ я нахожусь мѣстѣ, и хотѣлъ бывшее тогда на мнѣ богатое визирское платье перемѣнить, и продолжать путь мой, куда мнѣ будетъ способнѣе. Ѣдучи я въ такихъ размышленіяхъ, вдругъ лошадь моя начала фыркать и шарахаться; увидѣвши я сіе, прибралъ мою саблю, осмотрѣлъ пистолеты, перемѣнилъ на полкахъ порохъ, оправилъ кремни, и взглянувши впередъ себя, увидѣлъ превеликаго свирѣпѣющаго льва, который разинувши ужасныя свои челюсти, и высунувши длинной языкъ, стремился прямо на меня. Правда, что я сего страшнаго звѣря сперва такъ испугался, что отчаялся жизни, но вдругъ опамятовавшись, принялъ намѣреніе защищаться, сколько будетъ возможности; остановя я свою лошадь, и взявъ въ обѣ руки по пистолету, дожидался на себя сего дышущаго злобою звѣря, который прибѣжавъ ко мнѣ, и спавши на заднія ноги, хотѣлъ меня ухватить, но я уставя оба пистолета прямо въ злыя его челюсти, выстрѣлилъ, отъ чего онъ испустя великой

ревъ, повалился на землю; а я будучи ободренъ своею побѣдою, слезъ съ лошади, прикололъ его моею саблею, и притомъ не знаю для чего пришло мнѣ въ голову, чтобъ снять съ него кожу и взять ее съ собою! вынувши кинжалъ, оную содралъ и хотѣлъ положить на мое сѣдло; лошадь моя испугавшись оной кожи, изъ рукъ у меня вырвалась и ушла въ лѣсъ. Бросивши я злую сію добычу, побѣжалъ за моею лошадью, но никакъ догнать ее не могъ, и она изъ глазъ моихъ пропала; итакъ принужденъ я былъ итти пѣшкомъ, и выѣдъ изъ лѣсу на чистое поле, увидѣлъ недалеко отъ того мѣста небольшую подчищенную рощу, почему и разсуждалъ, что надобно быть въ близости оной какому ни есть жилищу; подошедъ к[illegible] оной рощѣ, увидѣлъ превеликой регулярной садъ, чрезъ которой по пришлективой дорогѣ видѣнъ преогромной каменной домъ; думалъ я, что сему дому надобно быть загородному, какого ни есть короля, или знатнаго принца, только боялся не Персидскаго ли владѣнія; но разсматривая оной по Архитектурѣ, признавалъ за Европейской; а какъ несчастіе придаетъ иногда человѣку излишнюю смѣлость, то я и принялъ намѣреніе въ него вой-

ти, и пришедъ къ саду, которой былъ огороженъ такою преудивительною желѣзною решеткою, что никакимъ способомъ войти въ него не можно; я долго ходилъ около оной решетки и прилѣжно разсматривая, сыскалъ маленькую дверь, которая такъ искусно сдѣлана, что едва размотрѣть можно; отворя я сію дверь, вошелъ прямо въ одну густую крытую аллею, которая убрана была предрагими мраморными и аспидными статуями, изъявляющими подобіе бывшихъ въ разныя времяна великихъ героевъ; идучи я сею аллеею, вышелъ на пространное круглое мѣсто, отъ котораго простирались еще въ разныя стороны три покрытыя аллеи, а на срединѣ сего круглаго мѣста сдѣлана небольшая ровная четвероугольная гора со ступенями, на верьху которой на мраморномъ глобусѣ стояла мраморная же Юпитерова статуя, показывающая видъ глубокой старости, но пріятной и веселой, испускающей изъ рукъ своихъ громъ и молнію; на четырехъ же углахъ сей горы стояли четыре мраморныя же статуи: первая Нептунова, сердитаго и свирѣпаго вида, держащая въ одной рукѣ волнующееся море съ погибающимъ кораблемъ, а другою укрощающая волны, во

изъявленіе радости избавившимся отъ потопленія; 2-я Плутонова, страшное, морщливое и сердитое лице имѣющаго; въ ногахъ у него сидѣла блѣдная смерть; 3-я Марсова, наполненная злости и кровопролитія, опершись одною рукою на обнаженной мечь, а въ другой держала щитъ и копье; 4-я Геркулесова, имѣющая въ одной рукѣ цѣлой городъ, а въ другой превеликое кедровое дерево, изъявляющее чрезъ то великую силу и крѣпость.

Смотрѣвши я довольно на сіе прекрасное мѣсто, и будучи побужденъ любопытствомъ, пошелъ прямо по другой аллеѣ, которая привела меня на прешпективую дорогу, простирающуюся до самыхъ палатъ. Дорога сія по обѣимъ сторонамъ усаждена густыми виноградными шпалерами, съ зрѣлыми плодами, представляющая удивительную красоту; однакожь я къ палатамъ итти не осмѣлился, а принялъ намѣреніе еще разсмотрѣть садовое украшеніе, и пошелъ по третьей аллеѣ, по которой вышелъ къ одной небольшой горѣ удивительнаго украшенія; посреди оной сдѣлана осьмиугольная площадь, и гора сія обсажена кругомъ разныхъ родовъ деревьями, ко-

торыя составляли прегустѣйшіе шпалеры, съ висящими между листьевъ во множественномъ числѣ различными плодами; въ срединѣ же имѣющейся на той горѣ площади, сдѣланъ небольшой круглой прудъ; берега около его выкладены разноцвѣтнымъ мраморомъ, а вода въ немъ такой кристаловидной чистоты, что смотря въ оную можно распознать плавающую разныхъ родовъ рыбу; посреди же сего пруда сдѣланъ каменной осьмиугольной островъ, вышиною отъ воды только на три ступени, выкладенной зеленымъ дерномъ, а по краямъ ступеней произрастали различные благовонные цвѣты; на семъ островѣ сдѣлана изъ пальмоваго дерева небольшая осмиугольнаяжь, съ большими самыми чистыми стеклами бесѣдка; на верьху оной вмѣсто флюгора поставлена изъ цвѣтнаго мрамора, самаго лучшаго художества Минервина статуя, показывающая прекрасное, величественное, мужественное и цѣломудренное лице, держащая въ одной рукѣ блестящее копье; а въ низу около острова на первыхъ ступеняхъ на аспидныхъ піедесталяхъ восемь мраморныхъ статуй: 1-я богини Діаны, 2-я Цересы, 3-я Юноны, 4-я Весты, 5-я Венерина, 6-я Бахусова, 7-я Богини Гебы,

8-я бога Пана: съ приличествующими званію ихъ знаками.

Къ сему острову чрезъ прудъ сдѣланъ небольшой изъ пальмоваго дерева подъемной мостъ съ раззолоченными цѣпями, по которому я съ великою тихостію перейти осмѣлился; и подошедъ къ бесѣдкѣ, увидѣлъ сквозь стекло стоящую въ оной кровать; не входя я въ сію бесѣдку, сѣлъ на верьху острова, откуда съ великимъ удивленіемъ, до шѣхъ поръ разсматривалъ всѣ представляющіеся глазамъ моимъ прелестные предметы, что сталъ меня одолѣвать такой сонъ, отъ котораго я никакъ ободриться не могъ; но отважился войти въ бесѣдку, съ такимъ намѣреніемъ, что ежели въ ней никого нѣтъ, лечь на стоящую кровать спать; кровать же поставлена была на небольшомъ тронѣ, обитомъ малиновымъ бархатомъ съ серебренымъ галуномъ, занавѣсъ бѣлая флеровая, вышитая разными цвѣтами, а полъ устланъ шелковыми Персидскими коврами; открывши я занавѣсъ, хотѣлъ ложиться, но взглянувъ на стѣну, увидѣлъ стоящій дамскій портретъ такой удивительной красоты, какой я отъ роду не видывалъ; да и быть въ натурѣ такой

красоты не думалъ; смотря я на сей портретъ, говорилъ самъ себѣ: я бы этихъ живописцовъ предалъ жестокому наказанію, за то, что они своими вымыслами стараются изображать такую красоту, какой въ родѣ человѣческомъ никакъ быть не можно, но опять одумавшись разсуждалъ: что я говорю? когда боги весь видимый сей свѣтъ изъ ничего могли сотворить, то не могутъ ли они, для удивленія своего всемогущества, одного человѣка одарить сими удивительными добротами. Въ такихъ разсужденіяхъ легъ я на драгоцѣнную постелю, и спалъ часа четыре очень покойно, а проснувшись увидѣлъ лежащую на окнѣ флейту, которую я взявъ заигралъ, въ честь видимой на портретѣ красавицы арію, не зная, что сія флейта сдѣлана чудною хитростію; ибо какъ скоро я заигралъ, то въ ту минуту всѣ фонтаны съ великимъ шумомъ пустили воду, а бывшія въ саду разныхъ родовъ птицы, каждая по своей природѣ, запѣли громогласныя пѣсни, отъ чего многія древа плоды свои съ себя побросали. Я пришедъ отъ сей странности въ великой страхъ, тотчасъ играть пересталъ, боясь, чтобъ на сей шумъ кто ко мнѣ не пришелъ, и не убилъ бы меня за мое

дерзновеніе до смерти. А какъ между тѣмъ день уже склонялся къ вечеру, то я и не разсудилъ никуда изъ онаго прекраснаго мѣста итти, но остался въ сей бесѣдкѣ ночевать, и на другой день до половины дня тутъ пробылъ. Но видя, что въ саду ни одного человѣка нѣтъ, и свѣдать мнѣ ни о чемъ не отъ кого, то рѣшился я итти прямо къ палатамъ, и вошедъ въ первую горницу, обитую преизрядными обоями, въ которой премножество краснаго дерева столовъ и шкафовъ, наполненныхъ серебряною, хрустальною и самою лучшею Японскою фарфоровою посудою и разными фигурами; изъ оной другая горница убрана разными высокой работы картинами: на одной сторонѣ поставлены славныхъ государей и королей портреты, на другой великихъ героевъ и философовъ, на третьей Еллинскихъ боговъ и богинь; а на четвертой всѣхъ бывшихъ на свѣтѣ знатныхъ королевенъ и принцессъ, которыя въ красотѣ своей имѣли достойную славу.

Я, стоя долгое время, разсматривалъ съ прилѣжностію всякую картину; потомъ еще чрезъ двѣ палаты сквозь хрустальныя двери, увидѣлъ стоящую Французскаго манера кровать; а людей во

Лишь только принцесса сіи слова, окончила, то вдругъ во всѣхъ палатахъ какъ бы великимъ вихремъ, всѣ двери отворились, что и привело меня въ великой ужасъ; а принцесса только успѣла выговорить: Ахъ! несчастный человѣкъ, погибъ ты вѣчно! Въ сію минуту Жени-духъ явился въ палатахъ, и вошедъ въ спальню, увидя меня, повалился мнѣ въ ноги, произнося слѣдующія слова; Ахъ, государь мой, пожалуй не мучь меня, что вамъ угодно, извольте мнѣ приказать, я всѣ ваши повелѣнія въ одну минуту исполню. Видѣвши я сіе, чрезмѣрно удивился, и отъ обдержащаго меня страха, пришелъ въ чувство; принцесса стоя поджавши руки, съ чувствительнымъ воздыханіемъ, смотря на меня, удивлялась, а я и самъ не зная сему причины, говорилъ духу: скажи мнѣ, чего ты меня боишся? Жени-духъ отвѣчалъ, нѣтъ, государь мой, я никакъ не могу прежде встать и дать вамъ отвѣта, пока вы не снимете съ руки вашей перстень. Я снявши перстень, положилъ въ карманъ, а Жени-духъ тотчасъ вставъ, говорилъ: вы имѣете въ своемъ перстнѣ такой камень, которому не только всѣ духи должны повиноваться, но и глядѣть на него, подобно какъ

вы на блистающее солнце, не могутъ; а ежели бы вы не имѣли при себѣ сего камня, и я бы васъ засталъ здѣсь въ домѣ, съ любезною моею принцессою, тобъ вы вообразить себѣ не могли, какую мучительную смерть отъ разстерзанія духовъ получили; да и сія бы непотребная (указывая на принцессу) безъ тяжкаго наказанія не осталась.

Выслушавши я сіе, вынулъ изъ кармана перстень, и уставилъ противъ духа, который въ тотъ моментъ упалъ опять предо мною въ ноги, крича необыкновеннымъ голосомъ: о государь мой, сотвори со мною милость, не мучь меня, и скажи, что вамъ угодно, я все по приказанію вашему исполню.

Я ничего больше отъ тебя не требую, говорилъ я ему, какъ только сколь возможно скорѣе представь меня съ сею принцессою въ Сардинское королевство во дворецъ, къ ея родителю. Слыша сіе Жени- духъ, сказалъ: Ахъ! какъ для меня несносна сія служба, ежели бы я былъ смертный, тобъ лучше согласился лишиться жизни, нежели разстаться съ сею красавицею.

При окончаніи сихъ словъ, пришелъ

я въ нѣкоторое забвеніе, но чрезъ минуту опамятовавшись, увидѣлъ себя подобно какъ пробудившагося отъ сна, стоящаго съ принцессою во дворцѣ короля Сардинскаго, предъ его покоями. Придворные увидѣвши насъ изъ окошекъ, смотрятъ съ великимъ удивленіемъ, и одинъ камеръ- юнкеръ бѣжалъ къ намъ спрашивать, кто мы таковы? но не добѣжавъ до насъ, узнавши принцессу, не говоря ничего, побѣжалъ къ Королю, и доложилъ, что дочь его принцесса Терезія съ незнакомымъ человѣкомъ стоитъ предъ его покоями. Король и Королева, услышавъ неожидаемую сію радость, не могли увѣриться, и забывъ свою старость, бѣжали оба къ намъ на дворъ, и обнявъ принцесеу съ неописаннымъ удивленіемъ и радостными слезами, взявъ за руки, повели въ свои покои, куда и я за ними слѣдовалъ. Вошедъ въ покои, остановился я у дверей; а принцесса взглянувъ на меня, говорила своимъ родителямъ: милостивые государи, хотя вы въ началѣ и должны благодарить боговъ, за освобожденіе меня отъ діавольской неволи, но не меньшей отъ васъ благодарности достоинъ и сей кавалеръ; ибо я его помощію избавлена отъ того злаго духа, который меня отъ

васъ похитилъ. Король и королева благодаря меня наичувствительнѣйшимъ образомъ, сказали: что они за сію мою услугу, въ знакъ благодарности, отдаютъ мнѣ въ вѣчное владѣніе половину своего королевства.

Я благодаря ихъ со всевозможною учтивостію отвѣчалъ, что услуга моя не такъ велика, чтобъ за оную имѣть такое награжденіе. Нѣтъ, говорилъ Король, вы намъ возвратили такое сокровище, что мы не находимъ способа изъяснить вамъ нашей благодарности. А принцесса смотря на меня, сказала: а я, сударь, столь много почитаю ваше одолженіе, что въ воздаяніе моей благодарности, вручаю вамъ въ вѣчное обладаніе чувствительное мое сердце. Изъ сихъ принцессиныхъ словъ я довольно могъ выразумѣть, что она имѣетъ намѣреніе выити за меня за мужъ.

Потомъ Король приказалъ для меня приготовить особливые покои; и весь сей день до самаго вечера препроводили мы въ разныхъ разговорахъ; по окончаніи же ужина, пошелъ я въ пріуготовленные для меня покои, въ которыхъ встрѣченъ былъ однимъ Королевскимъ

камер-юнкеромъ, и множествомъ пажей и лакѣевъ, которые опредѣлены были для моихъ услугъ.

При сихъ словахъ Милордъ спросилъ Марцимириса: пожалуй, скажи мнѣ, гдѣ вы взяли удивительный тотъ перстень, который привелъ Жени-духа въ такую покорность. Я позабылъ вамъ доложить, отвѣчалъ Марцимирисъ Милорду, что когда я былъ съ арміею противъ Персіянъ, то онымъ перстнемъ подарилъ меня одинъ находящійся при мнѣ Паша, и сказывалъ, что онъ будучи въ посыланной отъ меня партіи, снялъ его съ убитаго имъ Персидскаго начальника; и сей перстень былъ удивительной фигуры: онъ похожъ на алмазъ, но такія испускалъ отъ себя разноцвѣтныя искры, какія только вообразить можно.

Когда я вошелъ въ опредѣленную мнѣ богатоубранную спальню (продолжалъ Марцимирисъ разсказывать свою исторію), и хотѣлъ раздѣваться, то вошелъ ко мнѣ принцессинъ пажъ, объявляя, что принцесса приказала меня просить къ себѣ. Я въ ту же минуту вмѣстѣ съ нимъ и пошелъ, и какъ вошелъ въ ея спальню, то она говорила мнѣ: лю-

безный Марцимирись, я столь чувствительно вами одолжена, что никакой другой благодарности оказать не могу, какъ только ежели вамъ не противно, желаю имѣть васъ своимъ Мужемъ; чего ради я васъ теперь для того и позвала, чтобъ вы мнѣ объявили свое мнѣніе; почему уже я и могу просить о томъ дозволенія у моихъ родителей. Я Слышавъ сіе, не зналъ что мнѣ отъ радости дѣлать; ставши предъ нею на колѣна, цѣлуя прелестныя ея руки, говорилъ: ваше высочество, возможно ли статься, чтобъ боги могли положить такой предѣлъ, чтобъ я удостоился быть обладателемъ такой неоцѣненной красоты, а притомъ можетъ быть и родители ваши не согласятся имѣть себѣ зятемъ такого человѣка, который о произхожденіи своего рода ни малаго не имѣетъ извѣстія. Объ емъ вы не думайте, говорила принцесса: я только хотѣла знать ваше намѣреніе, а въ исполненіи онаго положитесь на меня.

На другой день принцесса просила у своихъ родителей, съ представленіемъ многихъ резоновъ, дозволенія, имѣть меня своимъ супругомъ, объявляя, что она во время избавленія ея мною отъ Же-

ни-духа, клялась всѣми богами, что кромѣ меня ни за кого за мужъ не выходить. Но Король и Королева, по застарѣлому древнему обыкновенію, ни для чего не хотѣли себя тѣмъ обезславить, чтобъ за незнающаго своей природы человѣка выдать дочь свою. Принцесса, видя несклонность своихъ родителей, не смѣла уже болѣе имъ о томъ и напоминать, но съ превеликимъ огорченіемъ пошла въ свои покои, и всю ночь неутѣшно плакала, отъ чего пришелъ къ ней такой жаръ и слабость, что на другой день не могла встать съ постели, и съ того времяни день отто дня болѣзнь ея больше умножилась; а наконецъ, чувствуя она приближающуюся кончину, приказала позвать къ себѣ своихъ родителей, и когда они пришли, то она слабымъ голосомъ и съ ліющимися изъ прелестныхъ ея глазъ слезами, говорила: милостивые родители, теперь уже я ни о чемъ болѣе васъ утруждать не могу, какъ только, чувствуя конецъ моей жизни, всенижайше прошу, когда духъ мой съ тѣломъ разлучится, то приказать мертвый мой трупъ омыть, и убравши во гробъ положить, одной любезной моей фрейлинѣ Анастасіи, а кромѣ ее никого въ мою спальню до тѣхъ поръ, какъ

тѣло мое совсѣмъ будетъ убрано и положено во гробъ, не пускать. Король и Королева сквозь неутѣшныя слезы и воздыханіе, прозьбу ея исполнить обѣщались. Послѣ сего часъ отъ часу становилось ей тяжелѣ, и чрезъ нѣсколько часовъ скончалась. Какою поражены были горестію и отчаяніемъ престарѣлые ея родители, того никакъ изъяснить не можно: ибо ихъ безъ всякаго чувства отвели въ ихъ покои: весь королевской домъ наполнился жалости, повсюду слышанъ былъ вопль и стенаніе ; а между тѣмъ цѣлые три дни пріуготовлялась печальная церемонія, по окончаніи которой съ великою процессіею несено было драгоцѣнное ея тѣло въ капище Діанино. Я провожалъ гробъ ея съ неописанною горестію и предавши погребенію, возвратился во дворецъ.

Король и Королева смотря на меня, вспоминая оказанныя мною дочери ихъ услуги, неутѣшно плакали, и облобызая меня, просили, чтобъ остался жить у нихъ вѣчно, обѣщая содержать вмѣсто сына, и учинить послѣ себя наслѣдникомъ; но я, не желая ничего, просилъ ихъ, чтобъ они дозволили мнѣ изъ своего королевства выѣхать, а какъ они не

хотѣли того сдѣлать, и разными спосо-
бами старались меня уговаривать, то я
не дождавшись отъ нихъ за мою услугу
награжденія, ночью часа за три до сол-
нечнаго всхода, ушелъ изъ Турина пѣ-
шкомъ, и пришедъ на разсвѣтѣ въ одну
превеликую рощу, сѣлъ подъ деревомъ
отдохнуть; тутъ вообразились въ умѣ
моемъ, отъ несносной моей печали, всѣ
приключившіяся со мною несчастія, отъ
чего пришелъ я въ такое отчаяніе, что,
выхватя свою шпагу, хотѣлъ самъ себя
заколоть; но въ самый сей моментъ, не-
знаю откуда явился предо мною не боль-
шаго роста мальчикъ, и подбѣжавъ ко
мнѣ, вырвавши у меня шпагу, перело-
милъ на свое колѣно, а самъ побѣжалъ
отъ меня въ лѣсъ; я такъ на него озло-
бился, что бѣжавъ за нимъ, хотѣлъ до-
гнавши убить его до смерти: но онъ
столь былъ проворенъ и резовъ, что въ
одну минуту отъ меня скрылся, а я ме-
жду тѣмъ пришелъ въ здравый разсу-
докъ, и самъ раскаивался о своемъ пред-
пріятіи: разсуждая, что хотя я и не-
счастливъ, что лишился такой неоцѣ-
ненной невѣсты, но можетъ быть пра-
восудные боги, которые меня сверхъ мо-
его чаянія избавляли отъ многихъ не-
счастливыхъ приключеній, и при семъ

случаѣ для предбудущаго какого ни есть моего благополучія, лишили меня сего сокровища; ибо провидѣнія ихъ никому постигнуть не можно; мы часто почитаемъ то худымъ, отъ чего послѣ дѣлается добро.

Какъ я находился въ такихъ размышленіяхъ, то помянутый мальчикъ опять предо мною появился, и говорилъ мнѣ: помните ли вы, господинъ, что было въ своемъ безумствѣ надъ собою сдѣлали, и за что на меня разсердились; теперь мнѣ кажется вы уже опамятовались, и должны меня благодарить, что я спасъ жизнь вашу. Я благодаря его, и видя на немъ странное одѣяніе, очень дивился; ибо на немъ кафтанъ былъ песочнаго цвѣта, сшитый особливымъ манеромъ, выкладенный по борту и по всѣмъ швамъ алыми лѣнтами, а вмѣсто башмачныхъ и шлифныхъ пряжекъ, завязаны изъ розовыхъ лѣнтъ банты; чулки бѣлые, шляпа зеленая, обшитая по краямъ алою лѣнтою, а вокругъ обвязана бѣлою, голубою и черною лѣнтами, съ разпущенными бѣлыми концами, и одна сторона у шляпы заворочена, въ которой приколотъ изъ фіолетовыхъ и бѣлыхъ лѣнтъ бантъ, и воткнуто бѣлое перо; рубашка

бѣлая съ кружевными манжетами; въ рукѣ имѣлъ длинную обвитую алыми лѣнтами съ бантомъ трость; съ лѣваго плеча на правой бокъ висѣла на золотой тесмѣ небольшая бѣлая сумка, выкладенная въ узоръ алыми лѣнтами, на рукахъ бѣлыя лайковыя перчатки.

Сіе странное его одѣяніе, не знаю я, для чего очень мнѣ понравилось: и я спрашивалъ его, какой онъ человѣкъ? Государь мой, отвѣчалъ онъ мнѣ: я родителей моихъ не знаю, и какъ меня зовутъ, не вѣдаю; а именуюсь по малому моему росту мальчикомъ, собственнаго своего ничего у себя не имѣю, и сіе мое одѣяніе принадлежитъ здѣшняго государства народу; пищу себѣ имѣю такую, что нынѣшній день сытъ, а завтра что буду ѣстъ, не вѣдаю; ибо я не имѣю у себя ни родственниковъ, ни пріятелей, а пристанище имѣю въ недалеко отстоящемъ отсюда городѣ, въ трактирѣ, и питаюсь отъ своихъ трудовъ такимъ образомъ: накупя разныхъ конфектовъ и цвѣтовъ, хожу съ оными по разнымъ трактирамъ, и когда въ оныхъ господа пьютъ водку, то оные конфекты для закусокъ у меня покупаютъ, а дамы танцуя теряютъ свои цвѣты, вмѣсто кото-

рыхъ берутъ у меня, и платятъ довольное число денегъ: и такъ я своимъ состояніемъ очень доволенъ; никакой печали не имѣю, никого не боюсь, сплю и встаю, когда хочу: иду куда желаю, и веселюся тѣмъ, что мнѣ пріятно.

Изъ сихъ мальчиковыхъ словъ разсуждалъ я, что онъ природою своею нѣсколько мнѣ подобенъ, потому, что и я также, какъ онъ отъ кого родился, не вѣдаю, и безпечальное его житіе мнѣ такъ понравилось, что я просилъ его принять меня къ себѣ въ товарищи, и жить въ нелицемѣрномъ дружествѣ.

Государь мой, отвѣчалъ мнѣ мальчикъ, я съ превеликою радостію васъ въ мое дружество пріемлю, только съ такимъ договоромъ: когда станемъ мы жить и промышлять вмѣстѣ, то сколько бы кто чего ни получилъ, все дѣлить пополамъ, безъ малѣйшей утайки. Я на все сіе согласился, и увѣрялъ его великими клятвами, что ничего отъ него съ моей стороны утаено не будетъ.

Такимъ образомъ вступили мы во взаимное дружество, и пошли въ городъ Осту, отстоящій отъ Турина миль съ двадцать, и наняли для себя хорошую

квартиру; тутъ я сдѣлалъ себѣ такоежъ платье, какое у моего товарища, и вмѣстѣ съ ними хаживали въ трактиры, въ которыхъ множество бываетъ кавалеровъ и дамъ. И я имѣлъ такое счастіе, что многія дамы видя меня новаго разнощика, нарочно во время танцованія цвѣты свои теряли, а вмѣсто оныхъ брали у меня, и платили мнѣ деньги противъ моего товарища вдвое; но у насъ въ томъ между собою ни малой зависти не было, потому, что мы всѣ дѣлили по равнымъ частямъ. Такимъ образомъ жили мы въ томъ городѣ не малое время очень въ хорошемъ состояніи, и всегда имѣли у себя довольное число денегъ. Наконецъ по прошествіи двухъ мѣсяцовъ, пошелъ я одинъ для нѣкоторой надобности на гостиный дворъ, и ходя по рядамъ, увидѣлъ одну дѣвицу очень похожую на Анастасію, любимую принцессину фрейлину; сперва было вздумалъ я, остановясь ее дождаться; но опять разсудилъ, что ей въ ономъ городѣ быть не за чѣмъ. Итакъ не разсмотря ее, вошелъ къ одному купцу въ лавку; но сія дѣвица догнавъ меня, и ухватя своими руками за плеча, сказала: ахъ! дражайшій Марцимирисъ, куда ты отъ меня бѣжишь? Я оборотясь, дѣйстви-

тельно узналъ, что это Анастасія; обрадовавшись я ей, говорилъ: откуда ты взялась? а вы, сударь, отвѣчала она: гдѣ по сіе время были? я уже больше шести недѣль ищу васъ по разнымъ мѣстамъ. Я радуюсь, говорилъ я ей: что тебя я вижу въ добромъ здоровьѣ, и прошу объявить, какую вы до меня имѣете нужду. Государь мой, отвѣчала она: я никакой собственной своей нужды до васъ не имѣю, а исполняю повелѣніе моей государыни. Какой государыни, говорилъ я ей? она мнѣ отвѣчала: милостивой моей принцессы Терезіи. Да что такое, говорилъ я, или она при концѣ жизни изволила что приказывать? нѣтъ, сударь, отвѣчала Анастасія, не при концѣ жизни; а сей часъ отъ нее послана искать васъ по всему здѣшнему городу. Я не разумѣю твоихъ словъ, говорилъ я; какъ тебѣ можно отъ нечувствительнаго тѣла, которое при моихъ глазахъ предано землѣ, получать приказанія? Она, сударь, отвѣчала Анастасія, никогда нечувствительною не бывала. На сіе я ей сказалъ: не прогнѣвайся, любезная Анастасія, конечно ты съ ума сошла, что стараешся увѣрить меня въ томъ, что я своими глазами видѣлъ. Никакъ, сударь, отвѣчала она мнѣ, какъ я съ ума

не сходила, такъ и принцесса не умирала.

О всемогущіе боги! вскричалъ я, что я слышу, и чему могу вѣрить? Анастасіину ли предсказанію, или собственнымъ моимъ глазамъ, которыми я ясно видѣлъ, что принцесса погребена въ Діаниномъ капищѣ; и возможноль сему быть, чтобъ неописанная та красота въ числѣ живыхъ находилась? Пожалуй, любезная Анастасія, не мучь смущенной мой духъ, открой мнѣ чудную сію тайну. Я, сударь, не намѣрена васъ обманывать, говорила Анастасія: а объявлю вамъ самую истинну, что принцесса никогда не умирала, а находится въ благополучномъ здравіи, и въ такой же блистательной красотѣ и добродѣтели, какъ была и прежде, и нетерпѣливо желаетъ съ вами видѣться; а что ваши глаза видѣли ее погребенную въ Діаниномъ капищѣ, то все было отъ нея выдуманное, для того, что родители ея не дозволяли ей имѣть васъ своимъ мужемъ; сего-то ради принцесса и просила своихъ родителей, чтобъ по смерти ея никого кромѣ меня къ ней не допускали: а какъ объявлено было о ея кончинѣ, то я въ то время приготовленную заранѣе вос-

ковую статую убравши совсемъ, положила въ гробъ, которая подъ имянемъ ея съ надлежащею церемоніею и погребена въ Діанномъ капищѣ, а принцесса въ самое то время ушедъ изъ Турина, дожидалась меня въ одной деревнѣ. По окончаніи же погребательной церемоніи, я пришедъ къ ея высочеству и свѣдавъ, что вы изъ Турина ушли, искали васъ по разнымъ мѣстамъ; но не получа никакого извѣстія, пріѣхали въ сей городъ, и ежели бы здѣсь васъ не нашли, то принцесса хотѣла остаться въ семъ городѣ жить тайнымъ образомъ, а меня намѣрена была послать искать васъ по разнымъ мѣстамъ. Итакъ, милостивый государь, покорно васъ прошу, не мѣшкавъ слѣдовать со мною къ ея высочеству, гдѣ обо всемъ обстоятельно можете быть увѣрены.

Выслушавши я сіе, въ ту минуту пошелъ съ Анастасіею на ихъ квартиру, и къ неописанной моей радости увидѣлъ принцессу, встрѣчающую меня съ разпростертыми руками; почему я и не могу теперь изъяснить, какою мы при семъ нечаянномъ свиданіи объяты были чувствительною радостію, и по многихъ взаимныхъ увѣреніяхъ не лицемѣрной на-

шей любви, положили, чтобъ тотъ же день выѣхавъ изъ сего города, въ первомъ мѣстѣ обвѣнчаться и ѣхать жить въ Голландію; ибо мы имѣли при себѣ разныхъ драгоцѣнныхъ вещей слишкомъ на миліонъ, и собравшись чрезъ нѣсколько часовъ выѣхали, и продолжая путь нашъ какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ не малое время, достигли благополучно до города Гаги, и остановясь въ ономъ безъ всякой церемоніи обвѣнчались, положа намѣреніе чрезъ два дни ѣхать въ Амстердамъ.

На другой день послѣ брачнаго нашего сочетанія, сидѣлъ я съ любезною моею супругою у окошка, и взглянувъ на дворъ, увидѣлъ идущаго къ намъ мальчика, бывшаго моего товарища; чему я чрезмѣрно удивился, какъ онъ могъ свѣдать о моемъ отъѣздѣ, и какимъ способомъ въ такомъ скоромъ времяни явился въ семъ городѣ, и нашелъ нашу квартиру. Терезія спрашивала у меня, какой это человѣкъ къ намъ идетъ; но я не отвѣчая ей ничего, выбѣжалъ на крыльцо, ибо видъ его какъ бы острою стрѣлою прострѣлилъ мое сердце. А онъ увидѣвши меня, говорилъ: А! господинъ Марцимирись, ты думалъ, что тайно отъ

меня уѣхалъ, и хочешь утаить, что женился на Сардинской принцессѣ Терезіи; нѣтъ, мой другъ, и впредь никогда этаго не думай, чтобъ ты гдѣ ни есть могъ отъ меня укрыться.

Я ему отвѣчалъ: я виноватъ только въ томъ, что не простясь съ вами уѣхалъ; а впрочемъ теперь мнѣ жить съ вами по прежнему никакъ не можно: ибо я тогда за тѣмъ вступилъ съ вами въ дружество, что почиталъ мою невѣсту умершею; а нынѣ, когда всемогущіе боги даровали мнѣ сію принцессу, съ которою я вступилъ въ законное супружество, то и принялъ намѣреніе возвратиться въ мое отечество.

Нѣтъ, государь мой, отвѣчалъ мнѣ мальчикъ, напрасно вы стараетесь меня обманывать; какое у васъ отечество? я вѣрно знаю, что вы также какъ и я, ничего собственнаго своего не имѣете, и отъ кого рождены не знаете; да я же васъ и не просилъ, чтобъ быть вашимъ пріятелемъ, но вы сами убѣдили меня своею прозьбою, чтобъ я васъ принялъ въ свое дружество, и помнитель вы положенный между нами договоръ, кто бы что ни получилъ, все дѣлить пополамъ.

Это правда, говорилъ я ему, но сіе разумѣлось въ тогдашнее время, когда мы были оба холостые, жили вмѣстѣ и имѣли все общее, и что получали, то вмѣстѣ и проживали; а теперь, когда я по провидѣнію боговъ получилъ другое счастіе, то и жизнь моя должна перемѣниться. Мальчикъ не говоря больше ничего только просилъ меня, чтобъ я позволилъ ему на моей кварширѣ ночевать; на что я и согласился: и мы обѣдали, и весь день препроводили вмѣстѣ въ разныхъ разговорахъ; а какъ я послѣ ужина пошелъ съ любезною моею супругою въ спальню, то и сей мальчикъ вошелъ за нами; я оборотясь говорилъ ему, что время ложиться спать, и для того шелъ бы онъ въ другую горницу.

Нѣтъ, мой государь, отвѣчалъ онъ мнѣ сіе ваше повелѣніе противно положенному между нами договору, потому, что я во всемъ пріобрѣтенномъ тобою имѣю равную половину, и потому вы уже съ своею супругою одну ночь препроводили, а теперь другую надлежитъ ночевать мнѣ, а вы извольте итти въ ту горницу, въ которую меня посылаете.

Терезія, услыша сіе, затрепетала отъ страха, и не знала что дѣлать, а

я пришедъ въ чрезмѣрное сердце, говориль ему: еще ты бесшія не доволенъ моимъ благопріятствомъ, и смѣешь произносить въ присудствіи моей супруги неистовыя слова; и поднявъ мою руку, такъ сильно удариль его по щекѣ, что онъ раза съ четыре какъ діаволъ кругомъ перевернулся, и не сказавъ ни слова, побѣжаль съ двора долой; почему я и думалъ, что отъ сего мошенника совсемъ уже отдѣлался, и препроводилъ слѣдующую ночь съ моею супругою безъ всякаго безпокойства. Но по утру въ двенадцатомъ часу, вошелъ ко мнѣ полицейской вахмистръ, съ объявленіемъ, чтобъ я немедленно явился въ полицію, для отвѣта на произнесенную на меня отъ одного человѣка жалобу. Я тотчасъ одѣвшись, пришелъ предъ полицейскихъ судей, которые спрашивали меня, какой я человѣкъ, и давноль въ сей городъ пріѣхалъ? объявляя притомъ, что одинъ человѣкъ подалъ прозьбу, будто я отнялъ у него жену, и хочу увесть съ собою.

Милостивые государи, говорилъ я судьямъ, я былъ у Турковъ въ полону, и дослужась Визирскаго чина, посыланъ отъ Султана съ арміею противъ Персіянъ; а по разбитіи ими Турецкой ар-

міи, уѣхалъ я въ Сардинію, и оттуда продолжая путь мой въ Германію, нашелъ нечаяннымъ случаемъ свою невѣсту, которую я съ великими трудами избавилъ отъ нѣкотораго злодѣя, и женясь на ней, хочу ѣхать въ Амстердамъ; а кто на меня всклепалъ такое злодѣйство, я не знаю, да и возможноль мнѣ, будучи въ здѣшнемъ городѣ только три дни, дѣлать такія дѣла? Ябъ желалъ видѣть, чтобь проситель самолично могъ меня въ томъ изобличить. Судьи и сами не знали, какой человѣкъ проситель; ибо онь подавши на меня прозбу, самъ изъ полиціи ушелъ, только описали мнѣ его ростъ и одѣяніе, почему я и могь догадаться, что сіе произошло отъ мальчика.

Какъ бы то ни было, только судьи не принявъ моего оправданія, сказали: пока не явится проситель, и не сыскавши въ томъ подлинной правости, изъ полиціи меня выпустить не можно; чего ради и отданъ я былъ подъ честной караулъ. Супругу мою приказано въ квартирѣ одному секретарю допросить, а просителя для доказательства сыскивать. Терезія въ допросѣ показала то же, что и я; и подарила секретаря хо-

рошимъ подаркомъ, а притомъ и я поднесъ судьямъ тихую милостину; почему меня, хотя просителя и не сыскали, изъ полиціи выпустили.

Идучи я домой, думалъ на другой день неотмѣнно отправиться въ Амстердамъ; но проклятой мальчикъ попавшись мнѣ на встрѣчу, говорилъ, чтобъ я конечно по прежнему договору дозволилъ въ женѣ моей имѣть участіе; а ежели я того не сдѣлаю, то и вовсе могу ее лишиться, и выговоря сіе, въ ту минуту пропалъ изъ глазъ моихъ.

Идучи я на дворъ увидѣлъ, что Терезія смотритъ въ окно, и радуется моему освобожденію; а какъ вошелъ въ покои, то нашелъ ее лежащую на полу безъ всякаго чувства; думалъ я, что ей сдѣлался отъ радости и отъ загустѣнія крови обморокъ, и для того вышедъ вонъ, хотѣлъ послать за лѣкаремъ, чтобъ пустить кровь; но только я въ другую горницу вышелъ, она опамятовавшись, сквозь стекляныя двери кричала мнѣ, чтобъ за лѣкаремъ не посылалъ, для того, что она совсемъ здорова. Я обрадовавшись воротился, и вошедъ въ спальню, засталъ ее сидящую въ крѣслахъ, опять безъ

всякаго чувства; и сколько ни старался разными спиртами приводить её въ память, но никакимъ образомъ сдѣлать того не могъ; и съ сего времяни она никогда при моихъ глазахъ въ памяти не бывала. Случалось, когда мы ляжемъ спать, и какъ скоро я засну, то она въ ту минуту опомнится, и по горячей ко мнѣ любви, желая со мною говорить, станетъ меня будить; но только я открою мои глаза, она опять сдѣлается какъ испуканная. Въ такомъ состояніи жилъ а съ нею въ Гагѣ около четырехъ лѣтъ, и имѣлъ не мало пріятелей, которые не рѣдко меня посѣщали; и когда меня въ той горницѣ нѣтъ, то она съ гостями сидитъ, разговариваетъ и подчиваетъ, и будучи въ другой горницѣ, слышу всѣ ея разговоры; а какъ скоро къ ней войду, то гдѣбъ глаза мои ее ни завидѣли, сидящую ли въ креслахъ, или лежащую на постелѣ, въ ту минуту она обезпамятствуетъ; и сіе приключеніе дѣлалось съ нею безъ всякаго ей безпокойства и болѣзни, подобно крѣпчайшему сну, отъ котораго при моемъ присудствіи никакимъ способомъ разбудить было не можно; и для того, когда надобно намъ о чемъ съ нею говарить, будучи въ разныхъ горницахъ сквозь за-

творенныя двери, и принуждены сколько можно кричать громче, дабы могли слышать наши разговоры. Не осталось въ городѣ ни одного доктора и лѣкаря, котораго бы я не призывалъ для изцѣленія сей болѣзни; и хотя они употребляли нѣкоторыя лѣкарства, но наконецъ видя странное и неслыханое сіе приключеніе, сказали: что сія болѣзнь до конца ея жизни неизличима; почему мы и не знали, какую намъ должно вести жизнь. Наконецъ вздумалось мнѣ сдѣлать ей чрезъ Анастасію предложеніе, чтобъ она возвратилась къ своимъ родителямъ, чрезъ что можетъ ихъ при старости несказанно обрадовать, а по смерти ихъ быть наслѣдницею Сардинскаго королевства; и ежели пожелаетъ, тобъ сыскавъ себѣ достойнаго жениха, вышла замужъ, по тому, что можетъ быть за другимъ мужемъ сего приключенія имѣть не будетъ. А я принялъ намѣреніе искать въ Германіи или во Франціи себѣ службы, и во всю мою жизнь не жениться.

Принцесса слышавши сіе, приказала мнѣ чрезъ Анастасію, что она на сіе хотя съ великимъ сожалѣніемъ соглашается, только также ни за кого на свѣтѣ замужъ не пойдетъ. Такимъ обра-

зомъ согласясь съ обѣихъ сторонъ, и будучи въ разныхъ горницахъ, неутѣшно о разлученіи нашемъ плакали, и въ знакъ памяти взялъ я къ себѣ принцессинъ портретъ, а ей отдалъ свой.

Потомъ ва назначенный для разлуки нашей день, не могъ я вытерпѣть, чтобъ не войти проститься съ неоцѣненною моею супругою; и вошедъ къ ней, увидѣлъ ея сидящую въ креслахъ безъ всякаго чувства, и какъ текли изъ прелестныхъ ея глазъ слезы, такъ на прекрасномъ лицѣ и остановились. Я ставши предъ нею на колѣна, цѣловалъ подобныя чистѣйшему мрамору руки, приносилъ предъ нею мою жалобу и несчастное мое мученіе; но не могъ ни малаго получить отвѣта. Итакъ противъ моей воли, оставя ее подобно какъ мертвую, вышелъ вонъ и едва успѣлъ затворить за собою двери, какъ она опамятовавшись, вскочила съ кресель и побѣжавъ къ дверямъ, не отворяя оныхъ, закричала: ахъ! прости мое сокровище, я тебя лишаюсь на вѣки, и никогда уже не увижу! Услыша я сіи слова, не могъ вытерпѣть, чтобъ не воротиться назадъ, и вошедъ въ ея горницу, нашелъ опять въ такомъ же нечувствительномъ положе-

ніи; почему и не разсудилъ уже я болѣе ничего дѣлать, какъ только сколько можно скорѣе удалиться отъ нѣжнаго ея слуха; побѣжалъ со двора долой, чтобъ мнѣ не слыхать болѣе жалостныхъ ея словъ, и сѣвши въ почтовую коляску, уѣхалъ въ Италію, а оттуда въ Дурлахъ, и принявъ службу у покойнаго Брандейбургскаго Герцога, опредѣленъ во флотъ порутчикомъ, а послѣ дослужился до капитанскаго ранга.

Вотъ, милостивый государь, говорилъ Марцимирисъ Милорду, причина моей печали, которой я до конца моей жизни позабыть не могу; и гдѣ теперь сей неописанной красоты принцесса, никакого извѣстія не имѣю, только думаю, что сія странная болѣзнь напущена на нее отъ того Жени-духа, отъ котораго я ее избавилъ; и не самъ ли онъ во образѣ мальчика передо мною казался; ибо всѣ его дѣла были не человѣческія, а перстень я свой, котораго духи боялись, и самъ не помню гдѣ потерялъ.

Милордъ и Маркграфиня, благодаря Марцимириса за его исторію, очень сожалѣли о его несчастіи, и ни мало удивлялись чудному съ нимъ приключенію.

Между тѣмъ приготовленъ былъ вечерній столъ, а по окончаніи ужина Маркграфиня говорила Милорду: теперь вы не можете на меня сердиться, что я вамъ въ одной съ собой коютѣ ночевать не дозволю; ибо я уже опробовала вашу невоздержность, и боюсь, чтобъ не навести на себя отъ боговъ справедливаго гнѣва, чего ради желаю вамъ препроводить сію ночь въ особливой каютѣ.

По утру Маркграфиня одѣвшись, вошла въ ту каюту, въ которой находился Милордъ, и нашла его лежащаго еще на постелѣ, говорила ему: любезный Милордъ, вѣдь уже одинадцать часовъ, а вы еще спите. Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ онъ: я очень давно проснулся; но что не всталъ съ постели, тому причина та, что я нахожусь въ великомъ размышленіи о видѣнномъ мною удивительномъ снѣ. Какъ я вчерашняго вечера простясь съ вами пришелъ въ мою каюту, и легши на постелю, очень хорошо заснулъ, и видѣлъ во снѣ Юпитера сшедшаго съ Олимпа на землю и сидящаго на престолѣ, къ которому собрались всѣ боги и богини, и становились во кругъ его престола. Потомъ прилетѣла на двухъ голубяхъ въ позлащенной

колѣсницѣ прекраснѣйшая Венера, имѣющая на себѣ длинное разноцвѣтное одѣяніе, и длинныя ея власы перевязаны златою лентою. Всѣ боги красотѣ ея удивлялись. Вышедъ она изъ колѣсницы, приступаетъ къ престолу Юпитерову слупаніемъ тихимъ и кроткимъ; но притомъ прекраснѣйшее ея лице омочено текущими изъ глазъ ея слезами. Юпитеръ вставъ съ своего престола, и облобызая ее, говорилъ: драгая моя дщерь, о чемъ ты такъ скорбишь, открой мнѣ причину твоей горести.

О! всевидящій отецъ боговъ и человѣкъ, отвѣчала она ему: возможноль, чтобъ ты не могъ знать моей печали; я приношу тебѣ жалобу на Маркграфиню Бранденбургскую, за преступленіе ея клятвы, которая по смерти своего мужа принося всѣмъ богамъ, которыхъ ты видишь окружающихъ престолъ твой, великія жертвы, и клялась страшными клятвами три года не выходить замужъ, только бы по желанію ея опредѣлили ей боги достойнаго жениха, и притомъ еще обѣщалась, что ежели кто изъ нихъ до брачнаго сочетанія, сдѣлаетъ хотя малое какое въ своемъ обѣщаніи преступленіе, то еще шесть лѣтъ ей вдовство-

вать. Но нынѣ, самъ ты отче знаешь, что она преступила сію клятву; ибо даннаго ей жениха Англинскаго Милорда въ построенномъ отъ Минервы близъ Лондона домѣ своею красотою прельщала, и совершеннобъ впала въ большее преступленіе, ежели бы чистѣйшая Діана ее отъ того не удержала. А женихъ ея преступилъ данное ему отъ нее завѣщаніе въ томъ, что открылъ Елизабетѣ тайну о пребываніи Маркграфининомъ въ Минервиномъ домѣ, и теперь прежде назначеннаго времяни хочетъ совокупиться бракомъ; почему я и вступаюсь въ неправедную ея клятву, и прошу отомстить ей за сіе клятвопреступленіе.

По окончаніи сихъ Венериныхъ словъ, чистѣйшая Діана, имѣя на себѣ длинное бѣлое одѣяніе, на главѣ вѣнецъ съ бѣлыми перьями, приступя къ престолу Юпитерову, говорила голосомъ тихимъ и кроткимъ: отче боговъ и человѣкъ, ты знаешь Милорда, его твердость и постоянство; я о немъ прошу, сохрани его для моей прозьбы, и даждь ему долголѣтное здравіе; ибо онъ хотя и преступилъ клятву, но за сіе получилъ въ островѣ Арапскомъ отъ королевы мучительное наказаніе, и устоялъ въ непоколебимой твердости.

Юпитеръ отвѣчалъ симъ богинямъ: я знаю, что дщерь моя Минерва Маркграфиню любитъ, и дѣлаетъ для ея великія мудрости, и для того я никакого наказанія не опредѣляю; а отдаю ее въ вашу волю вы что хотите то съ нею и дѣлайте, а я ни въ чемъ помогать вамъ не буду, а стану смотрѣть, кто изъ васъ побѣдительницею останется. А Милорда поручаю чистѣйшей Діанѣ, и за претерпѣніе его въ Арапскомъ оспровѣ, опредѣляю ему Бранденбургское герцогство; въ законахъ же Минерва будетъ ему помощница.

Собраніе боговъ похваляя Юпитерово правосудіе, разошлось по своимъ мѣстамъ, а Венера сѣвши въ свою колесницу, полетѣла къ Нептуну, и приступя къ сему морскому богу, говорила: великій Нептунъ! какъ ты терпишь и не погубляешь находящагося въ области твоей корабля Бранденбургскаго, за преступленіе клятвы Маркграфинины? Какой на сіе послѣдовалъ отъ Нептуна отвѣтъ, того я слышать не могъ, только видѣлъ Венеру возвращающуюся отъ него съ веселымъ видомъ. И такъ я проснулся.

Выслушавъ Маркграфиня Милордово сновидѣніе, сказала: я и сама знаю, что

Венера на меня гнѣвается за преступленіе моей клятвы; однакожъ я имѣю надежду на премудрую Минерву, которую я съ самаго малолѣтства больше всѣхъ богинь почитаю. Но чтожъ дѣлать, будь сіе по власти боговъ, а вамъ пора одѣваться и время уже кушать.

Едва успѣли они сѣсть за столъ, какъ вдругъ темная туча покрыла чистое небо, зашумѣла сильная буря, воздвигнулись ужасныя волны. Видѣвши сіе Маркграфиня, вскричала: ахъ любезный Милордъ! видишь ли ты, что Нептунъ по совѣту Венерину на погубленіе мое изливаетъ гнѣвъ свой; ежели я при семъ несчастномъ случаѣ погибну, а тебя милосердые боги отъ сей погибели избавятъ, то вспомни любезную твою Маркграфиню, которая для тебя лишается жизни.

Въ страшную сію минуту морскія волны сдѣлались великими горами, по которымъ корабль то поднимается, то опускается; всѣ бывшіе на кораблѣ, будучи объяты великимъ страхомъ, бѣгаютъ, вопіютъ, простираютъ руки на небо, просятъ Юпитера и Нептуна о своемъ спасеніи. Самъ Капитанъ Марци-

мирись стоя у руля ободряетъ морскихъ служителей, но великому вѣтру противиться и править кораблемъ не могутъ; ибо отъ сильной бури главная мачта переломилась, канаты и парусы изорвалися, и корабль безъ всякаго управленія болѣе двухъ часовъ носился по неизвѣстной морской пучинѣ; наконецъ нанесло его на камень и разбило на многія части. При семъ послѣднемъ отчаянномъ случаѣ Милордъ, ухватился за одну большую доску, вопія жалостнымъ голосомъ: о великодушные боги! вы меня избавляли отъ многихъ несчастій, пошлите и теперь всемогущую вашу помощь! Хотѣлъ было онъ еще произносить нѣкоторыя слова, но опъ напившейся воды въ такую приведенъ былъ слабость и безсиліе, что едва могъ держаться руками за доску; и ежелибъ не былъ подкрѣпленъ помощію богини Діаны, тобъ конечно въ ту минуту погрузился въ морскую бездну; но вдругъ сильная волна выбросила его съ доскою на морской берегъ, на которомъ лежалъ онъ всю ночь безъ всякаго чувства; а наконецъ началъ чихать, и тѣмъ возбудилъ въ себѣ морскую воду, которая ручьями пустилась изъ его рта и ноздрей; чрезъ нѣсколько послѣ того минутъ пришелъ онъ въ

память, открываетъ отягченные свои глаза, видитъ прекрасную зарю, отверзающую врата солнцу; надежда въ его сердцѣ возобновляется. Вставши изъ земли смотритъ на море, которое стоитъ уже въ великой тихости, но не знаетъ гдѣ онъ находится, вспоминаетъ любезную свою Маркграфиню, которую вѣрно почитаетъ погибшею. Потомъ ходивши онъ долгое время по морскому берегу увидѣлъ въ одномъ мѣстѣ небольшую дорожку, чрезмѣрно обрадовался, и идучи оною, пришелъ въ одну не большую деревню, въ которой и остался ночевать, а по утру вставши, купилъ лошадь, и продолжалъ путь свой далѣе; отъѣхавъ же мили съ двѣ, увидѣлъ впереди себя городъ, и пріѣхавъ въ оной, сталъ въ одномъ вольномъ домѣ. Хозяинъ того дома былъ человѣкъ уже престарѣлый, но разумный; увидѣвши Милорда какъ человѣка иностраннаго, принялъ его очень ласково, и отвелъ ему особливую горницу. Милордъ спрашивалъ хозяина: пожалуй, скажи, какъ имянуется сей городъ, и подъ чьимъ состоитъ владѣніемъ? Милостивый государь, отвѣчалъ старикъ: сей городъ Картагена, владѣнія Гишпанской Королевы, и мнѣ не мало удивительно, что вы не знаете, въ которомъ

государствѣ находитесь. Не удивляйтесь сему, отвѣчалъ Милордъ хозяину, потому, что мнѣ по несчастному моему приключенію знать сего не можно; ибо я по разбитіи корабля выброшенъ морскими волнами на здѣшней берегъ безъ всякаго чувства, почему и не могъ до сего часа знать, гдѣ я нахожусь, а теперь услыша отъ васъ, очень радуюсь, что судьба привела меня въ такое государство, въ которомъ чужестранные хорошо принимаются, гдѣ я безъ всякаго затрудненія могу принять быть въ службу. Но еще васъ хочу спросить, говорилъ Милордъ: что вы объявили мнѣ объ одной только Королевѣ, а о Королѣ ничего не упомянули. Государь мой отвѣчалъ старикъ, когда вы ничего не вѣдаете, то я васъ обо всемъ увѣдомляю. Тому уже четыре года, какъ любезный нашъ Король скончался, и наслѣдниковъ послѣ его мужеска пола не осталось; чего ради Сенатъ принужденъ былъ признать наслѣдницею и правительницею всего государства дочь его Принцессу Анну, и хотя боги лишили насъ милосердаго и правосуднаго Государя, но вмѣсто того наградили такою премудрою, милостивою и великодушною Королевою, которая въ правленіи государственныхъ дѣлъ едва ли не

превосходитъ своего родителя, только подданные ея не малое имѣютъ сожалѣніе, что сія драгоцѣнная наша Государыня, никому на свѣтѣ супругою быть не хочетъ; ибо врожденную къ мужескому полу имѣетъ антипатію, почему мы и не имѣемъ надежды, послѣ ея имѣть для Гишпанской короны законныхъ наслѣдниковъ; она же имѣетъ такое обыкновеніе, что никогда безъ маски выходитъ не изволитъ, и ни одинъ еще чужестранной человѣкъ лица ея видѣть не могъ; да и свои подданные кромѣ самыхъ ближнихъ ея придворныхъ, никто безъ маски видѣть не удостоился, потому, что она снимаетъ оную только тогда, когда кушаетъ, и бываетъ во внутреннихъ своихъ покояхъ. Слыша сіе Милордъ, говорилъ хозяину: я видя вашу къ себѣ благосклонность, осмѣлюсь васъ спросить, не знаете ли вы, какой ради причины Государыня ваша скрываетъ свое лице, и не случалось ли вамъ видѣть хотя портретъ ея, или отъ кого слышать о ея красотѣ.

Конечно вы, государь мой, думаете, отвѣчалъ вольнодумецъ, что не имѣетъ ли наша Королева въ лицѣ своемъ какого непріятнаго вида; нѣтъ, я васъ увѣ-

рно, что она при всѣхъ своихъ достоинствахъ, такъ хороша, что подобной ей въ красотѣ еще не видано: причина же, принудившая ее скрывать свое лице, произошла отъ сожалѣнія своихъ подданныхъ, потому, что когда она при покойномъ своемъ родителѣ прелестнаго своего лица не закрывала, то многіе молодые кавалеры заразясь прелестною ея красотою, лишились жизни, что случилось съ однимъ королевскимъ камергеромъ, съ двумя камеръ-юнкерами, и съ однимъ собственнымъ ея пажемъ; и какъ она о томъ сжалала, то съ того времяни и разсудилось ея величеству всегда въ присудствіи мущинъ носить маску, и тѣмъ слабыя сердца освобождать отъ напраснаго мученія.

Милордъ хотя прежде и намѣренъ былъ изъ Картагена возвратиться въ свое отечество; но услышавъ отъ старика такую о королевѣ похвалу, вознамѣрился для любопытства ѣхать въ Толедо, гдѣ Королева имѣла свое пребываніе, и объявя тамъ о настоящемъ своемъ имяни, жить какъ надлежитъ знатному человѣку, и спознавшись съ придворными кавалерами, искать случая увидѣть Королеву безъ маски.

Въ слѣдствіе чего на другой день просилъ онъ хозяина, чтобъ нанялъ ему почтовую съ четырьмя лошадьми карету, и какъ оная была изготовлена, то онъ заплатя хозяину за квартиру, и благодаря его за ласковое обхожденіе, отправился въ надлежащей путь; и пріѣхавъ въ Толедо, спрашивалъ у почтаря, гдѣбъ ему въ семъ городѣ сыскать хорошую квартиру? Почтарь объявилъ ему, что во всемъ городѣ лучше квартиры сыскать не можно, какъ у купца Демаре, которой содержитъ великой трактиръ, и всѣ чужестранные становятся у него.

Милордъ въѣхавши въ оной трактиръ, объявилъ о своемъ имяни; Демаре принялъ его очень ласково и съ великою учтивостію спрашивалъ, что ему надобно? Милордъ отвѣчалъ: что теперь ничего онъ больше не требуетъ, какъ только для одной персоны квартиру. Демаре говорилъ, что не только квартира, но естьли надобна будетъ карета, лошади и лакѣи, то сколько угодно все будетъ въ готовности.

Милордъ будучи симъ очень доволенъ, говорилъ ему: что хотя онъ на первой случай для своего содержанія нѣ-

сколько при себѣ денегъ и вещей имѣетъ; но ежели впредь будетъ нужда, то можетъ ли онъ повѣрить до присылки изъ Лондона тысячь до десяти за надлежащіе проценты.

Не только такую малую сумму, отвѣчалъ Демаре, но естьли вамъ надобно хотя до тридцати тысячь, только извольте написавъ адресовать вексель на какого ни есть Лондонскаго купца. Милордъ благодаря Демаре, и взявъ перо, написалъ вексель, и отдалъ ему; а къ сестрѣ своей Люціи послалъ на почтѣ слѣдующее письмо.

Любезная сестра!

Я вѣрно знаю, что вы не имѣя обо мнѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ никакого извѣстія, находитесь въ отчаяніи о моей жизни. Правда, что я во время моего странствованія, претерпѣвая великія несчастія, не однократно подверженъ былъ смерти; но правосудные боги неисповѣдимыми своими судьбами до сего времяни сохранили жизнь мою, и нечаяннымъ случаемъ привели меня въ Гишпанію: я нахожусь теперь въ Толедо подъ своимъ имянемъ; и по нѣкоторымъ обстоятель-

ствамъ должень вести жизнь по знатности моей природы; чего ради и имѣю въ деньгахъ не малой недостатокъ, и для того принужденъ послать къ вамъ на тридцать тысячь вексель, по которому прикажите изъ моихъ доходовъ заплатить, и изходатайствовать сюда на имя Демарево отъ Англинскихъ купцовъ обо мнѣ рекомендацію.

По отправленіи сего, разговаривая Милордъ съ Демаре, просилъ: не имѣетъ ли онъ какого случая рекомендовать его къ кому ни есть изъ придворныхъ кавалеровъ, чрезъ которыхъ бы можно было сыскать способъ увидѣть Королеву безъ маски.

Милостивый государь, отвѣчалъ Демаре, я бы съ великою охотою рекомендовалъ васъ одному моему пріятелю, но его теперь въ городѣ нѣтъ; а находится въ своихъ маяткостяхъ, и блиско двухъ месецовъ сюда не возвратится, а чтобъ вамъ видѣть Королеву безъ маски, къ тому ни одинъ человѣкъ никакого способа сыскать не можетъ; въ присудствіи же ея величества вы быть можете, потому, что она всякую недѣлю два раза бываетъ въ оперѣ, гдѣ всему Гишпанскому дворянству и иностраннымъ невозбранно

быть дозволяется, и она часто со многими милостиво разговариваетъ; портретъ же ея видѣть можете во дворцѣ, которой стоитъ въ аудіенцъ-камерѣ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, Милордъ одѣвшись какъ можно лучше, пошелъ въ театръ, и сталъ въ такомъ мѣстѣ, чтобъ его знатные не могли видѣть; потомъ пришла Королева, сѣла на своемъ мѣстѣ, и съ находящимися близъ ее кавалерами и дамами очень много разговаривала. Слышавши Милордъ разумные ея разговоры, и видя пріятной ея корпусъ, чрезмѣрно въ нее влюбился, и принялъ непремѣнное намѣреніе всякими способами искать случая, чтобъ видѣть ее безъ маски, и стараться ей понравиться; ибо онъ думалъ, что любезной его Маркграфини конечно уже на свѣтѣ не было.

Чрезъ нѣсколько времяни получилъ онъ изъ Лондона отъ сестры своей письмо, и притомъ отъ одного знатнаго Англинскаго купца къ Демаре и другимъ Гишпанскимъ купцамъ о себѣ рекомендаціи, чтобъ ему вѣрили до ста тысячь.

По сей рекомендаціи, взявъ онъ у Демаре не малую сумму денегъ, нанялъ

для себя хорошій домъ, и переѣхалъ въ оной, сдѣлалъ богатой екипажъ, накупилъ премножество галантерейныхъ вещей и разныхъ уборовъ, принялъ довольное число служителей, сдѣлалъ богатую ливрею, а Демаре, заплатя за свое содержаніе довольную цѣну, и наградя его немалыми подарками, обѣщался быть навсегда вѣрнымъ другомъ.

Въ одно время пріѣхавъ къ нему Демаре, говорилъ: милостивый государь, прежде сего обѣщалъ я рекомендовать васъ моему пріятелю; итакъ, ежели вамъ угодно, то я нынѣ могу оное исполнить, а сей мой пріятель ея величества оберкамергеръ Фердинальдъ, который у Королевы содержится въ великой милости.

Милордъ благодаря Демаре, оставилъ его у себя обѣдать, а послѣ обѣда посадя въ свою карету, поѣхали къ Фердинальду, который принялъ ихъ очень ласково. При чемъ Демаре говорилъ Фердинальду: я, въ надеждѣ вашей къ себѣ милости, пріемлю смѣлость рекомендовать вамъ сего недавно пріѣхавшаго Англинскаго Милорда, который по недавному прибытію никого еще здѣсь не

знаетъ, и покорно прошу содержать его въ своемъ дружествѣ. Фердинальдъ на сію рекомендацію говорилъ Милорду: я за счастіе себѣ почту, естьли удостоюсь въ чемъ ни есть оказать вамъ мою услугу; и прошу содержать меня въ своей дружбѣ. Итакъ по многихъ взаимныхъ рекомендаціяхъ и разныхъ разговорахъ, просидѣли цѣлой день, а въ вечеру разстались съ такою ласкою и пріятностію, какъ бы не малое время жили въ великомъ дружествѣ.

На другой день послѣ того, ѣздилъ Милордъ ко многимъ знатнымъ господамъ съ визитами, а послѣ уже ѣзжалъ въ торжественные дни во дворецъ и въ придворной театръ; и въ одинъ день будучи во дворцѣ, по представленію Фердинальдову допущенъ былъ къ Королевѣ къ рукѣ; при чемъ она ему сказала: я радуюсь, видя васъ при моемъ дворѣ, и желаю, чтобъ вамъ здѣсь было не скучно.

Послѣ сего Милордъ еще больше плѣнился любовною къ Королевѣ страстію: чего ради много разъ принималъ онъ намѣреніе открыться въ томъ Фердинальду, и просить его вспомощество-

ванія, и для того въ одинъ день пріѣхалъ къ нему ужинать, а какъ тогда никого у Фердинальда не было, то они по окончаніи стола, сидя двое, разговаривали о разныхъ матеріяхъ. Милордъ видя способное время, началъ говорить Фердинальду: любезный другъ, будучи я увѣренъ въ нелицемѣрной вашей дружбѣ, осмѣливаюсь открыть вамъ сокровенную до сихъ поръ въ моемъ сердцѣ тайну; ибо я не для чего другаго сюда пріѣхалъ какъ только для любопытства, чтобъ видѣть безъ маски красоту вашей Королевы, и ей понравиться; чего ради и прошу васъ, какъ искренняго друга, не можете ли вы сыскать къ тому способнаго случая.

Я вамъ открываюсь чистосердечно, отвѣчалъ Фердинальдъ: что хотя я предъ другими отмѣнную имѣю въ себѣ ея величества милость, только очень рѣдко удостоиваюсь видѣть ее безъ маски, потому, что она кромѣ своей спальни ни въ какомъ мѣстѣ оной съ себя не снимаетъ, а въ спальню безъ позволенія ея никто изъ кавалеровъ войти не можетъ; а вамъ уже какъ чужеспранному человѣку никакимъ образомъ видѣть ее не можно. Что же принадлежитъ до ея кра-

сомы и разума, въ томъ я могу васъ увѣрить, что едва ли подобна ей можетъ гдѣ сыскаться; а что она объявляетъ, будто отъ природы имѣетъ къ мущинамъ великую антипатію, чего ради не только кого любить, но и законнаго супруга имѣть себѣ не желаетъ, тому кажется по человѣчеству быть не можно; и я думаю, что сіе происходитъ отъ чрезмѣрной ея амбиціи, по тому, что она, будучи сильно заражена своею красотою и разумомъ, думаетъ, будто нѣтъ на свѣтѣ одареннаго отъ боговъ такими достоинствами человѣка, котораго бы она могла удостоить быть своимъ супругомъ. Вы, можетъ быть, государь мой, говорилъ Фердинальдъ Милорду, по молодости своей еще не знаете какъ женщины лукавы и притворны, а я уже довольно въ томъ искусился; и ежели вамъ не нанесу скуки, то послушайте случившуюся со мною исторію.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПОВѢСТЬ О ПРИКЛЮЧЕНІИ АНГЛИНСКАГО МИЛОРДА

ГЕОРГА

И

О БРАНДЕНБУРГСКОЙ МАРГРАФИНѢ ФРИДЕРИКѢ ЛУИЗѢ;

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ КЪ ОНОЙ

ИСТОРІИ

БЫВШАГО ТУРЕЦКАГО ВИЗИРЯ

МАРЦИМИРИСА

И

САРДИНСКОЙ КОРОЛЕВНЫ

ТЕРЕЗІИ.

СЪ ГРАВИРОВАННЫМИ КАРТИНКАМИ И ПОРТРЕТОМЪ

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

М. К.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Рѣшетникова и Уткина.

1829.

ИСТОРІЯ

ФЕРДИНАЛЬДОВА,

О

ТРЕХЪ ИТАЛІАНСКИХЪ ДАМАХЪ.

ГЕВІИ, МАРЕМИСѢ и ФИЛІИ.

При покойномъ Королѣ, отцѣ нынѣшней государыни, посланъ я былъ для нѣкотораго секретнаго дѣла въ Испалію; и по порученной мнѣ коммисіи, принужденъ былъ жить въ Генуѣ цѣлые три года. А какъ я былъ тогда еще холостой и въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ; и вы сами знаете, что молодому человѣку безъ любви жить скучно; чего ради и старался я искать себѣ любовницу; въ чемъ такъ былъ счастливъ, что живучи въ семъ городѣ, въ самое коротkое вре-

мя, безъ всякаго затрудненія склонилъ къ себѣ въ любовь очень хорошихъ трехъ дамъ, изъ которыхъ первая была одного капитана жена, именемъ Гевія, съ которою познакомился я, будучи въ гостяхъ у Сардинскаго посланника; ибо она съ перваго вида мнѣ очень понравилась; вступилъ я съ нею въ разговоры, въ одинъ часъ соединили нашу дружбу; но по несчастію моему, взаимная наша любовь не болѣе одного мѣсяца со мною продолжалась; потому что мужъ ея будучи въ отставкѣ, по большой части жилъ въ своихъ деревняхъ: чего ради и принуждена была она съ нимъ ѣхать въ деревню; прощаясь она со мною, очень плакала, и просила меня, чтобъ я до возвращенія ея въ Гену, другой любовницы не искалъ, потому, что она чрезъ три мѣсяца вѣрно уговоритъ своего мужа, опять возвратиться въ городъ. Я хотя обѣщалъ содержать сіе непремѣнно; но послѣ разсудилъ, что я не туто-шной житель, и получа отъ Короля указъ, долженъ ѣхать въ свое отечество; и для того, не хотя напрасно терять время къ своему увеселенію, принялъ намѣреніе искать себѣ другую любовницу; и спустя недѣлю послѣ ея отъѣзда, будучи въ одномъ домѣ на балѣ, танцовалъ

съ одною дамою, которая въ танцахъ съ особливою пріятностію бросала на меня свои взоры. Примѣтивши я сіе, спрашивалъ у бывшихъ тутъ моихъ знакомыхъ, кто она такова? которые сказали: что она одного Юстиціи. президента жена, именемъ Маремиса; при чемъ указали мнѣ и ея мужа, и онъ былъ уже очень не молодъ; а она въ самой еще цвѣтущей молодости; по чему и разсуждалъ я, что конечно она его не любитъ: и для того поднявъ ее опять танцовать, показывалъ ей знаки моей склонности; по окончаніи же танцовъ извинялся ей, что не обезпокоилъ ли я ее моимъ поступкомъ? Она отвѣчала, что за счастіе почитаетъ, удостоившись танцовать съ такимъ кавалеромъ, которому ни въ чемъ отказать не можетъ; и естьли мнѣ не противно, то она съ великою радостію желаетъ быть короче знакома; и просила меня къ себѣ въ домъ, объявляя, что оный, по вольности мужа ея, никогда для меня затворенъ быть не можетъ. По сему предложенію искалъ я случая, какъ бы познакомиться съ ея мужемъ: въ слѣдствіе чего на другой же день съ однимъ моимъ пріятелемъ въ домъ къ нему и пріѣхалъ, и принятъ былъ отъ него, а наипаче отъ жены его,

сь великою ласкою. Такимъ образомъ не далѣе какъ чрезъ два дни свели мы съ нею неразрывное дружество; но любовныя наши пріятности продолжались только одинъ мѣсяцъ: ибо она за случившеюся отцу ея кончиною, принуждена была ѣхать въ деревню; и при прощаніи со мною обѣщалась, какъ скоро будетъ можно, возвратиться опять въ городъ. Я дожидаясь ее цѣлой мѣсяцъ, ни мало не думалъ искать себѣ новой любовницы; но въ одно время богатой Италіанской купецъ Ферилъ, звалъ къ себѣ обѣдать всѣхъ чужестранныхъ посланниковъ, въ числѣ которыхъ и мнѣ тутъ же быть случилось. Жена у сего купца была прекрасная, обходительная, смѣлая и шутливая женщина; будучи мы за столомъ, принуждены были пить за здоровье тѣхъ государей, которыхъ министры въ семъ городѣ находились. И такимъ образомъ наполнили наши головы хмѣльными спиртами, отъ чего и сдѣлалась компанія наша очень веселою. Бывшій тутъ Французскаго двора резидентъ, по обыкновенной Французской вольности, прельстясь на Филію (имя хозяйки), хотѣлъ ей объявить свою любовь, и для того подошедъ къ ней, и видя налепленную у ней на губѣ, для прикрытія ма-

ленькаго струпика, мушку, говорилъ ей: я очень, сударыня, сожалѣю, что сія болячка такъ неучтива, и осмѣлилась на такую пріятную губку изпустить ядъ свой. Филія усмѣхнувшись, отвѣчала: нѣтъ, сударь, она очень умна, потому, что какъ она самовластна, то и выбираетъ себѣ лучшее мѣсто, гдѣ ей угодно; да я думаю, ежели бы вамъ было можно, тобъ вы охотно и сами въ сей струпикъ превратиться желали. Нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ ей Французъ, я не могу быть такою вещію, которая бъ могла наносить человѣческому роду, а особливо прекрасному женскому полу, безпокойства; но напротивъ того я вамъ, сударыня, могу объявить, что будучи я въ Римѣ, получилъ отъ Папы такую святость, что ежели моими губами притронусь до какой болѣзни, то оная въ ту минуту изчезаетъ. Ахъ, какъ я сожалѣю, отвѣчала ему Филія, что прежде сего не знала о сей вашей цѣлительной святости, я бы не отсылала моего кучера къ лѣкарю; ибо я вѣрно надѣюсь, что вы по учтивости вашей ко мнѣ прикосновеніемъ святыхъ своихъ губъ изцѣлить его не отреклися, а онъ очень болень почечуемъ. Французъ услыша неожидаемой сей отвѣтъ, сгорѣлъ со сты-

да, и не говоря болѣе ни слова, принужденъ былъ отъ нее отойти.

По отступленіи сего Француза, вознамѣрился я отвѣдать своего счастія, сдѣлать любовное предложеніе, подошедъ къ ней, говорилъ: смѣюль, сударыня, испросить у васъ позволеніе, возобновить Французову шутку! Я, сударь, не сомнѣваюсь, отвѣчала она мнѣ, чтобъ ваши шутки съ Французкими не имѣли великой разности. Я очень удивляюсь, говорилъ я ей, какъ можно кавалеру отважиться съ дамою вести такую непристойную шутку; однако вы на его святость такой сдѣлали отвѣтъ, какого лучше желать не можно, а я, сударыня, съ моей стороны, естьлибъ можно было мнѣ сдѣлаться симъ струникомъ, чтобъ никакъ не поселился на такомъ мѣстѣ, которое отъ прикосновенія губъ подвержено всегдашнему безпокойству, а выбралъ бы самое деликатнѣйшее, которое бъ такъ было мягко, какъ самая лучшая пуховая подушка, и отъ нѣжнаго дыханія всегда качалась какъ въ колыбелѣ, и было бы покрыто безъ всякаго подозрѣнія. Филія усмѣхнувшись, отвѣчала мнѣ: подлинно, вы избрали мѣсто лучше Французова; и ежелибъ я вѣрно

знала, что оное вамъ угодно, тобъ не отреклась на ономъ отвести вамъ квартиру, зная, что вы несравненно достойнѣе сего Француза: ибо я съ своей стороны давно искала случая оказать вамъ мои услуги. Потомъ пошли мы съ нею гулять по саду, и она мнѣ призналась, что давно уже была въ меня влюблена, и ежелибъ я не началъ съ нею говорить, то намѣрена была сама безъ всякаго стыда открыться мнѣ въ своей любви.

По прошествіи послѣ сего не малаго времяни, первая моя любовница Гевія съ мужемъ своимъ изъ деревни возвратилась, а потомъ и другая Маремиса, похороня своего отца, такъ же въ Геную пріѣхала, которыхъ я, по прежней ихъ ко мнѣ любви, посѣщеніемъ моимъ не оставлялъ, и оказывалъ имъ по возможности моей равное благодѣяніе, и всѣхъ увѣрялъ моею вѣрностію; да и онѣ всѣ три содержали меня въ великой любви, почему я и не могъ думать, чтобъ онѣ знали, что одинъ я у нихъ любовникъ.

Въ одно время случилось мнѣ быть со всѣми съ ними въ одной компаніи: и я очень удивился, какъ онѣ взявшись за руки, пошли въ особливой покой, и меня

туда же пригласили, и какъ мы находились только въ четырехъ персонахъ, то первая изъ нихъ Гевія начала мнѣ говорить: любезный Фердинальдъ, хотя и я знаю, что вы какъ не здѣшней житель, не можете вѣчно быть моимъ любовникомъ; однакожъ не должно было вамъ такъ быть нетерпѣливу и невѣрну, чтобъ недождавшись меня, влюбиться въ сію Маремису; но она такую же отъ васъ какъ и я получила невѣрность, ибо вы и ее недождавшись, влюбились еще въ Филію, и теперь имѣете у себя вдругъ трехъ любовницъ; хотя мы всѣ три содержимъ васъ въ нелицемѣрной любви, но знаемъ, что вамъ никакимъ образомъ всѣхъ насъ равно любить не можно, и для того мы по общему нашему согласію, безъ всякой зависти отдаемъ на вашу волю, чтобъ вы избрали изъ насъ для себя одну, которая вамъ угодна, и мы никакъ въ томъ другъ другу завидовать не будемъ.

Я слыша сіе, пришелъ въ удивленіе, что они сіе говорили съ великою пріятностію; и въ такое пришелъ замѣшательство, что не зналъ, какой дать имъ на сіе отвѣтъ, и которой сдѣлать преимущество: ибо онѣ всѣ были хороши, умны и кромѣ меня никого не любили;

почему и думалъ я, что конечно тѣмъ двумъ, которыхъ я оставлю, будетъ обидно. Наконецъ разсудилось мнѣ употребить слѣдующее средство; говорилъ имъ: любезные мои красавицы, ябъ желалъ и всѣхъ васъ любить; но когда вы сами между собою въ томъ утвердились, и положили выборъ на мою совѣсть, то я, чтобъ не сдѣлать одной предъ другою обиды, не нахожу инаго средства, какъ только, которая изъ васъ лучше и хитрѣе обманетъ своего мужа, той и я дамъ преимущество, и останется вѣрною моею любовницею. Онѣ всѣ на сіе предложеніе охотно согласились; но въ томъ еще сдѣлался споръ, которой изъ нихъ напередъ приняться за сіе искуство? и я на оное имъ сказалъ: Гевія первая меня полюбила, то она напередъ и должна начать сіе предпріятіе, а потомъ по порядку и другія. Утвердясь онѣ на ономъ моемъ предложеніи, и простясь со мною, разъѣхались по своимъ домамъ; и при томъ Гевія сказала: что она завтрашней же день приступитъ къ своему вымыслу, что она на другой день дѣйствительно и исполнила слѣдующимъ образомъ.

По утру мужъ ея поѣхавши для нѣкотораго дѣла со двора, сказалъ: что

ему ближе перваго часа домой быть не можно. Какъ скоро онь со двора съѣхалъ, то Гевія тотчасъ приказала своимъ людямъ въ нѣкоторыхъ первыхъ горницахъ, сверхъ имѣющихся обоевъ обить другими обоями, и наносить изъ погребу въ сѣни съ виномъ бочекъ, бутылокъ и шпофовъ съ разными напитками; поставила въ одной горницѣ биліаръ, и все сдѣлала такъ, какъ бываетъ въ трактирахъ: потомъ назвала премножество офицеровъ и разнаго званія незнакомыхъ мужу своему гостей, а сама одѣвшись, какъ ходятъ трактирщицы, приказала всѣмъ, что когда мужъ ея пріѣдетъ домой, тобъ не сказывали ему, что это его домъ, а увѣрили бы, что сей домъ нѣсколько уже лѣтъ состоитъ трактиромъ.

Самиръ, Гевіинъ мужъ, пріѣхавши въ первомъ часу пополудни домой, и вошедъ въ сѣни, увидя премножество бочекъ и прочаго, очень удивился: а какъ вошелъ въ покои, и видитъ въ оныхъ совсемъ другое убранство, и премножество разнаго званія незнакомыхъ ему людей, изъ которыхъ одни сидя за столомъ обѣдаютъ, другіе играютъ въ карты, а иныя въ биліаръ; въ такое пришелъ изумленіе, что не зналъ на что

подумать; вообразилось ему, что конечно онъ ошибся, и не въ ту заѣхалъ улицу; чего ради вышедъ за ворота разсматриваетъ сосѣдніе домы, и признавая свой домъ, не можетъ понять, для чего въ немъ дѣлаются такія чудеса. Вошедъ онъ опять въ середнюю горницу, закричалъ: жена, Гевія? на сей голосъ Гевія выбѣжавши изъ другой горницы, и притворясь, какъ ни мало ему незнакомая, говорила: чего, сударь, изволишь? Самиръ видя свою жену подобную трактирщицѣ, въ одномъ бострогѣ и въ Фартукѣ, говорилъ ей: что ты, Гевія, взбѣсилась, на что сдѣлала у себя въ домѣ трактиръ? Нѣтъ, сударь, отвѣчала она ему, развѣ вы не вскружились ли, что заѣхавъ въ незнакомой вамъ домъ, и кличете свою жену, которой здѣсь никогда не бывало, да еще и браниться начинаете; мнѣ кажется, вы худое имѣете зрѣніе, такъ извольте надѣть очки, и расмотрите хорошенько; здѣсь не иное что какъ трактиръ, и отворя въ другую горницу двери, указываетъ: видитель вы, что здѣсь господа офицеры кушаютъ, ежели и вамъ надобенъ обѣдъ, то извольте садиться, и что прикажете, все будетъ подано; буде же хотите играть въ биліаръ, ищите товарища, и

что вамъ угодно, то сей часъ прикажу подать; а невѣжничать и ругать меня не извольте. Самиръ разсердясь на свою жену, закричалъ: что ты, бесстія, вздумала меня обманывать, и отпираешся, что ты не моя жена; скажи пожалуй, какъ ты осмѣлилась сдѣлать въ моемъ домѣ трактиръ.

На сей ихъ шумъ, бывшіе офицеры вставъ изъ за стола, къ нимъ прибѣжали, которымъ Гевія съ притворными слезами говорила: умилосердитесь, господа офицеры, обороните меня отъ сего нечестиваго и сумозброднаго человѣка, которой не знаю откуда зашелъ въ мой домъ, называетъ своимъ; а меня женою, и притомъ бранитъ и ругаетъ, а вы сами нѣсколько уже лѣтъ меня знаете, что я вдова, и пятой годъ, какъ содержу сей трактиръ. Офицеры приступя къ Самиру, и смѣясь надъ нимъ, увѣряютъ его, что онъ или заблудился, или сошелъ съ ума, что чужой домъ называетъ своимъ, и трактирщицу женою. Самиръ отвѣтствуетъ имъ: государи мои, напрасно вы вздумали меня дурачить, и хотите увѣрить, что это трактиръ, я еще въ цѣлой памяти, и вѣрно знаю, что въ здѣшней улицѣ никогда

трактира не бывало, и всего смѣшнѣе, можноль мнѣ обмануться, и не узнать своей жены? Офицеры больше ему смѣются, и увѣряютъ, что конечно онъ отъ забвенія не въ ту улицу заѣхалъ; а сія трактирщица можетъ быть на твою жену похожа? и притомъ спрашивали его: давноль онъ изъ своего дома выѣхалъ? Самиръ отвѣчалъ имъ: сего дня по утру.

Ну, вотъ, господа офицеры, говорила Гевія, не правда ли, что сей человѣкъ сумасшедшей, и не бѣшеной ли онъ говоритъ; какъ можно женѣ его въ такое коротное время переминить въ его домѣ обои и прочіе уборы, и сдѣлать изъ его дома трактиръ?

Самиръ такъ разсердился на свою жену, что замахнувшись, хотѣлъ ее ударить въ щоку; но она отвернувшись отъ него, кликнула бывшихъ въ трактирѣ пьяныхъ, и велѣла мужа своего бить, которые прибѣжавъ разбили бѣдному Самиру носъ и губы до крови, и подбивши ему глаза, столкали со двора долой и ворота заперли.

Самиръ видѣвши надъ собою отъ своей жены такое ругательство, поѣхалъ къ ея сродникамъ жаловаться и просить

ихъ, чтобъ они для вѣрности поѣхали къ нему въ домъ, и своими бы глазами освидѣтельствовали непотребные ея поступки. Сродники Гевіины, видя его въ великихъ слезахъ и всего разбитаго, пришли въ великое сожалѣніе, и согласились съ нимъ ѣхать.

Между тѣмъ временемъ, какъ Самиръ собиралъ женниныхъ родственниковъ, Гевія тотчасъ приказала изъ дому своего биліяръ и всѣ бочки и бутылки выносить вонъ, и опять убрать по прежнему; офицеры же и прочіе бывшіе гости, будучи удовольствованы, разошлись по своимъ домамъ; а она нарядясь въ обыкновенное свое платье, сѣла подъ окномъ, и дожидалась своего мужа, которой въ скоромъ времяни со всѣми ближними ея сродниками и пріѣхалъ. Увидѣвши она ихъ, бѣжитъ въ сѣни, встрѣчаетъ съ великою радостію; и видя своего мужа разбитаго, бросившись къ нему на шею, вскричала: ахъ! мой батюшка, гдѣ это ты такъ уходился; родственники же ея вошедъ въ покои, и видя все въ надлежащемъ порядкѣ, удивляются, и никакъ не думаютъ, чтобъ въ такое короткое время когда сдѣлаться въ домѣ его такая перемѣна, и раз-

сказываютъ Гевіи обо всемъ, что они слышали отъ ея мужа, и признаютъ совершенно, что онъ ее тѣмъ поклепалъ.

Гевія слышавши сіе отъ своихъ родственниковъ, говорила имъ: можетель вы теперь увѣриться объ худой моей жизни, съ такимъ безпутнымъ и непотребнымъ мужемъ; ибо я не первой уже разъ претерпѣваю отъ него такія ругательства; онъ былъ гдѣ нибудь въ не потребномъ домѣ, и оборотясь къ мужу, говорила: непотребной безчинникъ и ругатель моей чести, долголь тебѣ такъ пьянствовать, и меня честнаго отца дочь поносить безвинно такими ругательными дѣлами; съ сего времяни я ни подъ какимъ видомъ жить съ тобою не хочу; вы, любезные родственники, сами свидѣтели всему его безпутству, вступитесь за честь мою, и избавьте меня отъ сего безпутнаго мужа. Родственники Гевіины видя ея правость, стали на Самира кричать и бранить, для чего онъ осмѣлился честную свою жену такъ поносить, и при томъ говорили ему, что они неотмѣнно будутъ просить, чтобъ его съ женою развести.

Бѣдной Самиръ не зналъ, что дѣлать и самъ уже себѣ не вѣритъ; принуждень

былъ признаться, что онъ ошибся, и вмѣсто своего дома заѣхалъ въ трактиръ, и ставши предъ женою на колѣна, просилъ прощенія, признавая во всемъ себя виновнымъ; обѣщается съ клятвою впередъ ее любить и почитать больше прежняго. Но Гевія никакъ не хотѣла на то согласиться; однакожъ наконецъ по многой прозьбѣ своихъ родственниковъ, взявъ съ него клятвенное обѣщаніе, что ему впредь ни въ чемъ ея не подозрѣвать, съ нимъ помирилась; и Самиръ за счастіе себѣ почиталъ, что могъ у разгнѣванной имъ своей жены испросить прощеніе.

Я слышавши объ ономъ Гевіиномъ обманѣ, говорилъ Фердинальдъ Милорду, очень дивился, и нетерпѣливо ожидалъ, что сдѣлаетъ съ своимъ мужемъ другая моя любовница Маремиса, которая дѣйствительно на другой день и начала играть свою ролю такимъ образомъ.

Какъ я уже упомянулъ, что Маремисинъ мужъ былъ въ коллегіи судьею, почему и принужденъ онъ былъ всякой день въ оную ѣздить; и какъ въ слѣдующій день выѣхалъ изъ своего дома очень рано, то Маремиса приказала всѣ покои

обить чернымъ сукномъ, и на лакѣевъ надѣла черную ливрею, и приказала всѣмъ своимъ домашнимъ, чтобъ они, когда мужъ ея пріѣдетъ домой, принимали его какъ постороннаго, не показывая ему ни малаго вида, что онъ сего дома хозяинъ; а сама одѣвшись въ траурное платье, сѣла подъ окошкомъ.

Юрій (имя ея мужа), выѣхавши изъ коллегіи во второмъ часу по полудни, пріѣхавъ домой, и видя на дворѣ своихъ лакѣевъ въ черной ливреѣ, очень удивился, и не могъ понять, какая бы женѣ его, въ такое короткое время, могла приключиться печаль, и какимъ образомъ успѣла она такъ скоро и не сказавши ему, сдѣлать черную ливрею; чего ради подозвавши онъ къ себѣ одного лакѣя, спрашиваетъ: дома ли жена? какую вы жену изволите спрашивать, отвѣчалъ ему лакѣй? Юрій разсердясь, говорилъ: какъ, какую жену, мою Маремису? Лакѣй отвѣчалъ ему: я, сударь, не только вашей жены не знаю, но и васъ въ первой разъ имѣю честь видѣть. Юрій зная, что сей человѣкъ подлинно его, и зовутъ Яганомъ, закричалъ на него съ великимъ сердцемъ, что ты, бестія, взбѣсился, какъ ты господина своего, которой тебя спраши-

ваетъ о своей женѣ, не знаешь? Я сударь, очень госпожу свою знаю, отвѣчалъ лакѣй, и помню милость покойнаго моего господина Ацендера, котораго мы съ великимъ сожалѣніемъ вчерашній день землѣ предали, а васъ до сего часа и въ глаза не видывалъ. Юрій такъ разсердился, что ударивши Ягана въ щоку, сказалъ: какъ ты, каналья, осмѣлился меня дурачить? Лакей получивши пощечину, побѣжалъ къ своей госпожѣ. Юрій между тѣмъ и самъ вошелъ въ палаты, и видя оные въ глубокомъ траурѣ, пришелъ въ чрезмѣрное удивленіе, а вошедъ въ другую горницу, видитъ жену свою идущую къ нему на встрѣчу въ черномъ платьѣ, погруженную въ великой печали, и съ ліющимися изъ глазъ ея слезами, такъ что отъ великой горести едва могла на ногахъ стоять, и для того одною рукою подпиралась клюшкою, а по другую держала ее дѣвка въ черномъ платьѣ; увидѣвши она своего мужа, говорила ему слабымъ голосомъ.

Я, сударь, не имѣю чести васъ знать, но не могу надивиться вашей наглости, потому, что я при теперешней моей несносной печали, лишившись любезнаго

моего мужа, не успѣла еще отереть горчайшія мои слезы, а уже и начинаю чувствовать такія обиды? ежели вы имѣете до меня какое дѣло, тобъ вамъ не съ такою наглостію въ домъ мой пріѣхать надлежало, и безъ всякаго резона бранить и бить людей моихъ, чего я думаю ни одинъ честной человѣкъ сдѣлать не можетъ.

Юрій слыша сіе, и нѣсколько задумавшись, отвѣчалъ: что вы, сударыня, конечно хотите меня сдѣлать такимъ дуракомъ, чтобъ я не вѣрилъ тому, что мои глаза видятъ и уши слышатъ; я еще съ ума не сошелъ? скажите вы мнѣ, для чего вы представляете мой домъ печальнымъ, отпираетесь, что вы не моя жена, и хотите увѣрить, что я умеръ; нѣтъ, я совершенно еще живъ, и ясно вижу, что ты сущая моя жена, Маремиса, а убилъ я своего лакѣя Ягана за то, что и онъ такъ же спалъ отъ меня отпираться. Пожалуй скажи мнѣ, Маремиса, что такое у тебя дѣлается?

Маремиса глядѣвъ на него, и сквозь притворныя слезы усмѣхнувшись, говорила: не прогнѣвайтесь, государь мой. я еще отъ роду такого безумнаго и смѣшнаго человѣка, какъ вы не видывала, п-

тому, что увидѣвши меня въ первой еще разъ, и въ такой несносной печали, вздумали надо мною шутить и называть своею женою, и принудили меня своимъ дурачествомъ сквозь горчайшіе мои слезы смѣяться. Нѣтъ! это не смѣхъ, говорилъ Юрій. Да что-жъ еще можетъ быть смѣшнѣе и глупѣе, отвѣчала ему жена: заѣхавши вмѣсто своего въ чужой домъ, и вклепавшись въ моего человѣка, его убилъ; да и тѣмъ еще не удовольствовавшись, осмѣливаешся меня называть своею женою, чему никакъ быть не можно, ибо мнѣ и во снѣ не снилось, не только наяву, чтобъ ты былъ моимъ мужемъ; я еще съ ума не сошла такъ, какъ ты; но себя помню и знаю, что я имѣла у себя любезнаго супруга Аѳендера, котораго по несчастію моему лишась вчерашней только день предала погребенію, а сего дня уже принуждена терпѣть отъ васъ такую обиду? Итакъ, сударь, ежели вы честно изъ моего дома не выѣдете, то я принуждена буду приказать моимъ людямъ проводить васъ за ворота неволею, а за учиненную мнѣ отъ васъ обиду, буду просить, гдѣ надлежитъ, надлежащаго удовлетворенія.

Юрій видя себя отъ своей жены въ такомъ дурачествѣ, не смѣлъ больше

спорить, а разсудилъ лучше ѣхать къ ея матери и сродникамъ жаловаться, чтобъ они ея уняли, и выѣхавши съ своего двора, для вѣрности, что онъ въ своемъ домѣ былъ, подписалъ на стѣнѣ карандашомъ. Пріѣхавъ же къ Маремисиной матери, разсказалъ ей все случившееся съ нимъ приключеніе, и просилъ со слезами, чтобъ она ее отъ такихъ безпутныхъ дѣлъ уняла. Мать Маремисина, слыша отъ зятя своего такую жалобу, очень на свою дочь резсердилась, и тотчасъ приказала заложить карету, и послала по нѣкоторыхъ ближнихъ своихъ сродниковъ, чтобъ вмѣстѣ съ ними ѣхать въ домъ своего зятя, и дочь свою за такія безпутныя дѣла наказать.

Маремиса же, какъ мужъ ея съѣхавши съ двора, на палатахъ подписывалъ, видѣла, и велѣла тотчасъ оное стереть, а суконныя обои изъ покоевъ выносить, и лакѣямъ черную ливрею скинуть; а сама убравшись по прежнему въ другое платье, приказала ставить кушанье, и сѣла обѣдать, а между тѣмъ времянемъ и мужъ ея съ матерью и сродниками пріѣхали.

Маремиса тотчасъ вскочила изъ за стола, выбѣжала къ нимъ на встрѣчу,

и принимая съ радостнымъ видомъ, удивляясися нечаянному ихъ пріѣзду, а къ мужу оборотясь, говорила: умилосердись, баюшка, ты меня уморилъ съ голоду, что это у тебя за обычай: самъ заѣдешь въ гости обѣдать, а ко мнѣ и сказать не пришлешь, и я до третьяго часа по полудни все тебя дожидалась, и не обѣдала.

Матъ Маремисина видя свою дочь и домъ зятнинъ въ надлежащемъ порядкѣ, не знаетъ, на что подумать, и разсказываетъ ей про жалобу ея мужа. Маремиса выслушавши сіе, говорила: умилосердитесь матушка, и вы любезные родственники, что это за чудеса я отъ васъ слышу! Я не могу вѣрить, чтобъ мужъ мой, которой меня очень любитъ, могъ вамъ на меня сказывать такую небылицу; да и мнѣ свойственно ли, по нелицемѣрной моей къ нему любви и честной его старости, дѣлать надъ нимъ такую непристойную шутку, и можетъ ли статься, чтобъ въ такое короткое время могло сдѣлаться такое невѣроятное приключеніе? Что тебѣ, мой другъ, сдѣлалось, говорила она мужу: я никогда не могла и помыслить, чтобъ ты, по своей горячей ко мнѣ любви могъ на меня затѣять такую неправду.

Юрій, сими женнинымі словами приведенъ былъ въ сомнительное замѣшательство, не зналъ, что ей отвѣчать, и самъ себѣ не вѣритъ, что съ нимъ такое сдѣлалось. Потомъ призвавъ онъ своего лакѣя Ягана, говорилъ: мнѣ помнится, что я тебя давича ударилъ по щекѣ? Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ Яганъ, не только что вы меня не изволили бить; но я сего дня до сего времени еще васъ и не видалъ, потому, что супруга ваша изволила меня посылать искать васъ, и я былъ въ коллегіи, ѣздилъ по всѣмъ вашимъ пріятелямъ; но ни гдѣ васъ найти не могъ, и только передъ вашимъ пріѣздомъ на дворъ въѣхалъ. Юрій не увѣрясь тому, пошелъ за ворота смотрѣть на палатахъ того мѣста, гдѣ онъ подписалъ карандашемъ; но какъ и онаго не нашелъ, то принужденъ былъ думать, что ѣдучи изъ коллегіи домой, въ каретѣ задремалъ, и все сіе видѣлъ во снѣ. А жена его и мать съ сродниками, увѣряли его, что у него въ головѣ отъ мыслей сдѣлалось помѣшательство: и для того послали за лѣкаремъ, и пустили ему изъ обѣихъ рукъ столько крови, что онъ пришедъ въ обморокъ, упалъ со стула. Маремиса же не могши удержаться отъ смѣха, выбѣжала ко мнѣ въ другую

горницу, въ которой я потаенно находился; надсѣдалась со смѣху; а я благодаря ее за сію выдумку, возвратился домой.

На третій день дошла очередь обманывать своего мужа Филіи, третьей моей любовницѣ; но ей труднѣе всѣхъ было исполнить свое намѣреніе, потому, что мужъ ея тогда былъ боленъ подагрою, и никуда съ двора не выѣзжалъ. Но чего не выдумаетъ хитрая женщина? выпросивши она у лѣкаря соннаго опіумъ, напоила онымъ своего мужа; и какъ онъ отъ того чрезмѣрно крѣпко заснулъ, то она призвавъ къ себѣ стоящаго въ крѣпости на караулѣ гарнизоннаго офицера, и обольстя его великими подарками, просила, чтобъ онъ приказалъ на соннаго ея мужа надѣть солдатское платье, и отнесть его въ крѣпость, въ солдатскую караульню; а когда онъ проспится, тобъ его увѣряли, что онъ солдатъ, а не кугецъ; и поступали бы съ нимъ, какъ надлежитъ съ настоящимъ солдатомъ. Офицеръ прельстясь на ея подарки, дѣйствительно то исполнилъ, и взявъ ея мужа, приказалъ солдатамъ отнесть въ караульню, и какъ придетъ время смѣняться часовымъ, тобъ его послали на кара-

улъ съ прочими солдатами, не смотря ни на какія его отговорки. Итакъ чрезъ нѣсколько часовъ пришелъ капралъ къ Ферилу, (имя Филіина мужа) и сталъ его бить; но какъ онъ отъ крѣпкаго сна не очень скоро пробудился, то капралъ по обыкновенной солдатской регулѣ, ударивши его палкою, говорилъ: вставай, пора на часы итти! Ферилъ почувствовавши капральской ударъ, открылъ отъ сна свои глаза, и видя себя въ караульнѣ и въ солдатскомъ мундирѣ, несказанно удивился; а капралъ пристаетъ къ нему, и велитъ поскорѣй на часы итти, говоря ему, что онъ итакъ уже отъ пьянства одни свои часы проспалъ. Ферилъ съ удивленіемъ отвѣчалъ капралу, что онъ не солдатъ, а купецъ; и какъ здѣсь очутился, не знаетъ; но капралъ исполняя свою должность и офицерской приказъ, не слушая его словъ, кричитъ на него, и бьетъ безъ милости палкою, принуждая брать ружье и итти на караулъ, и говоритъ ему: что ты, Ферилъ, взбѣсился, конечно тебѣ съ пьяну что нибудь во снѣ привидѣлось; ты никогда купцомъ не бывалъ, но нѣсколько уже лѣтъ служишь со мною въ одной ротѣ.

Бѣдной Ферилъ не понималъ, что такое съ нимъ дѣлается, принужденъ

былъ забыть свою подагру, и боясь еще капральскихъ побоевъ, взявъ ружье, пошелъ на часы: а отстоявъ оные, проситъ офицера, чтобъ объявилъ ему, какимъ образомъ сдѣлали его солдатомъ? Офицеръ смѣясь, говорилъ: конечно тебѣ во снѣ видѣлось, что ты купецъ, и показываетъ ему списокъ, въ которомъ имя его написано. Ферилъ сталъ было еще доказывать свою правость; но офицеръ приказалъ капралу бить его палкою, чтобъ онъ больше пустова не вралъ, а исправлялъ бы свою должность.

По прошествіи надлежащаго времяни, офицеръ сей со всею командою изъ крѣпости съ караула смѣнился, и Фериля, какъ настоящаго солдата, поставили съ прочими на квартиру, и никуда его пускать не приказано. Итакъ бѣдной Ферилъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, видя, что состояніе его не перемѣняется, принужденъ былъ и самъ думать, что онъ дѣйствительно солдатъ; а что былъ купцомъ, и имѣлъ у себя домъ и жену Филію, то почиталъ уже за сновидѣніе: такимъ образомъ находился онъ цѣлыя три недѣли въ дѣйствительной солдатской службѣ, и сдѣлавши привычку, началъ прежнее свое состояніе позабывать.

Филія видя, что мужъ ея дѣйствительно остался въ томъ мнѣніи, что онъ солдатъ, а не купецъ, сжалившись надъ нимъ, призвала опять къ себѣ того же офицера и давъ ему соннаго опіумъ, приказала онымъ напоить Фериля; и какъ онъ заснетъ, то снявши съ него солдатское платье, принесть соннаго домой, и положила его на постелю, а потомъ и сама раздѣвшись, легла подлѣ него.

По нѣсколькихъ часахъ Фериль проснувшись, воображая себѣ солдатскую должность, вскочилъ съ постели, и говоритъ: ахъ! братцы, гдѣ я, дѣйте мнѣ поскорѣй мой мундиръ, пора мнѣ на часы итти. Филія ухватя его, говорила: ахъ! батюшка, опомнись, на какіе тебѣ часы итти. Фериль хотя и признаетъ свою жену и домъ свой, но ни чему не вѣритъ, а только думаетъ, что онъ солдатъ и для того говоритъ ей: поди отъ меня прочь, что ты за пахабная женщина, и какимъ способомъ меня къ себѣ заманила.

Умилосердись, батюшка, отвѣчала Филія, что тебѣ сдѣлалось? опомнись, вить я твоя любезная жена Филія; осмотрись и признай, что это твой домъ:

скажи пожалуй, развѣ тебѣ что во снѣ привидѣлось? Поди отъ меня прочь, безстыдная женщина, говорилъ Фериль: какой у меня домъ, какая у меня жена? я солдатъ, ни дома, ни жены у себя не имѣю, и гдѣ теперь нахожусь, не знаю, а только думаю и боюсь, что я часы свои проспалъ, и отъ капрала немилостиво битъ буду. Пожалуй, мой другъ, опомнись, какой ты солдатъ, ты отъ роду солдатомъ не бывалъ. Фериль смотря на свою жену и видя свой домъ, началъ думать, что вѣрно ему видѣлось во снѣ, что онъ былъ солдатомъ; и одѣвшись, ходилъ для вѣроятности съ своею женою по всѣмъ покоямъ, по двору и по саду, и увѣрившись, что онъ находится въ своемъ домѣ, разсказывалъ женѣ странное свое сновидѣніе; а она слушая, внутренно смѣялась, и вышедъ ко мнѣ въ другую горницу, въ которой я также тайно находился, разсказывала мнѣ мужинино дурачество; чему и я не мало смѣялся, и благодаря ее за разумную выдумку, обѣщался ей дать передъ другими преимущество.

Послѣ сего случилось мнѣ опять всѣхъ ихъ вмѣстѣ увидѣть. Я, оказавъ имъ всѣмъ надлежащую учтивость, про-

силъ, чтобъ онѣ на меня не сердились, что я за разумную выдумку даю преимущество Филіи, и обязуюсь одной ей быть вѣрнымъ любовникомъ. Гевія и Маремиса безъ всякаго огорченія на сіе согласились, а впрочемъ обѣщались быть мнѣ всегдашними друзьями. Итакъ я послѣ сего съ любезною Филіею продолжалъ мою любовь болѣе полугода; а потомъ по присланному отъ моего Короля указу, велѣно мнѣ возвратиться въ свое отечество. При отъѣздѣ моемъ оныя три госпожи провожали меня, какъ искренняго пріятеля, съ великими слезами.

Вотъ, любезный Милордъ, какъ хитры и лукавы женщины, и какъ искусно умѣютъ они притворяться; по сему можете вы судить и о нашей Королевѣ. Мнѣ и самому кажется невѣроятно, чтобъ она натуральное отъ мужескаго пола имѣла отвращеніе, а что вы желаете видѣть прелестное ея лице, то я по обязанной съ вами дружеской любви, другаго способа найти не могу, какъ только, что когда Королева будетъ на оперѣ, то въ то время я могу васъ привесть въ ея спальню, и вы можете скрыться въ потаенномъ мѣстѣ; и какъ Королева придетъ изъ оперы, и станетъ

раздѣваться, то вамъ можно будетъ разсмотрѣть красоту лица ея; а послѣ, когда она ляжетъ въ постелю и започиваетъ, то можете вы тихонько оттуда выйти; и буде вы на сіе согласитесь, то надобно оное дѣлать съ великою осторожностію, для того, что ежели какимъ ни есть образомъ сіе откроется, то мы оба можемъ лишиться жизни. Милордъ столь былъ страстенъ и нетерпѣливъ, что на все отважился, и говорилъ Фердинальду: ахъ! любезный другъ, возможноль статься, чтобъ я не сохранилъ при семъ случаѣ всевозможной осторожности! Изрядно, сказалъ Фердинальдъ, извольтежъ завтра пріѣзжать ко мнѣ; я непремѣнно свое обѣщаніе исполню.

На другой день послѣ обѣда, Милордъ пріѣхавъ къ Фердинальду, вмѣстѣ съ нимъ поѣхали въ оперу, въ которой была и Королева; побывъ они тутъ немного, Фердинальдъ взявъ Милорда, проводилъ въ королевину спальню, въ которой между прочими драгоцѣнными уборами стояла бархатная съ золотымъ галуномъ и кистями кровать, и на одной спѣнѣ между двухъ окошекъ превеликое зеркало, а подлѣ онаго уборной коро-

винъ столикъ; на другой же стѣнѣ стоялъ ея портретъ, на которой Милордъ такъ засмотрѣлся, что не хотѣлъ отойти прочь; но Фердинальдъ посмотря на часы, говорилъ ему: ну, любезный другъ, время тебѣ скрыться, ибо Королева обыкновенно въ девятомъ часу изъ оперы возвращается, и для того я пойду опять въ оперу за тѣмъ, что неотмѣнно надобно ея величество до самой спальни провожать; а какъ я выйду изъ спальни, то буду васъ въ другой горницѣ за дверми дожидаться; и оставя его, пошелъ въ оперу; а Милордъ убрался подъ кровать; чрезъ полчаса пришла Королева въ спальню, которую Фердинальдъ какъ дежурной камергеръ, проводя, вышелъ вонъ, и и сталъ за дверьми; а съ королевою въ спальни осталась одна только любезная ея Гофмейстирина Луиза (сестра Фердинальдова), которая у Королевы была въ великой милости; и одна только она должна была ее раздѣвать, и до тѣхъ поръ сидѣть подлѣ кровати, пока она започиваетъ. Королева снявъ съ себя маску, сѣла за уборной столикъ, и стала раздѣваться; и хотя она сидѣла къ Милорду спиною, но ему изъ подъ кровати въ стоящее противъ ея зеркало все было видно. Разобравши она съ головы бри-

ліянты, и снявши съ себя все платье, надѣла другую бѣлую и не крахмаленую сорочку.

Такимъ способомъ Милордъ лежа подъ кроватью, и приподнявъ подзоръ, не только прекрасное ея лице, но и все тѣло могъ видѣть; потомъ королева легла на кровать, и до тѣхъ поръ съ Луизою разговаривала, пока заснула. А Луиза видя, что она започивала, вставъ тихонько, пошла въ опредѣленной покой; по выходѣ ея Фординальдъ, стоя за дверьми, дожидался Милорда, которой хотя и съ великою осторожностію изъ подъ кровати вышелъ; но вмѣсто того, чтобъ поскорѣй итти изъ спальни вонъ, подошелъ онъ къ кровати, и открывъ занавѣсъ, отважился три раза Королеву очень тихо поцѣловать. Фординальдъ отворя не много двери, и видя Милордово дерзновеніе, манилъ его рукою, чтобъ онъ какъ можно скорѣе шелъ вонъ; но Милордъ будучи въ любовномъ жару, не только того не видалъ, но еще стоя предъ нею разсматривалъ всѣ ея прелести. Видѣвши сіе Фординальдъ, трепеталъ отъ страха, и тысячу разъ раскаявался, что допустилъ его до сего случая, чего ради принужденъ былъ войти

тихонько въ спальню, и взявъ его за руку, вывелъ вонъ. Узнавши Милордъ безразсудное свое дерзновеніе, сталъ предъ Фердинальдомъ на колѣна, и просилъ въ своей неосторожности прощенія, извиняясь, что онъ сіе сдѣлалъ отъ непреодолимой любовной страсти. Фердинальдъ, сдѣлавъ ему нѣсколько чувствительныхъ выговоровъ, совѣтовалъ, чтобъ онъ впредь былъ осторожнѣе; и вышедъ изъ дворца, поѣхали домой. Королева же сквозь тонкой сонъ хотя и слышала, какъ Милордъ ее цѣловалъ, но думала, что сіе видѣлось ей во снѣ, чего ради и не хотѣла никому, кромѣ любезной своей Гоф-мейстерины, о томъ сказывать. И какъ по утру Луиза по должности своей вошла въ спальню, и видя Королеву лежащую на постелѣ въ великомъ размышленіи, и играющей на бѣлѣйшемъ ея лицѣ румянецъ, говорила: ваше величество, что такъ долго изволите почивать, притомъ же мнѣ кажется, какъ бы теперь находитесь въ нѣкоторомъ сомнѣніи. Ахъ! любезная Луиза, сказала Королева, я видѣла нынѣшнею ночью такой страшной сонъ, котораго и разсудить не могу: мнѣ видѣлось, будто вошелъ въ мою спальню недавно пріѣхавшій къ моему двору Англинской Милордъ,

и открывъ у моей кровати занавѣсъ, три раза меня поцѣловалъ; и я не знаю, для чего теперь чувствую въ моемъ сердцѣ великую перемѣну. Ваше величество, говорила Луиза, да о чемъ же объ этомъ вамъ безпокоиться; я этаго Милорда третьяго дня видѣла, и мнѣ онъ такъ хорошъ показался, что изъ мущинъ можно его назвать красавцемъ: такъ на чтожъ этотъ сонь почитать за худой, когда такой хорошей кавалеръ поцѣловалъ; я бы и сама охотно съ нимъ поцѣловалась. Что ты вздурилась, говорила Королева, что мнѣ нужды въ хорошей его рожѣ, ты знаешь, что я и говорить съ мущинами безъ нужды не хочу, не только думать о поцѣлуяхъ и любовныхъ дѣлахъ. Ваше величество, отвѣчала Луиза, я по вашей ко мнѣ милости, осмѣлилась вести одну только шутку, а то вѣрно знаю, что въ настоящемъ дѣлѣ никакъ тому быть не можно. Да я и сама знаю, говорила Королева, что этому нельзя статься, да только я отъ сего сна очень напугалась. Потомъ вставъ съ постели, стала одѣваться.

Послѣ сего чрезъ нѣсколько дней, случилось Милорду быть вмѣстѣ съ Гофмейстериною и съ ея братомъ Фердиналь-

домъ въ одномъ домѣ въ гостяхъ, гдѣ Фердинальдъ по прозбѣ Милордовой объявя Луизѣ о любовной страсти, просилъ ее, чтобъ она по возможности своей постаралась рекомендовать его къ Королевѣ въ милость. Луиза зная, что Королева къ мущинамъ великую имѣетъ привязанность, долго отговаривалась; наконецъ видя неотступную брата своего прозьбу, на то согласилась, и обѣщала всевозможные употребить къ тому способы. Слыша Милордъ Луизино обѣщаніе, сталъ предъ нею на колѣна, хотѣлъ еще повторить сію прозьбу, но она подпявъ его, сказала: пожалуйте извольте всшать, и будьте увѣрены, что я для прозьбы брата моего, сколько мнѣ возможно, стараться буду; притомъ же объявлю вамъ, что я отъ нее объ васъ слышала, то кажется и надежда къ тому есть.

По сему обѣщанію, въ слѣдующую ночь Луиза сѣвши подлѣ королевиной кровати, разговаривала сперва о разныхъ матеріяхъ, а потомъ, какъ будто въ смѣхъ, зачала королевѣ говорить: что, ваше величество, какъ вы нынѣ изволите обходиться съ своимъ любовникомъ, котораго во снѣ видѣли? Это худая шутка, отвѣчала Королева; я не знаю, что

такое послѣ сего сна со мною сдѣлалось, по тому, что я нынѣ объ мужескомъ полѣ совсѣмъ другое имѣю мнѣніе, и не знаю какъ себя преодолѣть. Не прогнѣвайтесь на меня, ваше величество, сказала Луиза, я, надѣясь на вашу милость, осмѣлюсь доложить: какая вамъ нужда мучиться противъ своего желанія, и преодолѣвать натуральную страсть; не лучшель бы было имѣть вамъ достойнаго супруга, а намъ государя; похвально ли ваше намѣреніе, что вы противъ всѣхъ естественныхъ, божескихъ и гражданскихъ правъ и законовъ, вознамѣрились ни за кого не выходить замужъ, и чрезъ то всѣхъ своихъ подданныхъ приводите въ крайнюю печаль, и лишаете надежды имѣть Гишпанской коронѣ законныхъ наслѣдниковъ; а когда бы вы имѣли достойнаго супруга, съ которымъ бы общее прилагали попеченіе въ правленіи государственныхъ дѣлъ, а особливо во время войны, гдѣ самъ государь присудствуетъ, тутъ большіе въ побѣдахъ бываютъ успѣхи, и съ какою бы неописанною радостію всѣ ваши подданные ожидали отъ васъ законныхъ наслѣдниковъ. При семъ словѣ Луиза разсмѣявшись, сказала: да и на постелѣ по вашему величеству самъ-другъ опочивать

было бы веселѣе, нежели одной, а мнѣ бы у васъ уже и быть не для чего.

Королева разсмѣявшись, сказала: да пожалуй скажи мнѣ хорошаго жениха? Ваше величество, говорила Луиза: вы все изволите отходить только смѣхомъ, а я вѣрно знаю, что въ сердцѣ своемъ, будучи въ такихъ зрѣлыхъ лѣтахъ, любовный жаръ чувствуете. Это правда, мой другъ, отвѣчала Королева, я уже теперь и сама признаюсь, что сіе есть дѣло необходимое, и ежелибъ могъ сыскаться достойной женихъ, любь я конечно выйти за мужъ согласилася. Да на что вашему величеству, говорила Луиза, лучше искать жениха, какь Англинской-то Милордъ; онъ истинно какъ красотою, такъ разумомъ и науками многихъ превосходитъ.

Нѣтъ, сказала Королева: этому быть не можно, чтобъ я такимъ замужствомъ себя обезславила: ты сама разсудить можешь, приспойно ли Королевской дочери выйти за мужъ за Милорда, но развѣ за Короля, или за Принца королевской крови; а ежели такого не сыщется, то я вѣчно за мужъ не пойду. Это вашего величества мнѣніе несправе-

дливо, говорила Луиза, потому, что ни какой король не согласится, чтобъ оставя свое королевство, на васъ жениться и жить съ вами въ Гишпаніи; а ежели вамъ выттти замужъ и ѣхать въ другое государство, то подданнымъ вашимъ какое отъ того будетъ удовольствіе; ибо всякой народъ желаетъ имѣть природнаго государя, а что изволите упоминать о принцѣ, то какое онъ можетъ имѣть предъ Милордомъ преимущество; вамъ о его чести разсуждать нечего, ибо вы не по немъ будете Гишпанскою Королевою, но онъ по васъ будетъ называться королемъ Гишпанскимъ, только бы одаренъ былъ разумомъ и достоинствами, и способенъ бы былъ къ государственному правленію; а сей Англинской Милордъ такимъ одаренъ отъ боговъ разумомъ и всѣми добродѣтелями, что лучше его сыскать не можно; за что отъ своего Короля, не будучи еще ни въ какой службѣ, пожалованъ прямо въ генералъ-адъютанты, а собою такъ хорошъ, что я изъ мущинъ подобнаго ему не видывала; его же и всѣ вашего величества министры такъ любятъ, что ни одинъ еще чужеспранной человѣкъ, при дворѣ вашемъ въ такой чести и почтеніи не былъ; и толькобъ вашему величеству

было угодно, а то безъ сомнѣнія можно сказать, что всѣ ваши вѣрноподданые такого любезнаго жениха, съ великою радостію и съ разпростертыми руками принять не отрекутся. На сіи Луизины слова Королева разсмѣявшись, сказала: ужъ ты меня своими разсказами усыпила, и оборотясь на другую сторону започивала; а Луиза вышедъ изъ спальни, пошла въ свои покои, и вставши по утру, послала своего лакѣя къ Милорду, просить его къ себѣ. Милордъ тотчасъ одѣвшись, къ ней пріѣхалъ, и она ему разсказывала, какъ прошедшею ночью съ Королевою разговаривала, и представляла ей его въ женихи; на что хотя никакого отъ нее отвѣта и не получила: однакожъ при напоминаніи вашего имени она очень казалась весела; и надѣюсь, что, хотя не скоро, однако къ замужству ея склонить можно.

Милордъ благодаря Луизу, просилъ ее не можетъ ли она сыскать способовъ, чтобъ можно было ему видѣть Королеву безъ маски, и удостоиться съ нею говорить? Не знаю, сказала Луиза, какой бы сыскать къ тому случай, по тому, что она ни къ кому кушать не ѣздитъ, и маски никогда, кромѣ того, какъ ку-

шаетъ, не снимаетъ; однако я во удовольствіе ваше, выдумала слѣдующее средство: есть у насъ загородной конфискованной, одного несчастливаго здѣшняго адмирала, преудивительной Архитектуры домъ; и такого богатства и украшенія, что никто за оцѣненную его великую цѣну купить не можетъ; Королева давно уже желаетъ его видѣть, и намѣрена когда нибудь ѣхать туда прогуливаться, и естьлибь онъ не въ такой великой суммѣ былъ описанъ, тобъ вы могли его выкупить, и хотя на время меня онымъ подарить; я бы въ надеждѣ Королевиной ко мнѣ милости, позвала ее къ себѣ въ тотъ домъ откушать, и можетъ быть изпросила бы у ней позволенія и вамъ тутъ же присудствовать, гдѣ конечно могли бы вы ее увидѣть безъ маски, и удостоиться съ нею говорить. А въ какой суммѣ оной домъ оцѣненъ, спрашивалъ Милордъ у Луизы? Во сто тысячахъ, отвѣчала она ему. Очень хорошо, сказалъ Милордъ: я столько денегъ у себя имѣю, и теперь же онымъ васъ презентую. Луиза получа такой чрезвычайной подарокъ, очень была довольна, и обѣщалась всѣми силами Королеву уговорить.

Милордъ пріѣхавши отъ Луизы до-

мой, тотчасъ послалъ въ конфискацію деньги, по чему оной домъ за нимъ и записали; а Гофмейстерина пріѣхавши во дворецъ, призвала къ себѣ Гоф-маршала и просила его, чтобъ послалъ въ новой ея домъ лучшаго гохмейстера со всякою провизіею, и лучшихъ музыкантовъ, для того, что она завтрешній день намѣрена просить Королеву къ себѣ кушать. Гоф-маршалъ зная, что Луиза у Королевы находится въ отмѣнной милости, все въ угодность ея исполнить обѣщался. А Луиза пришедъ къ Королевѣ въ спальню и поклонясь ей въ ноги, говорила: ваше величество, я надѣясь на высочайшую вашу милость, ни мало не сомнѣваюсь, чтобъ рабская моя прозьба была уничтожена. Королева поднявъ ее поцѣловала, и говорила ей: пожалуй проси, что тебѣ надобно, и будь увѣрена, что я ни въ чемъ не откажу.

Я ни о чемъ больше ваше величество не утруждаю, какъ только всенижайше прошу сдѣлать мнѣ милость, пожаловать удостоить меня своимъ присудствіемъ, завтрешній день въ новомъ моемъ домѣ откушать. Да какой у тебя новой домъ, спрашивала Королева: развѣ ты гдѣ купила? Ваше величество, отвѣ-

чала Луиза, изволите знать бывшій Адмиральской загородной домъ, которой былъ въ конфискаціи, теперь оной состоитъ уже за мною, потому, что находящійся при вашемъ дворѣ Англинской Милордъ его выкупилъ и подарилъ меня. Королева усмѣхнувшись, сказала: знатно онъ богатъ, что даритъ такими чрезвычайными подарками: давноль у васъ съ нимъ сошлась такая дружба?

Ничего, ваше величество, отвѣчала Луиза: онъ по дружбѣ съ моимъ братомъ Фердинальдомъ, мнѣ знакомъ. Въ одно времякогда разговаривали мы объ ономъ домѣ, что онъ конфискованъ, и я его очень хвалила: то Милордъ въ тотъ же часъ меня имъ и подарилъ, а деньги въ конфискацію отослалъ. Очень хорошо, сказала Королева, изволь дожидаться, я вѣрно завтра къ тебѣ буду. Луиза видѣвши Королевину милость просила еще; чтобъ ей дозволено было позвать туда и Милорда. Ахъ! мать моя, сказала Королева: къ стати ли ему путь мѣшаться, ты знаешъ, что со мною кромѣ моихъ Фрейлинъ и одного твоего брата Фердинальда, никого изъ кавалеровъ не будетъ. Ваше величество, отвѣчала Луиза, да какъ же мнѣ его не позвать, для

того, что я по его щедрости сей домъ получила, а благодарности имѣть не буду. Хорошо, зови его; только я не знаю, какая ему будетъ утѣха, быть одному между нами; да не можно ли, ваше величество, просила еще Луиза, сдѣлать послѣднюю ко мнѣ милость, чтобъ пожаловать ко мнѣ безъ маски, для того, что въ оной какъ говорить, такъ и веселиться не очень способно, а притомъ и я, не видя дражайшаго вашего лица, не могу знать, пріятноль будетъ вашему величеству мое угощеніе. Ну, я и то въ угодность твою сдѣлаю, сказала Королева: и вѣрно буду безъ маски. Луиза за чрезмѣрную сію милость благодаря Королеву, поѣхала въ новой свой домъ, чтобъ все тамъ пріуготовить, а къ Милорду обо всемъ томъ послала сказать.

На другой день по утру въ двенатцатомъ часу, Милордъ убравшись, какъ возможно лучше, и въ такомъ пребогатомъ екипажѣ, какого во всемъ городѣ ни у кого не было, пріѣхалъ въ тотъ домъ, а въ началѣ перваго часа и Королева прибыть изволила.

Милордъ сошедъ на крыльцо и принявъ ее изъ кареты подъ руки, велъ въ

палаты. Королева хотя была и безъ маски, но шла отъ крыльца до самыхъ покоевъ съ великимъ пренебреженіемъ, отворотясь отъ Милорда въ сторону, почему онъ прямо красоты лица ея разсмотрѣть не могъ; послѣ сего чрезъ полчаса пріѣхала тудажъ еще незваная старшая Королевина сестра Елена, которая, еще при отцѣ своемъ за безчестныя свои дѣла, сослана для житья въ одинъ монастырь, неподалеку отъ Толедо.

Королева ходя съ придворными своими дамами и Фрейлинами по всѣмъ покоямъ, очень любовалась и хвалила хорошую архитектуру и все убранство того дома; а какъ поставили кушанье и сѣли за столъ, то королева дозволила Милорду сѣсть въ Форшнейдерскомъ мѣстѣ. Сестпражъ Королевина Елена съ перваго взгляда, такъ въ Милорда влюбилась, что безъ всякаго стыда дѣлала ему многія любовныя объясненія; но онъ не хотя съ нею вступать ни въ какіе разговоры, какъ можно коротко на всѣ ея вопросы отвѣтствовалъ, а между тѣмъ разрѣзывая жаркое, перерѣзалъ у себя палецъ, и вынувши изъ кармана платокъ, завязалъ онымъ свою руку, а

Елена увидѣвши сіе, тотчасъ снявъ у себя съ шеи ленту, и подавая Милорду, говорила: ежели вамъ сія лента не противна, то прошу оною перевязать вашъ палецъ, и унять текущую изъ онаго алѣйшую вашу кровь, что я за особливое почту удовольствіе. Милордъ видя непристойное Еленино нахальство, отвѣчалъ ей: покорнѣйше благодарю за ваше одолженіе, только мои руки шелку не любятъ, и для того совѣтую вамъ опять перевязать вашу шею, у которой безъ ленты очень много красоты убавилось.

Королева слышавъ сіе, и оборотясь къ своимъ Фрейлинамъ, захохотала; а потомъ вставши изъ застола начали танцовать. Милордъ осмѣлился поднять Королеву, и хотя она пошла, но все танцовала какъ бы съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, а какъ только кончился миноветь, то Елена тотчасъ подняла танцовать Милорда, и будучи въ танцахъ оказывала ему великіе любовные знаки. Милордъ изъ учтивости хотя и пошелъ съ нею танцовать, но протанцовавши одинъ миноветь, пересталъ, и сколько она его ни уговаривала, чтобъ еще танцовать, но онъ употребя съ уч-

тивостію разныя отговорки, отъ того отказался, ибо всѣ его мысли устремлены были къ одной только Королевѣ.

Королеважъ примѣтя въ Милордѣ чрезъ всѣ его поступки остроту разума, и честныя мысли нечувствительно почувствовала въ сердцѣ своемъ любовной жаръ, только всѣми мѣрами старалась оной скрывать; однакожъ не могла вытерпѣть, чтобъ съ нимъ не говорить, а послѣ разговоровъ сама уже подняла его танцовать, но все оное дѣлала съ великою благопристойностію; и съ сего времени такъ въ него влюбилась, что положила непремѣнное намѣреніе, кромѣ его никого въ женихи себѣ не удостоивать, только до времяни никому изъ своихъ придворныхъ объявлять о томъ не хотѣла.

Такимъ образомъ, препроводя Королева въ семъ домѣ весь день въ разныхъ увеселеніяхъ, осталась по прозьбѣ Луизиной ночевать, при чемъ и Милорду въ особливыхъ покояхъ ночевать дозволено. Елену же хотя Луиза и не унимала, но она нахальствомъ своимъ тутъ же осталась. За ужиномъ Королева съ Милордомъ гораздо уже предъ прежнимъ

ласковѣе разговаривала; и хотя ни мало не показывала наружной къ нему склонности, однако гордость ея и отвращеніе къ мужескому полу совсемъ изчезли.

По окончаніи вечерняго стола въ обыкновенное время, какъ стали всѣ ложиться спать, то Королева примѣтивши, что сестра ея за Милордомъ волочится, приказала своимъ Фрейлинамъ за нею примѣчать. Чрезъ нѣсколько часовъ безстыдная Елена думая, что всѣ уже заснули, вставши съ своей кровати, и надѣвъ на себя одну только мантилію, пошла въ ту комнату, которая отведена была для Милорда; но какъ скоро она изъ спальни вышла, то одна Фрейлина по приказу королевину слѣдовала за нею и ставши у дверей, примѣчала ея поступки. Милордъ лежа на постелѣ, находился о красотѣ Королевиной въ различныхъ размышленіяхъ; но вдругъ увидя отворившуюся дверь и идущую къ себѣ даму, очень удивился; а какъ она подошла къ его кровати, и могъ онъ ее узнать, то говорилъ ей: ахъ! ваше Высочество, пристойно ли это, за чемъ вы въ такое необыкновенное время пришли сюда изволили? Къ тебѣ, любезной Милордъ, отвѣчала она ему, и въ самое луч-

шее время, для доказательства непреодолимой моей къ тебѣ любви. О боги! сказалъ Милордъ, какое это похабство; я думаю, ни одна подлая женщина такой наглости и безстыдства сдѣлать не можетъ; я ваше высочество увѣряю, что я ни малой склонности къ вамъ не имѣю, и ни для чего любить васъ не намѣренъ, чего ради покорно прошу, извольте итти въ свою комнату, а меня оставьте въ покоѣ; и оборотясь на другую сторону, окутался въ одѣяло. Но она не удовольствовавшись своимъ безстыдствомъ, зашла къ нему съ другой стороны кровати, и сдернувъ съ него одѣяло, легла подлѣ него. Милордъ видя такое безстыдное похабство, вскоча съ постели, говорилъ: ежели вы не изволите сей часъ отсюда выйти, то я принужденъ буду кричать, чтобъ васъ въ такомъ безобразномъ видѣ отъ меня вывели, о чемъ къ поношенію вашей чести будетъ извѣстно, не только въ здѣшнемъ домѣ, но и во всемъ городѣ. Елена видя свою неудачу, вставъ съ постели, пошла вонъ, сказавъ притомъ съ великимъ сердцемъ: не думай ты, неблагодарной злодѣй, чтобъ я тебѣ не отомстила за твое неудовольствіе. Фрейлина, стоя за дверьми, все сіе слышала, и воз-

вратясь къ Королевѣ, обо всемъ разсказала.

По утру вставши Милордъ, допущенъ былъ къ Королевиной рукѣ, которую она пожаловала ему съ великою пріятностію; а за обѣдомъ очень много съ нимъ разговаривала; послѣ же обѣда столько съ нимъ танцовала, что никогда ее такъ много танцующую не видывали. Потомъ Королева оказавъ любезной своей Гоф-мейстеринѣ за ея угощеніе свое удовольствіе, отправилась въ городъ. Милордъ велъ ея до кареты за руку, и она уже не только чтобъ отворачивалась, но съ пріятностію на него смотря, оказала, я думаю вы довольно примѣтили, что мнѣ всѣ ваши чувства понравились; и я васъ увѣряю, что сердцемъ моимъ никто кромѣ васъ обладать не будетъ, только прошу, чтобъ сіе до времяни было содержано въ скрытности; ко двору же моему вы можете лучше ѣздить послѣ обѣда, и дозволяю вамъ приходить прямо въ мою спальню. Милордъ поцѣловалъ королевину руку; а она его въ щоку, поѣхала во дворецъ.

Такимъ образомъ послѣ сего ѣздилъ онъ во дворецъ всякой день, и Королева

имѣла съ нимъ такое откровенное обхожденіе, какъ надлежитъ съ настоящимъ женихомъ; а по прошествіи нѣсколько времяни, говорила ему: любезной Милордъ, я положила намѣреніе завтрешней день вступить съ вами въ законное супружество; чего ради и приказано отъ меня оберъ- Гофмаршалу, чтобъ къ завтрешнему дню все было въ готовности; а церемоніальной коммисіи велѣла объявить всѣмъ знатнымъ персонамъ, чтобъ они къ десятому часу сбирались во дворецъ, и кому съ вашей стороны быть надлежитъ, о томъ, я думаю, реестръ къ вамъ уже сообщенъ.

Слышавши Милордъ неожидаемое и скорое Королевино намѣреніе, изумился, и отвѣчалъ ей: ваше величество, какъ можно сему статься, чтобъ къ завтрешнему дню все сіе могло изготовиться, потому, что до сего времяни вы никому о томъ объявлять не изволили. Нѣтъ, любезной Милордъ, вы о томъ не сомнѣвайтесь, ибо я какъ скоро приняла намѣреніе, имѣть васъ своимъ мужемъ, то и отданъ былъ отъ меня всѣмъ знатнымъ секретной приказъ, чтобъ къ завтрешнему времени, то есть къ назначенному числу все было изготовлено, съ

такимъ притомъ подтвержденіемъ, чтобъ для чего такія пріуготовленія дѣлаются никому не объявляли, по чему и думаю я, какъ вы пріѣдете домой, то все принадлежащее къ сему торжеству найдете въ готовности, чего ради и время вамъ ѣхать въ свой домъ; и простясь съ нимъ, пошла въ свой кабинетъ, а онъ поѣхалъ домой; пріѣхавъ увидѣлъ на дворѣ драгоцѣнную карету, заложенную въ восемь Неаполитанскихъ лошадей, а въ покояхъ множество лакѣевъ и офиціантовъ, въ богатой дворцовой ливреѣ; на столѣ нѣсколько платья и церемоніальной реестръ, которые министры и знатные господа съ его стороны быть имѣютъ.

По утру, то есть, въ день назначенный къ свадьбѣ, вставши онъ, сталъ одѣваться, а къ десятому часу начали съѣзжаться къ нему въ домъ тѣ особы, которымъ по росписанію быть велѣно; и всѣ находились въ великой радости о перемѣненіи Королевина мнѣнія, и о выборѣ ею такого достойнаго жениха, а [illegible] государя. Въ назначенной же часъ поѣхали по надлежащему церемоніальному порядку къ киркѣ, и вошедъ въ оную, ожидали Королевина прибытія; чрезъ часъ времяни сказано было, что Короле-

ва изволитъ ѣхать; по чему всѣ бывшіе съ Милордовой стороны, стали для встрѣчи королевы выбираться изъ кирки вонъ; а Милордъ по обыкновенію жениха, дожидался въ киркѣ съ такою неописанною радостію, что самъ себѣ не вѣрилъ, чтобъ сіе благополучное для него счастіе могло совершиться, но видитъ уже королеву со многочисленною свитою входящую въ кирку; и какъ стала она подходить ближе, то какимъ онъ вмѣсто радости пораженъ былъ страхомъ и удивленіемъ; ибо вмѣсто Королевы приведена была и поставлена съ нимъ рядомъ похабная королевина сестра Елена, которая какъ скоро вошла въ кирку, то и приказала паспору, чтобъ онъ начиналъ вѣнчать.

Милордъ, видя нечаянное сіе приключеніе, въ великое пришелъ замѣшательство, и не зналъ что дѣлать; наконецъ закричалъ: умилосердитесь, государыня, долголь вамъ такъ нахальничить, и можноль, чтобъ вы неволею могли привесть къ себѣ въ любовь того, который скорѣе согласится лишиться жизни, нежели склониться на ваше требованіе, и быть вашимъ мужемъ; и какъ тому статься, чтобъ я промѣнялъ на васъ ту

драгоцѣнную красоту и премудрую особу, которая сотворена отъ боговъ во удивленіе всему свѣту; и оборотясь къ бывшимъ съ нимъ министрамъ, сказалъ: государи мои, прошу не прогнѣваться, я въ такое теперь приведенъ дурачество, не знаю, что мнѣ дѣлать; и выговоря сіе, пошелъ изъ кирки вонъ, и сѣвши въ карету, поѣхалъ во дворецъ къ Королевѣ жаловаться. Вошедъ онъ въ Королевину спальню, увидя ее раздѣвающеюся, которая встрѣтила его слѣдующими словами: любезной Милордъ, хотя отъ меня и опредѣлено было, чтобъ намѣреніе наше нынѣшней день совершилось, но сестра моя до того не допустила: ибо я подъѣзжая со всею церемоніею къ киркѣ, увидѣла ее прежде меня туда пріѣхавшую и выходящую изъ кареты въ брачномъ одѣяніи; по чему и разсудилось мнѣ дать ей въ томъ волю; а притомъ еще воображала я и то, что можетъ быть она сіе дѣлаетъ и по общему вашему согласію, и для того принуждена я возвратиться во дворецъ.

Ваше величество, говорилъ Милордъ, я самъ за тѣмъ изъ кирки уѣхалъ, чтобъ принести вамъ на нее жалобу, ибо я нигдѣ отъ нахальства ея не имѣю покоя.

Однако, любезной Милордъ, сказала Королева: вы о томъ не безпокойтесь, а возмите не надолгое время терпѣніе, я все сіе передѣлаю другимъ манеромъ, и желаніе ваше непремѣнно приведу къ благополучному окончанію.

Послѣ сего Милордъ опять всякой день послѣ обѣда пріѣзжая во дворецъ, хаживалъ къ Королевѣ на особливое крыльцо темными переходами, въ которыхъ и днемъ для свѣта становились съ зажженными свѣчами фонари. Въ одинъ вечеръ, идучи онъ отъ королевы тѣми переходами, увидѣлъ идущихъ противъ себя шесть человѣкъ вооруженныхъ драбантовъ, которые какъ скоро противъ его поравнялись, то схватя его подъ руки, и завязавши ему платкомъ глаза, вывели на дворъ, и посадя въ карету, поскакали. Милордъ ничего другаго при семъ случаѣ не воображалъ, какъ только, что сіе сдѣлано отъ принцессы Елены, за его къ ней несклонность; почему и жизнь свою почиталъ въ опасности, думая, что не приказано ли онымъ драбантамъ, отвезти его въ какое ни есть пустое мѣсто, и лишить жизни. Однакожъ драбанты ѣхавши съ нимъ нѣсколько часовъ, остановились у нѣкото-

рой ограды; и вынувши его изъ кареты, приведя къ дверямъ, толкнули въ оные, отъ чего принужденъ онъ былъ въ великомъ страхѣ упасть на землю, а сами заперлись и поскакали съ каретою назадъ.

Несчастной Милордъ отъ сего страннаго приключенія насилу могъ опамятоваться, и встав съ земли, развязалъ себѣ глаза, и осматриваяся вокругъ себя, не могъ никого видѣть, а только слышитъ при темнотѣ ночной шумящіе отъ вѣтра деревья, и разсмотрѣвъ хорошенько, видитъ, что онъ находится въ подчищенной рощѣ, но не знаетъ, что съ нимъ будетъ дѣлаться; проливаетъ источники слезъ; воспоминаетъ всѣ случившіяся съ нимъ несчастливыя приключенія: воздѣваетъ руки на небо, призываетъ всѣхъ боговъ къ себѣ на помощь, и въ такихъ колеблющихся печальныхъ размышленіяхъ, препроводилъ остатокъ ночи, сидя подъ однимъ деревомъ; а какъ румяная заря отверзла блистающему солнцу двери, которое свѣтлыми своими лучами прогнало темноту ночную, то увидѣлъ онъ, что находится въ преизрядномъ регулярномъ саду, украшенномъ прешпективными алеями и насажденными разными цвѣтами. Идучи онъ по

одной алеѣ, увидѣлъ идущяго къ себѣ на встрѣчу человѣка въ черномъ платьѣ; увидѣвши его нѣсколько обрадовался, думая отъ него свѣдать, въ какомъ онъ мѣстѣ находится, но сей человѣкъ подошедъ къ нему, съ учтивостію поклонился, только на вопросы его ничего не отвѣтствуетъ; почему разсудилось Милорду, что онъ не разумѣетъ Англинскаго языка, началъ съ нимъ говорить по Французски, по Нѣмецки и по Арапски; но человѣкъ не отвѣчалъ ему ни одного слова. Итакъ Милордъ заключилъ объ немъ, что онъ отъ природы ничего говорить не умѣетъ. Хотя онъ по сему саду вышелъ на одну прешпективную дорогу, простирающуюся къ превеликому каменному дому; дорога сія устлана была чернымъ сукномъ; хотя сіе его и удивляло, однако принялъ онъ намѣреніе итти въ тотъ домъ; и вошедъ въ первую горницу, обитую чернымъ сукномъ, въ которой въ одномъ углу сидѣлъ лакѣй въ черномъ кафтанѣ, и увидѣвши его, вставъ, съ учтивостію поклонился.

Скажи пожалуй, мой другъ, говорилъ Милордъ лакѣю, чей это домъ, и по какой причинѣ въ такомъ глубокомъ

трауръ? Лакѣй не отвѣтствуя ничего, только кланяяся, отворилъ ему двери въ другую горницу, чернымъ же сукномъ обитую, и въ ней четыре человѣка лакѣевъ въ черной же ливреѣ, которые съ равнымъ учтивствомъ поклонясь ему, смотрѣли на него съ такимъ видомъ, какъ бы ожидали его приказанія. Спрашивалъ онъ у нихъ на разныхъ языкахъ, кому сей домъ принадлежитъ; но и отъ сихъ ни малаго отвѣта получить не могъ, и съ тѣмъ вошелъ онъ въ третью такую же горницу, въ которой стояла подъ чернымъ балдахиномъ кровать, съ чернымъ тафтянымъ занавѣсомъ; на постелѣ лежалъ траурной шлафорокъ и траурные же подлѣ кровати стояли туфли.

Въ сей печальной горницѣ сѣлъ онъ на кресла, и до самаго полудня находился въ разнотысячныхъ размышленіяхъ; а какъ только пробило двенадцать часовъ, то вошедъ къ нему одинъ лакѣй, и отворя въ другую горницу двери, указываетъ ему накрытой столъ и поставленное кушанье. Вошедъ онъ въ сію горницу и видя на столѣ одинъ только приборъ, разсудилъ, что оное приготовлено для него; сѣлъ онъ за столъ, а

два лакѣя съ тарелками стали за его стуломъ; кушанья было для одной персоны очень довольно, и все на серебряномъ сервизѣ, также и нѣсколько бутылокъ разнаго вина; лакѣи же всѣ находятся въ его повелѣніи, и что прикажетъ, все исполняютъ съ великою учтивостію, только они ни одного слова не говорятъ. Пообѣдавши, пошелъ онъ опять въ спальню, гдѣ приготовленъ уже чай и кофей, и кофешенкеръ, стоя съ бѣлою салфеткою, ожидалъ его повелѣнія.

Напившись кофею, препроводилъ весь день въ различныхъ размышленіяхъ; а въ вечеру въ назначенной часъ такимъ же образомъ приготовленъ былъ и ужинъ; отужинавъ пошелъ ложиться спать, а за нимъ вошелъ камердинеръ, и раздѣвъ его поклонясь, пошелъ вонъ.

По утру проснувшись, и видя лежащій на столѣ серебряной колокольчикъ, позвонилъ въ оной; тотчасъ вошелъ къ нему тотъ же камердинеръ, и поклонясь, дожидался его приказа. Милордъ говорилъ ему, чтобъ подалъ одѣваться; онъ тотчасъ выбѣжалъ въ другую горницу, принесъ черной кафтанъ, нижнее платье и чулки черные. Милордъ

приказываетъ ему, чтобъ онъ подалъ то платье, которое въ вечеру съ него снялъ; но камердинеръ не отвѣтствуя ничего, только кланяется, и дѣлаетъ такіе знаки, что ему кромѣ онаго давать не приказано, и надѣвая на него башмаки, вмѣсто бриліянтовыхъ его пряжекъ, застегнулъ черными желѣзными; чему Милордъ и противиться уже не смѣлъ, а другой лакѣй принесъ серебряную лахань, полотенцо и склянку съ благовонною водою; и какъ онъ обтеръ свое лице, и руки, то камердинеръ сталъ подавать ему бѣлую сорочку съ большими бантистовыми манжетами; но Милордъ оной надѣвать не хотѣлъ, что видя камердинеръ, подошедъ къ нему съ учтивостію, сталъ будто разсматривать у него сорочки кружевныя манжеты, и вдругъ взялъ за воротъ, разодралъ на немъ сорочку до самаго подола, а самъ отскоча отъ него, очень низко поклонился.

Милордъ разсудилъ, что конечно имъ такъ поступать съ нимъ приказано, только не зналъ отъ кого, и для чего сіе дѣлается; почему и принужденъ онъ былъ надѣть принесенную камердинеромъ сорочку, и все траурное платье.

Какъ скоро онъ одѣлся, то кофешенкеръ принесъ въ спальню чай и кофей, котораго выпивши онъ одну чашку, сѣлъ подлѣ окошка, и будучи о своемъ несчастіи въ различныхъ размышленіяхъ, простря взоръ свой на небо, произносилъ слѣдующія слова: о немилостивые и жестокосердые боги, доколѣ будете проливать на меня гнѣвъ свой! За какое преступленіе вы на меня озлобились? Еще ли вы не удовольствовались несчастнымъ моимъ приключеніемъ, которое я претерпѣлъ въ Арапскомъ едикулѣ, не укротился ли гнѣвъ вашъ лишеніемъ дражайшей моей невѣсты Маркграфини? Какоежъ нынѣ еще пріуготовляете мнѣ мученіе; когда вы хотите отнять жизнь мою, то вѣрьте, что естьлибъ теперь была при мнѣ моя шпага, тобъ сію минуту пронзилъ мое сердце, и пролилъ бы кровь мою, въ угодность жестокосердой вашей жертвы.

Не успѣлъ онъ окончить сихъ печальныхъ словъ, какъ увидѣлъ отворившіяся на дворъ воротца, въ которыя вошли восемь человѣкъ въ длинныхъ епанчахъ, съ разпущенными на головахъ съ чернымъ флеромъ шляпами; въ рукахъ несли обитой чернымъ бархатомъ съ

тремя ступенями ешафотъ, за ними шли два гайдука въ длинныхъ же черныхъ епанчахъ, и несли обшитую малиновымъ бархатомъ и обвитую золотымъ галуномъ плаху; за ними слѣдовалъ въ пестрой епанчѣ палачь съ превеликимъ острымъ топоромъ, потомъ въ обыкновенномъ платьѣ пасторъ съ книгою, а за нимъ двѣ дамы и нѣсколько кавалеровъ и дамъ въ самомъ глубокомъ траурномъ платьѣ.

Печальное сіе зрѣлище привело Милорда въ превеликой ужасъ, однакожъ дѣлать ему было нечего: укрѣпя онъ себя разсудкомъ, вышелъ въ залъ, въ которомъ принесенной ешафотъ былъ уже поставленъ, и положена на немъ видѣнная имъ плаха; вокругъ ешафота поставлено двенадцать серебряныхъ подсвѣчниковъ съ зажженными свѣчами; на правой сторонѣ ешафота сталъ пасторъ, а на лѣвой съ престрашнымъ топоромъ палачь. И какъ скоро все въ надлежащій порядокъ было изготовлено, то два гайдука подхватя Милорда подъ руки, взвели на ешафотъ и поставили лицемъ къ плахѣ; потомъ первыя двѣ дамы, покрытыя большими капорами, взошли тудаже и стали противъ Милорда, а прочія

всѣ стояли около ешафота, имѣя въ рукахъ зажженныя свѣчи, и показывали печальной видъ; изъ двухъ же стоящихъ на ешафотѣ дамъ, одна поднявши свой капоръ, (сія была принцесса Елена) говорила: видишь ли ты, жестокосердой, что для тебя приготовлено за пренебреженіе принцессинной чести; и ты теперь ни чѣмъ другимъ избавиться не можешь, какъ только склонностію своей любви и клятвеннымъ обѣщаніемъ, что тебѣ кромѣ меня ни на комъ не жениться; а ежели сего не учинишь, то безъ всякаго милосердія и жалости на сей лежащей предъ твоими глазами плахѣ, голова твоя въ сію минуту будетъ отрублена.

Я удивляюсь вашему высочеству, отвѣчалъ Милордъ, что вы вздумали меня стращать смертію, извольте быть увѣрены, что я съ великою радостію лучше желаю сей часъ окончить жизнь мою, нежели согласиться на безчестное ваше требованіе; и ежели вамъ угодно, то прикажите поскорѣе совершить злое ваше намѣреніе, только позвольте мнѣ по должности закона принесть въ моихъ грѣхахъ чрезъ сего пастора чистосердечное покаяніе. Принцесса на сіе съ

великимъ сердцемъ сказала: приноси поскорѣе звѣрское твое покаяніе, и ложись на сію плаху, чтобъ я могла видѣть и упѣшаться на отрубленную твою голову. Это вашему высочеству очень свойственно, отвѣчалъ Милордъ, потому, что когда вы по своему безстыдству, въ живыхъ головахъ, для удовольствія любовной вашей страсти, не могли получить счастія, то въ мертвыхъ еще и меньше сыскать можете. По окончаніи сихъ словъ, оборотясь онъ къ пастору, и ставъ на колѣна, приносилъ ему на ухо свое покаяніе; а окончивши оное, вставъ и поклонясь на всѣ стороны, сказалъ: вы, правосудные боги, видите, что я безвинно оканчиваю жизнь мою, и легъ на плаху.

Не можно изобразить, съ какою жалостію всѣ предстоящіе на сіе смотрѣли, и ни одинъ человѣкъ не могъ отъ слезъ удержаться; а палачь, поднявъ ужасной свой топоръ, хотѣлъ сильнымъ ударомъ опустить оной на его шею; но предстоящая тутъ другая дама оной удержала, и съ превеликими слезами поднявъ Милорда за руку, говорила: любезный Милордъ, теперь уже я не сомнѣнно увѣрена въ нелицемѣрной твоей

любви; простите мнѣ, какъ своей невѣстѣ, вину сію, ибо я чрезъ сіе пробовала вашу вѣрность. Милордъ стоя на колѣнахъ; цѣлуя Королевины руки, увѣрялъ страшнѣйшими клятвами, что онъ безъ всякой страсти для вѣрности къ ея величеству готовъ былъ лишиться жизни. Королева взявъ его за руку, повела въ другіе въ томъ же домѣ покои; ибо сіе произходило въ загородномъ королевскомъ домѣ, отстоящемъ отъ Толедо на одну милю, въ которомъ собраны были чужестранные министры и весь Гишпанской генералитетъ, которымъ королева публично объявила, что она желаетъ Милорда имѣть законнымъ себѣ супругомъ, и вручаетъ ему Гишпанскую корону, и что она сей же день намѣрена вступить въ законное супружество. Не можно изъяснить, съ какимъ усердіемъ и радостію всѣ находящіеся тутъ приносили Милорду поздравленіе, и тотъ же часъ утвердили благоволеніе своей Королевы присягою.

Потомъ Королева пошла въ особливые покои убираться, приказавъ церемоній-мейстеру, чтобъ къ назначенному часу все было въ готовности. Принцесса же Елена, будучи чрезмѣрно въ Милорда

влюблена, и видя его благополучное окончаніе, поѣхала съ великою злобою въ монастырь, въ которомъ она имѣла свое пребываніе.

Чрезъ нѣсколько часовъ донесено Королевѣ, что вся церемоніальная процессія въ готовности; Королева и Милордъ, сѣвши въ особливыя кареты, и вся процессія слѣдовала въ Толедо до самой кирки въ хорошемъ порядкѣ, для смотрѣнія которой всѣ улицы наполнены были такимъ множествомъ народа, что съ великою тѣснотою процессія сія могла слѣдовать, и отъ всѣхъ слышны были радостныя восклицанія.

По прибытію въ кирку, Милордъ съ королевою поставлены на пребогатомъ украшенномъ мѣстѣ; весь священный чинъ къ начинанію священнаго дѣйствія былъ въ готовности, и какъ сталъ первосвященникъ зажигать брачныя свѣчи; то въ самую сію минуту сдѣлался отъ бывшаго въ киркѣ народа необыкновенной шумъ; одни бѣгутъ изъ кирки вонъ, другіе въ оную вбѣгаютъ, а иные вынимаютъ для своей обороны шпаги. Наконецъ увидѣли вбѣжавшихъ въ кирку нѣсколько человѣкъ съ обнаженными шпа-

тами драбантовъ, и немилостиво всѣхъ вспрѣчающихся имъ предавали смерти, изъ которыхъ одинъ подбѣжалъ къ стоящей съ Милордомъ королевѣ, вонзилъ острую свою шпагу въ самое ея сердце, отъ чего неописанная сія красота повергласъ на полъ храма; покрылось прекрасное ея лице блѣдностію, и весь священный храмъ обагренъ невинною кровію. Милордъ въ отчаяніи своей жизни, выхватя свою шпагу, четырехъ человѣкъ драбантовъ закололъ до смерти, и тѣмъ очистивши себѣ отъ сихъ злодѣевъ дорогу, ретировался изъ кирки вонъ, и прибѣжавъ къ каретѣ, обрубя своею шпагою у одной лошади постромки, сѣлъ верьхомъ, и ускакалъ въ домъ къ вѣрному своему пріятелю Демаре, но его въ то время дома не было: однакожъ Милордъ, для спасенія своей жизни, скрылся въ его домѣ, положивъ намѣреніе, дождавшись его, взять нѣсколько денегъ и тайнымъ образомъ изъ Толедо уѣхать.

Чрезъ нѣсколько часовъ Демаре возвратясь домой, и увидѣвши Милорда, обнявъ его со слезами, спрашивалъ: какимъ образомъ спасъ онъ жизнь свою, отъ тѣхъ злодѣевъ, которые предали смерти любезную ихъ Королеву? Ми-

лордъ, разсказавъ ему всѣ приключившія-ся обстоятельства, спрашивалъ у него, не знаетъ ли онъ причины сему бунту, и что дѣлается въ городѣ? Милостивой государь, говорилъ Демаре сквозь теку-щія слезы, — все возмущеніе произошло отъ злости Королевиной сестры Елены, которая видѣвши, что Королева наша дѣйствительно удостоила васъ быть супругомъ, а намъ государемъ, то она съ превеликой зависти и злости, пріѣхавъ въ монастырь, тотчасъ призвала къ себѣ драбантскаго корпуса капитана, котораго она давно содержала у себя въ неограниченной милости, и совѣтовавъ съ нимъ, согласились, чтобъ королеву и васъ, также и всѣхъ, бывшихъ съ вами въ киркѣ знатныхъ господъ лишить жизни; а сама обѣщалась за онаго капита-на выйти за мужъ, и объявить его Ги-шпанскимъ королемъ; драбантской же корпусъ состоитъ у насъ только изъ пяти сотъ человѣкъ, и они сію прин-цессу очень любили, потому, что она любя ихъ капитана, не рѣдко и ихъ на-граждала деньгами, по чему они охотно на сіе злодѣйство и согласились; одна-кожъ нѣкоторые изъ генералитета изба-вившись отъ сего несчастія, и собравъ всѣ находящіяся въ городѣ воинскія ко-

манды, изъ сихъ бунтовщиковъ многихъ побили, а прочихъ побрали подъ караулъ, при чемъ и самую принцессу Елену заарестовали, которая уже и допрашивана, и во всемъ томъ призналась, и теперь въ городѣ возстановлено совершенное спокойствіе. Тѣло же королевино отнесено во дворецъ, и приказано печальной коммисіи сочинить къ погребенію надлежащій церемоніалъ; въ числѣ же убитыхъ вмѣстѣ съ Королевою, подлѣ самаго драгоцѣннаго ея тѣла, нашли общаго нашего друга Фердинальда и любимицу королевину Гоф-мейстерину Луизу.

О, боги! вскричалъ Милордъ, какое ваше правосудіе, что допустили вы непотребной женщинѣ умертвить безвинно единоутробную и добродѣтельную сестру свою, и выговоря сіе, повалился безъ всякаго чувства. Демаре подхватя его, положилъ на свою кровать, и разными спиртами чрезъ нѣсколько часовъ едва могъ привесть въ память; какъ скоро онъ опамятовался, то пустились источники слезъ изъ глазъ его, и Демаре сколько можно старался его уговорить, и увѣрялъ, что сенатъ и все благородное Гишпанское дворянство, помня Королевино изустное объявленіе, кромѣ

васъ никого Гишпанскимъ Королемъ имѣть не желаютъ.

Ахъ! мой другъ, отвѣчалъ Милордъ, можетъ ли меня утѣшать Гишпанская корона, когда я лишился той неоцѣненной красоты, которую почиталъ дороже всѣхъ сокровищъ на свѣтѣ, и для того прошу тебя, любезной другъ, одно только сдѣлать мнѣ одолженіе, ссуди меня деньгами, а я тебѣ дамъ вексель, и поѣду отсюда, куда поведутъ меня глаза мои, и всечасно буду оплакивать несчастную мою судьбу.

Демаре, видя, что Милордъ никакъ остаться у нихъ не хочетъ, далъ ему четыре тысячи червонныхъ и одну лошадь, за что онъ благодарилъ его, и простился съ нимъ дружески; слѣдующею же ночью изъ Толедо выѣхалъ, направляя путь свой въ Италію, и по нѣсколькихъ дняхъ пріѣхалъ онъ благополучно въ Венецію, во время самаго коронованія, когда бываетъ тамъ великое торжество и различныя увеселенія, чего ради къ сему времяни и съѣзжаются въ сей городъ изъ разныхъ государствъ многія знатныя особы; и сказываютъ, что ни въ которомъ государствѣ для моло-

даго человѣка веселѣе жизни сыскать не можно, какъ въ сей вольной республикѣ.

Милордъ по пріѣздѣ своемъ нанялъ себѣ хорошій домъ, принялъ нѣсколько лакѣевъ и одного камердинера; и въ одинъ день будучи въ театрѣ, очень веселился на театральное представленіе и на множество собравшагося народа. А какъ кончилась бывшая тогда опера, то всѣ находившіяся въ театрѣ кавалеры и дамы собравшись въ одну превеликую залу, стали играть на разныхъ инструментахъ, между которыми была одна дама чрезвычайной красоты; и такъ хорошо пѣла, что всѣ оставя свои игры, слушали одного только ея пѣнія. Милордъ тутъ же игралъ на флейтраверзѣ, и переставши играть, смотря съ великою прилѣжностію на сію даму, сказалъ самъ себѣ: возможноль, какое человѣкъ съ человѣкомъ имѣетъ сходство, ибо сія дама такъ на бывшую мою невѣсту Маркграфиню похожа, что ежелибъ она не при моихъ глазахъ погибла въ морской бѣздне, тобъ я могъ почесть сію даму за сущую Маркграфиню, только кажется, что сія красотою своею еще ее превосходитъ, и для того старался онъ, какъ можно объ ней провѣдать; чего ради

и спрашивалъ у бывшихъ тутъ, кто она такова, которые сказали ему, что сія Французская дофина, недавно въ сей городъ пріѣхала. По окончаніи всѣхъ веселостей, поѣхалъ онъ домой, и легъ спать; но красота сей дамы такъ плѣнила его сердце, что онъ будучи въ различныхъ размышленіяхъ, всю ночь препроводилъ въ великомъ безпокойствѣ; и вставши по утру находился въ немалой задумчивости. Камердинеръ его, видя что онъ находился въ безпокойныхъ мысляхъ, пришедъ къ нему, съ великою учтивостію, говорилъ: милостивый государь, о чемъ вы изволите безпокоиться, конечно вы будучи на оперѣ, влюбились въ какую ни есть красавицу; ежели я оное отгадалъ, то пожалуйте безъ всякаго сомнѣнія извольте мнѣ въ томъ открыться: можетъ быть я чрезъ свое стараніе сыщу вамъ дорогу къ тому сердцу, отъ котораго вы претерпѣваете такое безпокойство. Милордъ не будучи еще увѣренъ въ камердинерской вѣрности, не хотѣлъ ему въ томъ открыться, и для того сказалъ: нѣтъ, мой другъ, я не очень здоровъ, и чувствую въ себѣ небольшой жаръ. Флейменъ (имя камердинера) усмѣхнувшись, говорилъ: пожалуй, милостивый государь, не извольте

во мнѣ сомнѣваться: можетъ быть вы по недавному вашему сюда прібытію объ насъ еще обстоятельно не изволите вѣдать; я вамъ объявляю, что въ здѣшнемъ городѣ наша въ томъ состоитъ должность, и мы въ соединеніи любовныхъ сердецъ великое имѣемъ искусство, я васъ увѣряю, въ когобъ вы ни влюбились, здѣшняя ли она или пріѣзжая, только лишь бы не имѣла она у себя любовника, и то я вѣрно оную въ любовь вашу склонить могу; ибо по вольности здѣшней республики, у насъ такое обыкновеніе, что ежели кавалеръ влюбится въ какую даму, то безъ всякой опасности можетъ послать къ ней съ объявленіемъ своей любви камердинера, а дама ежели и не хочетъ его любить, то не должна на него за сіе сердиться.

Милордъ на сіе камердинерово представленіе согласился, и говорилъ ему: теперь я тебѣ, мой другъ, открываюсь, что я мучусь любовною страстію къ одной пріѣзжей сюда Французской дофинѣ, которая будучи вчерась на оперѣ, такъ красотою своею меня плѣнила, что ежели я не получу ея склонности, то опасаюсь, чтобъ мнѣ не приключилось

какой болѣзни, и ежели ты можешь сыскать какой способъ, то я почту за великое одолженіе и безъ награжденія тебя не оставлю.

Милостивой государь, отвѣчалъ Флейменъ, напрасно вы давно мнѣ о томъ объявить не изволили; я теперь же пойду объявлю ей о вашей любви, и какъ можно буду стараться узнать ея мысли, и пошедъ сыскалъ тотъ домъ, въ которомъ жила дофина, и вызвавъ къ себѣ ея пажа, спрашивалъ: пожалуй, мой другъ скажи: не содержитъ ли ваша дофина кого ни есть изъ кавалеровъ въ отмѣнной у себя милости? нѣтъ, другъ мой, отвѣчалъ пажъ, она совсемъ противнаго тому свойства, и я васъ увѣряю, что она ни въ кого на свѣтѣ влюбиться не можетъ; однако Флейменъ не смотря на то, вынувъ изъ кармана пять червонцовъ, подарилъ пажу, и просилъ его, чтобъ онъ доложилъ объ немъ дофинѣ, что до ея свѣтлости имѣетъ нужду? пажъ побѣжавъ, доложилъ, и выщедъ оттуда позвалъ Флеймена въ ея спальню; вошедъ онъ къ ней, съ великою учтивостію говорилъ: ваша свѣтлость, я здѣшней Венеціанской республики камердинеръ, и съ покорнѣйшимъ моимъ почте-

ніемъ, пріемлю смѣлость вашей свѣтлости доложить о моемъ господинѣ, у котораго я служу, что онъ будучи на оперѣ, такъ сильно красотою вашею плѣнился, что принужденъ теперь лежать въ постелѣ, и ежели ваша свѣтлость, хотя малое имѣете по человѣчеству объ немъ сожалѣніе, то ни чѣмъ другимъ отъ сей болѣзни избавиться онъ не можетъ, какъ вашею склонностію.

Слушай, мой другъ, говорила дофина, я знаю, что въ здѣшнемъ городѣ ваша въ томъ состоитъ должность, что кавалеры чрезъ васъ объявляютъ дамамъ свою любовь, за что васъ по вольности здѣшней республики и не наказываютъ, а ежелибъ ты въ другомъ городѣ пришелъ ко мнѣ съ такимъ объявленіемъ, то бы вмѣсто отвѣта безъ всякаго милосердія былъ наказанъ, а можетъ быть потерялъ бы свою и голову; однако я по здѣшнему обыкновенію объявлю тебѣ, что я никого на свѣтѣ любить не намѣрена, ибо чистая моя совѣсть отъ сей страсти свободна.

Флеймень, поклонясь, пошелъ изъ ея спальни вонъ, и вздохнувши сказалъ: ахъ! бѣдной Георгъ, какую я тебѣ при-

несу радость, развѣ умножу болѣзнь твою; и опасаюсь, чтобъ оная не лишила тебя жизни.

Дофина услыша о Георговомъ имяни, кликнувши Флеймена назадъ, спросила: скажи, пожалуй, какого ты поминаешь Георга? я помянулъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ онъ, имя моего господина, у котораго я служу. А какой онъ человѣкъ, спрашивала дофина, и давно ли въ сей городъ пріѣхалъ? Я этаго теперь вашей свѣтлости объявить не долженъ, отвѣчалъ Флейменъ, потому, что когда вы никакой милости оказать ему не намѣрены, то на что вамъ и вѣдать о его фамиліи; довольно, что вы изволили отъ меня услышать о его имяни. Пожалуй, мой другъ, говорила дофина, скажи мнѣ, какой онъ человѣкъ, за что я тебя могу подарить? нѣтъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ Флейменъ, ни за сколько тысячь вы отъ меня больше сего свѣдать не можете, и поклонясь, пошелъ со двора долой.

Дофина тотчасъ призвавъ своего лакѣя, приказала ему итти за Флейменомъ, дабы узнать Георгову квартиру и навѣдаться, какой онъ человѣкъ. Лакѣй

пришедъ къ Милордову дому, и увидя у воротъ одного лакѣя, спрашивалъ, кто стоитъ въ этомъ домѣ? лакѣй отвѣчалъ, что сей домъ нанимаетъ Англинской Милордъ Георгъ, которой недавно въ сей городъ пріѣхалъ. Дофининъ лакѣй спросилъ еще: да теперь онъ дома или куда выѣхалъ? нѣтъ, отвѣчалъ лакѣй Милордовъ, онъ боленъ и никуда не выѣзжаетъ: съ чемъ дофининъ лакѣй и возвратился, а Флейменъ пришедъ къ Милорду, говорилъ: милостивый государь, я ходилъ къ ея свѣтлости, и самъ удостоивался ея видѣть; подлинно она такая красавица, что всякаго своею красотою заразить можетъ, и я ей о любви вишей объявлялъ, и получилъ отъ нея отвѣтъ, что она по своему постоянству никого на свѣтѣ любить не намѣрена; по чему вы и надежды въ томъ имѣть не можете, а я совѣтую вамъ, преодолѣвъ сію страсть, ее оставить, а извольте положиться на меня, я и кромѣ ее могу въ здѣшнемъ городѣ сыскать, очень хорошую красоточку. Нѣтъ, мой другъ, говорилъ Милордъ, я кромѣ ея никого въ свѣтѣ любить не хочу, да и въ нее я для того больше влюбился, что она очень похожа на бывшую мою невѣсту, которую я любилъ больше моей жизни.

Послѣ сего на другой день дофина, призвавъ своего пажа, приказала ему итти съ тѣмъ лакѣемъ, которой провѣдывалъ о Милордовомъ домѣ, и сыскавъ его камердинера, позвать къ себѣ. Пажъ пришедъ къ Милордову дому, и вызвавъ Флеймена, просилъ его къ дофинѣ. Флеймень обрадовавшись сему, спрашивалъ пажа, какъ онъ могъ сыскать ихъ квартеру? пажъ указавши на лакѣя, сказалъ: вотъ онъ мнѣ указалъ, а ты, мой другъ, говорилъ онъ лакѣю, по чему нашъ домъ знаешь? лакѣй отвѣчалъ: когда вы у насъ были, то дофина посылала меня нарочно за вами въ слѣдъ чтобъ узнать, гдѣ вы живете. Флеймень, думалъ по строгому ея отказу, не хочетъ ли она ему за объявленіе Милордовой любви сдѣлать какое отомщеніе, но опять разсудилъ, ежелибъ она намѣрена употребить какое зло, тобы никакъ явно къ ихъ дому своихъ людей подсылать не стала, итакъ пошелъ онъ вмѣстѣ съ пажемъ къ дофинѣ. Какъ пажъ объ немъ доложилъ, то дофина, призвавъ его въ свою спальню, говорила: я послѣ твоего ухода, пришедъ въ жалость о приключившейся твоему господину отъ моей красоты болѣзни, и опасаясь, чтобъ мнѣ не быть причиною его смерти, хотя и приняла намѣ-

реніе чистосердечною моею къ нему любовію отъ того избавить; но какъ я не имѣла еще случая лично его видѣть, то и не могу такъ скоро войти съ нимъ въ обязательство любовнаго союза; чего ради выдумала я употребить такой способъ, чтобъ я его могла видѣть и съ нимъ говорить, а онъ бы меня не узналъ; на что я думаю и ты согласенъ будешь, только дай мнѣ честное слово, чтобъ до времени ему о томъ не объявлять; поди же вы теперь къ своему господину, и рекомендуйте ему одного доктора, которой отъ сихъ болѣзней очень искусно вылѣчиваетъ, и когда онъ на сіе согласится, то вы меня о томъ увѣдомте, и я нарядясь въ докторское платье, сама къ нему пріѣду, и разсмотря его достоинства, ежели онъ мнѣ понравится, то я чрезъ васъ же могу объявить мою склонность, а вы отъ меня за свои услуги оставлены не будете.

Флеймень клялся дофинѣ, что онъ съ великою радостію всѣ ея приказанія исполнять будетъ, и возвратясь домой, вошедъ къ Милорду въ спальню, говорилъ: что, милостивой государь, естьли вамъ хотя малое отъ болѣзни облегченіе? Нѣтъ, мой другъ, отвѣчалъ Ми-

лордъ, вмѣсто облегченія, я часъ отъ часу больше чувствую тягости, и самъ вижу, что болѣзнь моя умножается. Это, милостивой государь не разсудительно, говорилъ Флейменъ: на что страдать и мучиться о такой дамѣ, которая любить васъ не намѣрена: вы сами изволите знать, что принужденная любовь пріятна быть не можетъ; я вамъ совѣтую для своего облегченія отъ сей болѣзни полѣчиться, здѣсь есть одинъ Французской докторъ, которой очень искусно отъ сихъ болѣзней вылѣчиваетъ, и ежели вамъ угодно, то я его попрошу, чтобъ онъ къ вамъ пріѣхалъ. Ахъ! мой другъ, сказалъ Милордъ, возможноль статься, чтобъ сыскался такой докторъ, которой бы могъ любовь изъ сердца выгнать. Я вѣрно знаю, что меня отъ сей болѣзни, кромѣ той персоны, отъ которой я получилъ сію заразу, никакой человѣкъ избавить не можетъ. А я, государь, васъ увѣряю, говорилъ Флейменъ, что сей докторъ многихъ молодыхъ людей страждущихъ сею болѣзнію, совершенно вылѣчилъ; ибо онъ знаетъ нѣкоторыя совершенныя симпатическія лекарства. Очень хорошо, сказалъ Милордъ, сходи и попроси его ко мнѣ, посмотримъ его искуства.

Флеймень тотчасъ побѣжалъ къ дофинѣ, и сказалъ, что Милордъ приказалъ доктора просить къ себѣ. Хорошо, сказала Дофина, поди и скажи ему, что докторъ скоро будетъ.

Флеймень пошелъ домой, а Дофина послѣ сего убравшись въ мужеское платье и надѣвъ на себя парикъ, вскорѣ за нимъ въ образѣ доктора къ Милорду пріѣхала, и вошедъ въ спальню, сѣла подлѣ его кровати и спрашивала, чѣмъ онъ болѣнъ? Я вамъ, господинъ докторъ, отвѣчалъ Милордъ, чистосердечно открываюсь, что я получилъ сію болѣзнь отъ любовной страсти, которою заразился, будучи на опернѣ, отъ одной дамы. Пожалуй объявите мнѣ ея имя, говорилъ докторъ, а безъ того мнѣ васъ никакъ лѣчить не можно. Милордъ не хотя объявить о ея имени, отвѣчалъ доктору: нѣтъ, господинъ докторъ, мнѣ этаго никакъ сдѣлать не можно, ибо я такъ много ее почитаю, что лучше соглашусь отъ сей болѣзни умереть, нежели объявить о ея имени. Но докторъ говорилъ ему, чтобъ безъ всякой опасности въ томъ открылся, и вѣрно бы надѣялся, что кромѣ его никто вѣдать о томъ не будетъ, и притомъ увѣрялъ, что онъ его дѣйствительно вылѣчитъ.

Милордъ, будучи докторскимъ обѣщаніемъ увѣренъ, говорилъ: я зараженъ красотою Французской Дофины. Ахъ! господинъ Милордъ, вскричалъ докторъ, какъ вы осмѣлились къ такой знатной и сіяющей въ непорочныхъ добродѣтеляхъ особѣ, адресоваться любовію; я вамъ объявлю, что ежели бы вы влюбились въ другую какую ни есть даму, тобъ я конечно васъ выдѣчилъ, и содержалъ бы сіе тайно, а теперь пользовать мнѣ васъ никакъ не можно, потому, что я собственной ея свѣтлости докторъ, и по довѣренности моей къ ней, утаить сего не могу, но донесу о томъ ей, и думаю, что ея свѣтлость, за нанесенную вами чрезъ сіе честти ея обиду, не приметъ надлежащаго удовлетворенія.

Ахъ! господинъ докторъ, говорилъ Милордъ, можноль мнѣ было ожидать, чтобы вы могли меня привесть въ такое искушеніе; я бы ни для чего никому въ свѣтѣ о томъ не объявилъ? Да и я, отвѣчалъ докторъ, ежелибъ отъ васъ слышалъ о другой какой персонѣ, тобъ мнѣ объявлять и нужды не было; а то вы сами извольте разсудить, когдабъ вы что ни есть свѣдали, касающееся до оскорбленія величества вашего короля, то

моглиль бы вы по вѣрности вашей о томъ умолчать, равномѣрно и мнѣ ни подъ какимъ видомъ утаить сего не можно.

Милордъ чрезъ силу встаетъ съ постели, и кланяясь доктору, проситъ, чтобъ сдѣлалъ съ нимъ милость, не объявлялъ о томъ Дофинѣ. Пожалуйте, извольте сѣсть, говорилъ докторъ, я вижу, что вы очень слабы, и опасаюсь, чтобъ отъ движенія вашего не усилилась ваша болѣзнь; а я уже по прозбѣ вашей о томъ умолчу, только вы сами будьте воздержны и никому объ оном не объявляйте.

Милордъ, благодаря доктора, просилъ его, ежели онъ можетъ, чтобъ хотя малое чрезъ свое искуство сдѣлалъ ему отъ сей болѣзни облегченіе, и даритъ ему пятьдесятъ червонныхъ. Докторъ, не принимая денегъ, обнадеживаетъ, что ему очень скоро поможетъ, и притомъ спрашиваетъ у него: правда ли, что вы такъ страстно въ нее влюблены. Ахъ! господинъ докторъ, отвѣчалъ Милордъ, клянусь вамъ всѣми богами, что я отъ ея красоты сіе мученіе претерпѣваю, и ни на одну минуту прекрасной ея образъ изъ мыслей моихъ не

выходитъ. Нельзя этому статься, говорилъ докторъ, ежели бы всегда красота ея представлялась въ глазахъ вашихъ, то какъ же вы, видя ее предъ собою, узнать не можете.

Сіи докторовы слова привели Милорда въ великое сомнѣніе: смотритъ онъ на него съ великою прилѣжностію, и признаетъ его очень похожаго на Дофину; думаетъ, что конечно она сама наряжена въ докторское платье, и для того говорилъ: ахъ! милостивая государыня, что вы меня спрашиваете, вы конечно не докторъ, но самая та обожаемая мною красота, отъ которой я такъ страдаю.

Докторъ разсмѣявшись и вскоча со стула, сказалъ: что вы, господинъ Милордъ, опомнитесь, конечно вы въ меланхоліи, что доктора признаете вмѣсто прекрасной Дофины; пожалуй, дай мнѣ свою руку, я вижу, что въ васъ великой жаръ, отъ чего вы такъ и брѣдите.

Милордъ пришедъ въ великой стыдъ, не зналъ что дѣлать; а докторъ посмотря его пульсъ, говорилъ, подлинно въ васъ великой жаръ, и ежели онъ до зав-

тра не уменьшится, то неотмѣнно надобно будетъ пустить вамъ кровь; ибо я опасаюсь, чтобъ вы не пришли въ большое безпамятство, чему и теперь уже сдѣлали маленькое начало, что меня признали за Дофину. Я васъ прошу, пожалуйте объявите мнѣ, какъ другу, какую вы особливую въ лицѣ Дофининомъ примѣтили пріятность, что такъ страстно въ нее влюбились.

Я вамъ, господинъ докторъ, отвѣчалъ Милордъ, открою самую истинну: меня сія персона больше всего имѣмъ плѣнила, что она съ бывшею моею невѣстою, которую я любилъ больше моей жизни, такое имѣетъ сходство, что ежели бы она не при моихъ глазахъ, во время разбитія корабля, погибла, тобъ я сію Дофину могъ почесть за нее.

Какимъ же способомъ вы, говорилъ докторъ, будучи съ своею невѣстою на одномъ кораблѣ, спасли жизнь свою? Меня милостивые боги, отвѣчалъ Милордъ, чудными своими судьбами на одной корабельной доскѣ выбросили на морской берегъ.

Для чегожъ вы думаете, продолжалъ докторъ, что будто боги до одного только васъ милостивы, и надъ од-

нимъ вами могли показать свое могущество, а вашей невѣсты такими же судьбами отъ потопленія не могли избавить; и вы не разсудя сего, утвердились въ томъ мнѣніи, что любезной вашей невѣсты нѣтъ уже на свѣтѣ, и не получивши объ ней подлиннаго извѣстія, влюбились въ Дофину и чрезъ то нарушили данное отъ васъ своей невѣстѣ обѣщаніе: какаяжъ въ васъ вѣрность, и какая любовь! ну, ежели она также какъ и вы отъ смерти избавилась, и можетъ быть теперь живетъ въ своемъ отечествѣ, и безъ вѣрнаго объ васъ извѣстія ни за кого замужъ итти не хочетъ; а вы, какъ я думаю, ежели бы Дофина была согласна, тобъ конечно на ней женились; а послѣ, когдабъ узнали, что прежняя ваша невѣста жива, то съ какими бы вы глазами и совѣстію могли предъ нею появиться, и какоебъ принесли оправданіе.

Сіе докторское разсужденіе привело Милорда въ великое замѣшательство и раскаяніе, и сколько онъ ни крѣпился, но не могъ удержать пустившихся источниковъ слезъ изъ глазъ своихъ, и ни одного не могъ выговорить слова. Докторъ унимая его, говорилъ: я вижу, что

вы чистосердечно раскаиваетесь, то пожалуйте не печальтесь; вотъ я потчасъ напишу вамъ рецептъ, отъ котораго вѣрно получите, какъ отъ болѣзни, такъ и отъ безпокойныхъ вашихъ мыслей облегченіе, и можете ѣхать въ то государство, изъ котораго была ваша невѣста; и ударивши его по плечу рукою, сказалъ: не тужи мой другъ, скоро будешь здоровъ, и пошелъ въ его кабинетъ для написанія рецепта; а Милордъ остался на постелѣ въ различныхъ размышленіяхъ, о невѣрности своей къ премудрой Маркграфинѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ какимъ онъ вдругъ пораженъ былъ нечаяннымъ страхомъ и удивленіемъ, какъ увидѣлъ вышедшую изъ его кабинета въ маскѣ и въ преизрядномъ уборѣ даму, съ сими словами: господинъ Милордъ, я слышала отъ моего доктора о несносной вашей болѣзни, которая вамъ приключилась единственно отъ страстной вашей ко мнѣ любви, и для того вмѣсто докторскаго рецепта, сама пришла изцѣлить васъ отъ сей болѣзни: будь, мой любезной, здоровъ, получа себѣ въ любовь Дофину, отъ которой несклонности ты страждешь.

Милордъ, видя неожидаемое сіе приключеніе, не зналъ что ему дѣлать, и

какой дать отвѣтъ; наконецъ пришедъ нѣсколько въ разсудокъ, говорилъ: ваша свѣтлость, прошу на меня не прогнѣваться, что я за болѣзнію моею не могу оказать вамъ должнаго моего почтенія. Дофина сѣвши къ нему на кровать, говорила: ну, мой любезной Милордъ, довольны ли вы моимъ рецептомъ, и чувствуетель отъ вашей болѣзни облегченіе? Милостивая государыня, отвѣчалъ Милордъ, я за великое почитаю счастіе, что удостоился вашу свѣтлость видѣть; но вмѣсто облегченія, большую тягость на сердцѣ моемъ чувствую.

Ахъ! какъ я несчастлива, сказала Дофина, когда я имѣла образъ докторской, тогда вы не столько чувствовали болѣзни, и говорили, что одна только я могу васъ отъ оной избавить; а теперь, какъ я сама явилась предъ вашими глазами, то вмѣсто облегченія нанесла сердцу вашему большую тягость: какаяжъ эта любовь, и какое постоянство, что вы нетерпѣливо желали моей склонности, а теперь стали уже отпираться.

Ваша свѣтлость, отвѣчалъ Милордъ, не присудствіе ваше учинило мнѣ отягощеніе, но разумныя ваши разсужденія

возобновили въ сердцѣ моемъ прошедшія мои злоключенія, и обличили меня въ моей невѣрности къ прежней моей невѣстѣ.

Итакъ я вижу, говорила Дофина, что вы хочете отпереться отъ той, къ которой присылали съ объявленіемъ любви своего камердинера; виноватa ли я, что вы прежде не одумались о той невѣрности, которую вы чрезъ сіе сдѣлаете прежней вашей невѣстѣ. Милостивая государыня, отвѣчалъ Милордъ, отчаяніе несчастливыхъ моихъ случаевъ до того меня доводило; а теперь по разумнымъ вашимъ разсужденіямъ я и самъ одумался, что можетъ быть прежняя моя невѣства, неиспытанными божескими судьбами, такъ какъ и я, отъ потопленія избавилась, чего ради не получа досповѣрнаго объ ней извѣстія, не могу ни съ кѣмъ имѣть любовнаго обязательства, ежели же свѣдаю, что ее на свѣтѣ болѣе уже нѣтъ, то клянусь вамъ всѣми богами, что кромѣ васъ никого на свѣтѣ любить не буду. А ежели она жива, говорила Дофина, то ты на ней и женишся, а мою любовь, которая невѣрную твою душу мучила, оставишь? ахъ! невѣрной, какое твое по-

стоянство; знаешь ли ты, что обидишь ту, за которую завтра же потеряешь безразсудную твою голову.

Это состоитъ теперь во власти вашей свѣтлости, отвѣчалъ Милордъ, что изолите, то со мною и дѣлайте, и я завтра или сей часъ готовъ лучше лишиться жизни, нежели сдѣлать невѣрность прежней моей невѣстѣ. Ахъ! жестокосердой ругатель, сказала Дофина, какъ же ты не одумавшись смѣлъ адресоваться ко мнѣ съ непостояннымъ своимъ сердцемъ, и чрезъ то могъ нанесть чести моей такое поношеніе, которагобъ я не хотѣла сносить и отъ Короля твоего, не только отъ тебя. Итакъ ты, непостоянникъ, продолжала говорить Дофина, теперь оставляешь и не хочешь любить ту, которая для любви твоей немалой отъ боговъ претерпѣвала гнѣвъ, искавши тебя нѣсколько лѣтъ, никогда не думала имѣть себѣ другаго супруга. Ахъ! Георгъ, опомнись, гдѣ твой разумъ? куда дѣвалось твое постоянство, гдѣ великодушіе и твердость? И снявъ съ себя маску, сказала: смотри, и узнай любезную твою Маркграфиню, которую ты почиталъ между мертвыми.

Сими послѣдними словами Милордъ приведенъ былъ въ неописанное удивле-

ніе, и не могъ вѣрить, чтобъ сія дама сущая была Маркграфиня; но разсмотря прилѣжно, въ такую пришелъ радость, что, забывъ свою болѣзнь, вскочилъ съ постели, и вставъ предъ нею на колѣна, говорилъ: О! боги, что я вижу, вы единые свидѣтели, какую отраду ощущаетъ мое сердце, видѣвши ту божественную красоту, которая чрезъ нѣсколько лѣтъ ни мало не умалилась и не перемѣнила своего намѣренія.

Маркграфиня поднявъ его за руку и любезно цѣлуя, увѣряетъ въ непремѣнной любви своей, и сѣвши съ нимъ на кровать, разсказываетъ ему, какимъ образомъ она получила спасеніе своей жизни.

По разбитіи нашего корабля, говорила Маркграфиня, не могу я помнить, какимъ образомъ потеряла васъ изъ глазъ моихъ, но только приходитъ мнѣ на память, когда разшибло корабль нашъ о камень, и я погрузясь въ волнующееся море, ухватилась моими руками за плавающій подлѣ меня руль, и не знаю какимъ способомъ на него вскорабкалась, на которомъ носима была ужасными волнами цѣлую ночь, и напившись морской воды, была безчувственна; но помощію

богини Минервы держалась очень крѣпко моими руками, а какъ на упренней зарѣ волнующееся море утихло, то идущій при способномъ вѣтрѣ Венеціанской корабль увидѣлъ плавающій руль и на немъ сидящаго человѣка. Спустя съ корабля шлюпку, ко мнѣ подослали, и взявъ меня, привезли на корабль безъ всякаго чувства. Бывшій на кораблѣ порутчикъ, смотря на мою красоту, признавалъ меня за знатную особу, и приказалъ матросамъ катать меня на бочкѣ, и чрезъ нѣсколько минутъ пустилась изъ меня морская вода, и разными спиртами привели въ чувство; и какъ пришла я въ совершенную память, то благодаря всѣхъ бывшихъ на кораблѣ, за мое избавленіе, объявила имъ о моемъ имяни, и о несчастномъ приключеніи. Офицеръ услышавши, что я Бранденбургская Маркграфиня, оказывалъ мнѣ всевозможныя благодѣянія, и приказалъ держать кораблю курсъ свой къ Германіи, и привезя меня въ одинъ городъ, стоящій на берегу рѣки Эльбы, нанялъ лошадей, и отправилъ съ однимъ офицеромъ въ Дурлахъ. Пріѣхавши я въ мое отечество, чрезъ посланное отъ меня съ нарочнымъ письмомъ, благодарила Венеціянскую республику, за избавленіе меня

кораблемъ ихъ отъ смерти, а къ порутчику послала великіе подарки. Республикажъ на мое письмо отвѣтствовала: что она за великое почитаетъ счастіе, что флота ихъ порутчикъ могъ подать мнѣ такую помощь, а порутчика за оказанныя имъ мнѣ услуги, пожаловали капитаномъ. Я не могу вамъ изъяснить, какою объяты были радостію всѣ мои подданные, съ которыми бы я и могла послѣ сего препроводить жизнь мою во всякихъ веселостяхъ, еслибъ только не обезпокоивала меня непреодолимая печаль, которую я о тебѣ чувствовала въ моемъ сердцѣ, чего ради и старалась разными способами объ васъ провѣдывать, и пріѣхавъ сюда, назвала себя Французскою дофиною, гдѣ по провидѣнію боговъ теперь мы съ тобою увидѣлись.

Такимъ образомъ Маркграфиня съ Милордомъ препроводя весь день въ разныхъ разговорахъ положила намѣреніе, какъ можно скорѣе для окончанія брачнаго торжества ѣхать въ Бранденбургію, и чрезъ три дни изъ Венеціи выѣхали.

По пріѣздѣ Маркграфиня въ свое владѣніе, приказала изготовить къ брач-

ному торжеству великолѣпнѣйшую церемонію, по изготовленіи которой слѣдовали съ великою процессіею въ кирку, гдѣ благополучно по претерпѣніи великихъ несчастій, къ неизреченной всѣхъ подданныхъ радости, и совершилось брачное сочетаніе, и отъ всѣхъ учинена новому Герцогу въ вѣрности присяга.

Потомъ Георгъ разговаривая съ любезною своею Маркграфинею, вспомнилъ о бывшемъ на ихъ кораблѣ капитанѣ Марцимирисѣ, и спрашивалъ у нее, нѣтъ ли объ немъ какого извѣстія? Маркграфиня отвѣчала, что Марцимирисъ живъ, и находится теперь съ любезною своею Терезіею въ Сардиніи Королемъ; а какимъ образомъ онъ спасся и получилъ корону, я вамъ раскажу его исторію.

ОКОНЧАНІЕ ИСТОРІИ

МАРЦИМИРИСОВОЙ.

По разбитіи нашего карабля, говорила Маркграфиня, несчастной Марцимирисъ также ухватясь своими руками за одну доску, съ которою его, помощію боговъ, и выбросили волною на Лотарингской берегъ, гдѣ онъ лежалъ цѣлыя сутки безъ памяти; а какъ пришелъ въ прежнее состояніе, пришелъ въ городъ Туринъ, и наялъ квартиру; спрашивалъ хозяина, о жизни ихъ Короля и Королевы. Хозяинъ отвѣчалъ ему, что у нихъ Король и Королева здравствуютъ, только въ великой уже старости, а наслѣдниковъ у себя не имѣютъ; была у нихъ одна дочь неописанной красоты, которую отъ нихъ похитилъ злой духъ, и содержалъ у себя цѣлые три года; но

незнаемой какой то человѣкъ, именемъ Марцимирисъ отъ того духа ее избавилъ, за что она и обѣщалась выйти за него замужъ; но Король нашъ отъ гордости своей дочери за него не отдалъ, отъ чего она съ печали занемогла, и чрезъ нѣсколько дней скончалась и погребена въ Діяниномъ капищѣ. Да гдѣ же тотъ человѣкъ, спрашивалъ Марцимирисъ, которой избавилъ вашу принцессу отъ духа? Объ ономъ я вамъ сказать не могу, отвѣчалъ хозяинъ Марцимирису, потому, что онъ послѣ смерти принцессиной на третій день пропалъ безъ вѣсти. Король посылалъ его искать по всему государству, но нигдѣ сыскать его не могли; а только нашли послѣ его въ той горницѣ, въ которой онъ жилъ, пару платья, и въ одномъ карманѣ двадцать червонныхъ, да одинъ какой-то перстень, которой и теперь хранится у короля; и Король очень сожалѣетъ объ ономъ Марцимирисѣ, для того, что онъ хотѣлъ его сдѣлать послѣ себя наслѣдникомъ, чего ради и публиковано было по всему королевству: ежели кто его сыщетъ, тому обѣщано великое награжденіе, однакожъ и до сего времяни никакого объ немъ извѣстія нѣтъ.

Слышавши сіе Марцимирисъ, очень обрадовался, что перстень его, которому духи повинуются, цѣлъ, воображая себѣ, что когда онъ получитъ перстень, то можетъ сыскать и супругу свою Терезію; и такъ пошелъ прямо въ королевской дворецъ, гдѣ увидѣвши его одинъ лакѣй, которой находился у него въ услугахъ, побѣжалъ и объявилъ королю. Король несказанно обрадовался, приказалъ Марцимириса позвать къ себѣ, и принявъ его съ великою ласкою, спрашивалъ, гдѣ онъ столько времяни находился? Ваше величество, отвѣчалъ Марцимирисъ, когда любезная ваша дочь скончалась, тогда я отъ несносной печали не хотѣлъ больше на свѣтѣ жить, ушелъ въ лѣсъ, и хотѣлъ самъ себя предать смерти; но нѣкоторые люди меня отъ того избавили, и я пришедъ къ морскому берегу, сѣвши на корабль, отправился въ Бранденбургію, и принявъ тамъ службу, пожалованъ былъ капитанъ-командоромъ; будучи же для нѣкоторой экспедиціи съ ея величествомъ Бранденбургскою Маркграфинею на морѣ, близъ Арабскаго острова, корабль нашъ жестокою бурею разбило, и ея величество и бывшіе при ней, спаслись ли отъ потопленія, того я не знаю; а я безъ

всякаго чувства выброшенъ на одной доскѣ на морской берегъ владѣній вашего величества.

Я очень радуюсь, говорилъ Король Марцимирису, что вижу васъ здоровымъ и какъ я не имѣю у себя дѣтей, то желаю за ваши услуги къ моей дочери, сдѣлать васъ моимъ наслѣдникомъ.

Марцимирисъ со всевозможною учтивостію благодаря Короля за высочайшую его милость, препроводилъ съ нимъ нѣсколько времени въ разныхъ разговорахъ, а потомъ Король приказалъ принесть Марцимирисово платье, кошелекъ съ червонцами и перстень. Увидѣвши Марцимирисъ свой перстень, говорилъ Королю: ваше величество, когда я получу сей перстень, то можетъ быть и дочь вашего величества опять сыщется.

Король удивившись сему, говорилъ: возможно ли статься, чтобъ вы симъ перстнемъ могли оживотрить дочь мою, которая другой уже годъ скончалась и въ присудствіи вашемъ, чему и вы былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, погребена въ Діанномъ капищѣ; а ежели вы сіе сдѣлаете, то она никому кромѣ васъ

женою не будетъ. Ваше величество, отвѣчалъ Марцимирисъ, я больше думаю, что дочь ваша опять находится у того же духа, отъ котораго я ее избавилъ.

Господинъ Марцимирисъ, говорилъ Король, я не могу понять, какимъ бы образомъ могло сіе случиться; развѣ духъ послѣ погребенія унесъ мертвое тѣло, и силою своею его оживотворилъ. Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ Марцимирисъ, мнѣ воображается, не сдѣлано ли отъ того духа во время принцессиной болѣзни какого ни есть фальшиваго корпуса, которой подъ имянемъ принцесинымъ и погребенъ въ Діаниномъ капищѣ, а она въ то время унесена по прежнему въ его жилище; не изволите ли для достовѣрности приказать теперь освидѣтельствовать ея гробницу. Король тотчасъ приказалъ заложить карету, и обще съ Королевою и Марцимирисомъ пріѣхавъ въ Діанино капище, и открывъ принцессину гробницу, въ великое пришли удивленіе, что вмѣсто ея тѣла нашли лежащую во всемъ уборѣ восковую статую; по чему Король и Королева дѣйствительно и увѣрились, что дочь ихъ унесена духомъ, и для того обнявъ Марцимириса, съ великими слезами просили

и клялись наистрашнѣйшими клятвами, что ежели онъ дочь ихъ сыщетъ, то они вѣрно выдавши ее за него замужъ, учинятъ наслѣдникомъ своей короны.

Марцимирисъ выпросивши у Короля три тысячи червонныхъ, и нанявъ корабль, отправился въ тотъ городъ, гдѣ онъ съ принцессою разстался, и прибывъ туда, спрашивалъ у жителей: пожалуйте, скажите, съ годъ тому времяни, жилъ въ здѣшнемъ городѣ иностраной человѣкъ, именемъ Марцимирисъ, съ своею женою, здѣсь ли онъ нынѣ, или куда выѣхалъ? Марцимирисъ давно уже отсюда уѣхалъ, отвѣчали ему городскіе жители, а жена его также хотѣла изъ здѣшняго города ѣхать; но тотъ же день, какъ мужъ ее оставилъ, вселился въ тотъ домъ злой духъ, которой ее всякой день немилостиво мучитъ, и ни кто къ тому дому приближиться не смѣетъ: нѣсколько уже разъ здѣшніе жители собирались, и хотѣли сего духа выгнать, но никакимъ образомъ сдѣлать того не могли, и онъ многихъ дьявольскою своею силою лишилъ жизни.

Услышавши сіе Марцимирисъ, чрезмѣрно обрадовался, и увѣрялъ жителей,

что онъ сего духа не только изъ дому, но и изъ города вонъ выгонитъ.

Пожалуй, не ходи, говорили они ему, мы вѣрно знаемъ, что какъ бы ты отваженъ ни былъ, но какъ скоро войдешь въ сей домъ, то уже живъ отнуда не возвратишься. Марцимирисъ надѣясь на силу своего перстня, пошелъ съ великою поспѣшностію къ тому дому; и какъ вошелъ на дворъ, то вдругъ сдѣлался такой превеликой вихрь и шумъ, что казалось зданіе того дома можетъ разрушиться, но Марцимирисъ имѣя на своей рукѣ перстень, вошедъ безъ всякаго ужаса прямо въ спальню, увидѣлъ любезную свою супругу, лежащую на постелѣ безъ всякаго чувства, а бывшій прежде его товарищемъ мальчикъ, выбѣжавъ къ нему изъ другой горницы, говорилъ: а! господинъ Марцимирисъ, — за чѣмъ вы сюда пришли, не думаете ли еще меня по щекѣ ударить, и жену мою опять къ себѣ получить? нѣтъ, мой другъ, теперь уже не прежнее время; да видно, что вы ее и сами не любите, что оставя одну цѣлой годъ, скитались невѣдомо гдѣ, и для того извольте съ честью отсюда убираться; а ежели добровольно не выдете, то я вамъ такую

дамъ пощечину, что отъ моего удара въ одну минуту испустишь несправедливой духъ твой, и поднявъ руку, хотѣлъ его ударить; но Марцимирисъ разжавъ свою руку, уставилъ противъ его глазъ перстень, которой какъ скоро духъ увидѣлъ то и повалился Марцимирису въ ноги; кричалъ голосомъ: господинъ Марцимирисъ, пожалуй не мучь меня, сними свой перстень, а я во всемъ, что тебѣ угодно, повинуюсь. Нѣтъ, злодѣй, говорилъ Марцимирисъ, я до тѣхъ поръ не перестану тебя мучить, пока ты мнѣ не скажешь, какой ты человѣкъ, и для чего разлучилъ меня съ моею женою. Мальчикъ лежа у него въ ногахъ, сталъ сказывать: я тотъ Жени-духъ, у котораго ты въ домѣ взялъ сію принцессу, и я васъ перенесъ въ Сардинское королевство, а послѣ, какъ вы на ней женились, то я всегда невидимо ходилъ за вами, и старался сдѣлать вамъ запмѣніе, чтобъ вы потеряли свой перстень, которой вы по запмѣнію моему и забыли въ своемъ платьѣ у Сардинскаго Короля; почему я не имѣя уже опасности, и разлучилъ васъ съ вашею супругою, въ чемъ и приношу вамъ мое извиненіе, только помилуй, не мучь меня. Да для чегожъ ты не перенесъ принцессу, спрашивалъ Мар-

цимирисъ, въ тотъ же домъ, гдѣ прежнее было твое жилище? нельзя мнѣ было этаго сдѣлать, опвѣчалъ духъ; потому, что когда вы у меня были, и снимая съ руки своей перстень, клали къ себѣ въ карманъ, въ которомъ былъ у васъ платокъ, а послѣ вынувши платокъ утирались, и позабыли его въ томъ домѣ на креслахъ, которой и теперь тамъ лежитъ: по чему мнѣ войти туда уже и не можно, да пожалуй сдѣлай милость, говорилъ духъ, не мучь меня, скажи, что вамъ надобно, я все для васъ сдѣлаю, только сними съ своей руки перстень, или зажми его въ руку. Марцимирисъ зажалъ перстень въ руку, а духъ вставши, говорилъ: что изволите приказать дѣлать?

Первое я тебѣ повелѣваю, говорилъ Мирцимирисъ, чтобъ жена моя такъ была здорова, какъ въ то время, когда я на ней женился. Лишь только онъ сіе выговорилъ, то въ тотъ же моментъ Терезія вскоча съ постели, и прибѣжавъ къ Марцимирису, бросилась ему на шею, и обливаяся слезами, говорила: ахъ! любезной Марцимирисъ, я уже совсѣмъ отчаялась васъ видѣть, думая, что вы вѣчно меня оставили. Марцимирисъ ука-

зывая на духа, которой во образѣ мальчика стоялъ у дверей, сказалъ: вотъ, этотъ каналья причиною нашему разлученію; Терезія смотря на духа, дрожала отъ страха.

Видишь ли ты, бестія, говорилъ Марцимирисъ духу, какъ она отъ тебя настращена, я хочу, чтобъ сей страхъ былъ уничтоженъ. Духъ взглянувъ на принцессу, сказалъ: теперь уже вамъ, сударыня, нѣчего меня бояться, извольте веселиться какъ вамъ угодно. Отъ сего часа Терезія приняла на себя веселой видъ, и нималаго страха отъ духа не имѣла. Итакъ весь тотъ день препроводилъ Марцимирисъ съ любезною своею супругою въ семъ домѣ въ неописанной радости, а какъ пришло время къ ужину, то Терезія взявъ лежащій на столѣ серебрянной колокольчикъ, позвонила; по чему и вошла къ ней фрейлина ея, Анастасія, и увидѣвши, что она сидитъ съ Марцимирисомъ, а духъ какъ невольникъ стоитъ у дверей, чрезмѣрно удивилась, и говорила: а! милостивой государь, еще до насъ боги милосерды, что послали тебя для нашего избавленія, а мы думали, что и жизнь нашу окончимъ въ семъ діавольскомъ мученіи.

Потомъ Терезія приказала Анастасіи, чтобъ она собрала на столъ. Анастасія пошла и принесла обыкновенное приготовленное ею кушанье; но Марцимирисъ оборотясь къ духу, сказалъ: я хочу, чтобъ ты принесъ сюда лучшее кушанье и разныхъ напитковъ. Духъ сдѣлался невидимымъ и чрезъ нѣсколько минутъ опять появившись во образѣ мальчика, принесъ премножество разнаго кушанья и всякихъ напитковъ, которыхъ не только для двухъ персонъ, но и на десять съ излишествомъ было бы довольно. Марцимирисъ притомъ говорилъ еще духу: ты у меня до нѣхъ поръ долженъ быть во услугахъ, пока я хочу; чтожь дѣлать, отвѣчалъ духъ, когда вы нашли свой перстень, то я во всемъ вамъ повиноваться долженъ.

По окончаніи ужина, пошелъ Марцимирисъ съ Терезіею въ спальню, и препроводили ночь безъ всякой боязни, а по утру вставши, призвавъ опять духа, говорилъ: слушай, проклятой, я хочу, чтобъ мы сей день съ Терезіею и ея служанкою были по прежнему въ Сардинскомъ королевствѣ въ Терезиной спальнѣ, а больше мнѣ уже твои услуги не надобны. Едва успѣлъ Марцимирисъ сіе

выговорить, то уже и очутился въ королевскомъ дворцѣ въ самой той горницѣ, которая опредѣлена была для Терезиной спальни. Терезія видѣвши себя въ отеческомъ домѣ, побѣжала къ своимъ родителямъ, которые увидя ея, не знали что отъ радости дѣлать, испуская источники слезъ; обнимая дочь свою, спрашивали, какими судьбами могла она опять къ нимъ возвратиться.

Любезной мой супругъ Марцимирисъ, въ другой разъ избавилъ меня отъ того же злаго духа, говорила Терезія, которой меня и прежде отъ васъ похитилъ. Какъ, говорилъ Король, развѣ вы съ нимъ уже и бракомъ сочетались? Терезія цѣлуя у своихъ родителей руки и обливая ихъ слезами, отвѣчала: любезные родители, комужь бы я могла отдать мое сердце, кромѣ Марцимириса, которой два раза избавлялъ меня отъ Жени-духа, у котораго я претерпѣвала такія мучительства, которыхъ изобразить не можно. Да гдѣ же теперь Марцимирисъ, спрашивалъ Король? онъ въ моей спальнѣ, отвѣчала Терезія? Король тотчасъ приказалъ его позвать къ себѣ. Марцимирисъ пришедъ, говорилъ королю съ великою учтивостію: ваше величе-

ство, можете ли теперь увѣриться въ моей правдѣ, что дочь ваша была у духа, а не умирала. Король обнявъ его какъ своего сына, и облобызая со слезами, говорилъ: я въ знакъ моей благодарности за ваши услуги уступаю мою корону, будьте вы по мнѣ законнымъ наслѣдникомъ Сардинскаго и Лотарингскаго королевства. Потомъ приказалъ всему своему генералитету съѣзжаться во дворецъ, и публично при многочисленномъ собраніи объявилъ Марцимириса своимъ зятемъ и наслѣдникомъ своей короны, въ вѣрности чего и учиненена отъ всѣхъ подданныхъ съ великою радостію присяга, и нѣсколько дней продолжалось великое торжество, а потомъ Король и Королева, какъ были уже въ совершенной старости, чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ отъ приключившихся натуральныхъ болѣзней скончались. Марцимирисъ и Терезія предали тѣла ихъ погребенію съ принадлежащею публичною церемоніею, въ Діаниномъ капищѣ, и сами теперь препровождаютъ жизнь свою въ Туринѣ, во всякомъ благополучіи.

По окончаніи Маркграфинею Марцимирисовой исторіи, Георгъ говорилъ ей: теперь и мы должны богамъ принесть

нашу благодарность, ибо хотя они и наказали насъ по своему правосудію разными несчастливыми приключеніями; но не лишая насъ жизни, привели неиспытанными судьбами желаніе наше къ благополучному окончанію. Маркграфиня по совѣту любезнаго своего супруга, обще съ нимъ при своемъ присудствіи приносили богамъ чистѣйшія жертвы, а подданнымъ своимъ оказали великіе знаки своей милости.

Такимъ образомъ Георгъ, будучи Бранденбургскимъ герцогомъ, за благоразумное правленіе своего владѣнія, былъ любимъ всѣми своими подданными, прославилъ имя свое во всей Германіи, и доживъ съ премудрою Маркграфинею до самой глубокой старости, къ немалому сожалѣнію своихъ подданныхъ, скончались: прежде Георгъ, а послѣ чрезъ два мѣсяца и Маркграфиня, оставя по себѣ достойныхъ престола своего наслѣдниковъ.

Конецъ третьей и послѣдней части.

МИѲОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ

О

ДРЕВНИХЪ ЯЗЫЧЕСКИХЪ БОГАХЪ И БОГИНЯХЪ.

Старшій изъ всѣхъ боговъ у язычниковъ почитался время названное, *Сатурномъ*, котораго изображаютъ съ крыльями на плечахъ, держащаго въ рукѣ косу, на головѣ песочные часы, и будто онъ поядалъ всѣхъ своихъ дѣтей, кромѣ оставшихся Юпитера, Нептуна и Плутона.

Юпитеръ, онъ же называется Перунъ, Зевесъ и Дій, сынъ Сатурновъ; его изображаютъ съ черными бровями, лобъ покрытой облаками, держа въ рукахъ громовыя стрѣлы, у ногъ его сидящій орелъ; предъ нимъ стоятъ два сосуда, содержащіе въ себѣ добро и зло, которыя онъ

изливаетъ на каждаго человѣка; баснословятъ о немъ, что онъ сдѣлавшись самовластнымъ вселенныя, учинилъ раздѣлъ между своими братьями: Нептуну далъ морскую державу, Плутону опредѣлилъ владѣть адомъ, а себѣ взялъ все оставшесь.

Нептунъ, братъ Юпитеровъ, обладатель морской державы; его изображаютъ стоящаго на большой раковинѣ, везенной морскими лошадьми, имѣя въ рукахъ острогу о трехъ зубьяхъ; баснословили объ немъ древніе язычники, что онъ живетъ на днѣ моря, въ хрустальныхъ двенадцати палатахъ.

Плутонъ, братъ же Юпитеровъ, владѣетъ адомъ; онъ представляется въ черномъ безпокойномъ видѣ, какъ будто всему свѣту желаетъ смерти, держа въ рукѣ вилы, а на головѣ желѣзною корону.

Аполлонъ, сынъ Юпитеровъ, богъ врачевства, музыки и стихотворства: изображаютъ его молодымъ человѣкомъ, безъ бороды, иногда съ колчаномъ и стрѣлами,

а иногда имѣя въ рукахъ гусли, а подлѣ его разные инструменты для художествъ; имѣетъ на головѣ лавровую корону, а иногда пишутъ его сидящаго на колѣсницѣ, везенной четырмя лошадьми, держа въ рукѣ Зодіякъ, и воронъ сѣдящій у ногъ его. Повѣствуютъ о немъ язычники, что онъ жилъ въ Ѳессаліи, на горѣ Геликонѣ и Парнассѣ, съ девятью божественными музами, дочерьми Юпитеровыми, которыя назывались слѣдующими именами.

1-я. *Каліопа*, представляется молодою дѣвицею, коронованною лаврами и украшенною гирляндами; держа въ правой рукѣ трубу, а въ лѣвой книгу; она упражнялась въ сочиненіи поэмъ.

2-я. *Кліа*, изображается молодою же дѣвицею, держа въ правой рукѣ трубку, а въ лѣвой книгу; упражненіе ея состоитъ въ сочиненіи исторій.

3-я. *Ерата*, представляется молодою дѣвицею, веселаго вида, коронованною миртами и розами; въ одной рукѣ гусли, а въ другой смычокъ, подлѣ ея со-

держитъ маленькой купидонъ съ сайдекомъ и калчаномъ съ стрѣлами; упражнялась въ любовныхъ сочиненіяхъ.

4-я. *Талія*, изображается обутая броделинами, или полусапогами, держа въ рукѣ маску; упражнялась надъ комедіями.

5-я. *Мельпомена*, представляется, съ суріознымъ видомъ богатоубраная; держащая въ одной рукѣ скипетры и короны; а въ другой кинжалъ; упражнялась въ трагедіяхъ.

6-я. *Терпсихора*, коронованная Гирляндами, имѣетъ подлѣ себя гусли и Математическіе инструменты, упражнялась въ пляскахъ.

7-я. *Эвтерпія*, упражнялась надъ музыкою; изображается коронованная цвѣтами, держа подлѣ себя нотныя бумаги, флейту, габои и прочіе инструменты.

8-я. *Полимнія*, представляется въ жемчужной коронѣ, одѣтая въ бѣлое платье, и всегда правая рука, будто въ дѣйствіи производитъ рѣчь, а въ лѣвой держа скипетръ; упражнялась надъ Одами.

9-я. *Уранія*, одѣтая въ родѣ голубаго цвѣта, коронованная звѣздами, поддерживая глобусъ обѣими руками, и разные математическіе инструменты; упражненіе ея было надъ Астрономіею.

Меркурій, сынъ Юпитеровъ, вѣстникъ боговъ, и Богъ краснорѣчія и купечества; изображаютъ его въ колпакѣ, къ коему придѣланы два маленькія крылышки; держитъ въ рукахъ жезлъ, обвитой двумя змѣями, у ногъ его крылья.

Эскулапій, сынъ Аполлоновъ, богъ врачевства, изображается змѣею.

Марсъ, богъ войны, изображается совсѣмъ вооруженной, имѣя у своихъ ногъ пѣтуха.

Бахусъ, сынъ Юпитеровъ, богъ вина; баснословятъ о немъ, что онъ научилъ людей садить виноградъ и дѣлать вино; ему всегда приносили въ жертву козла; изображаютъ его съ рогами, а иногда на колѣсницѣ, везенной тиграми, рысьми, или бобрами, и держащаго въ одной рукѣ кубокъ, а въ другой тирсъ.

Вулканъ, сынъ Юпитеровъ, богъ надъ кузнецами, жилъ въ пещерахъ горы Этны, и упражнялся въ кованіи, а при немъ были Циклопы ужасной величины, которые имѣли посреди лба по одному глазу, величиною въ окружности въ шесть вершковъ. Вулканъ изображается весьма гнуснымъ и хромымъ человѣкомъ, держащимъ въ рукѣ молотокъ, а иногда окруженной Циклопами.

ПОДЧИНЕННЫЕ БОГИ.

Эолъ, богъ вѣтровъ, представляется фигурою человѣческою, держащего вѣтры, заключенные въ темницѣ.

Панъ, богъ пастуховъ, изображается съ рогами на головѣ, съ бородою и ногами козлиными, держа въ рукахъ флейту о семи трубкахъ, а иногда изображаютъ его съ пламеннымъ, или краснымъ лицемъ, грудью покрытою звѣздами, а нижняя часть похожа на козла.

Силванъ, богъ лѣсовъ и полей, изображается также какъ и Панъ.

Пріапъ, богъ садовъ, его статую по большой части поставляли въ садахъ; у него длинная борода и распущенные волосы, держитъ въ рукѣ серпъ.

Термъ, богъ надъ границами, изображается человѣкомъ безъ рукъ и безъ ногъ, а иногда фигурою черепицы или

четвероугольнымъ камнемъ, а иногда сваею, вколоченною въ землю.

Морфей, богъ сна, представляется съ бабочкиными крыльями, въ вѣнкѣ изъ маковыхъ цвѣтовъ; держа въ рукѣ пучокъ тѣхъ же цвѣтовъ и усыпающій жезлъ.

Комусъ, богъ пировъ, изображается въ колпакѣ сдѣланномъ изъ цвѣтовъ, въ правой рукѣ держитъ факелъ, а въ лѣвой жердину.

Момусъ, богъ шумовъ, изображается съ насмѣхательнымъ лицемъ, поднимающій маску, держитъ въ рукѣ гремушку.

Гименъ, богъ брака, сынъ Бахусовъ, представляется въ цвѣтномъ вѣнкѣ съ факеломъ.

Плутосъ, богъ богатства, хромой, крылатой мужикъ съ зажмуренными глазами.

Гарпократъ, богъ молчанія, изображается во образѣ юноши; половина нагова, въ одной рукѣ рогъ и палецъ приложенной ко рту.

Купидонъ, богъ любви, сынъ Венеринъ, изображается нагимъ мальчикомъ съ крыльями, завязанные глаза, въ рукѣ факелъ, а за плечами лукъ и колчанъ съ стрѣлами.

БОГИНИ.

Цебела, или *Рея*, жена Сатурнова, почиталась матерію боговъ, изображалась ѣдущая на баранѣ, или держащая въ рукѣ диксъ или блюдо, а въ другой ключь, имѣя башенку на головѣ, а платье разпещренное цвѣтами.

Юнона, жена Юпитерова, изображаютъ ее въ богатомъ убранствѣ, сидящею на колѣсницѣ, везенной павлинами.

Діяна, сестра Аполлонова, она у язычниковъ называлась на небѣ Фебуса, на землѣ мѣсяцомъ, а во адѣ Екатою; ея упражненіе было въ ловлѣ звѣрей и почитали ее богинею чистоты, представляется она сѣдящая на колѣсницѣ, везенной ланьми, вооруженная сайдакомъ и колчаномъ наполненномъ стрѣлами.
на головѣ.

Минерва, почиталась богинею наукъ, родилась, по баснословію, изъ мозга Юпитерова; какъ заболѣла у него голова, то онъ велѣлъ Вулкану разколоть топоромъ себѣ голову, откуда и выскочила Минерва вооруженная, почему и изображаютъ ее, на головѣ шишакъ, въ рукахъ Эхиднинъ щитъ и копье, подлѣ ея сова и Математическія орудія, она же называлась и богинею войны.

Венера, или *Венусъ*, дочь Юпитерова, а нѣкоторые баснословятъ, что она родилась изъ морской пѣны, почитается богинею красоты, изображается сѣдящая съ сыномъ своимъ Купидономъ на колѣсницѣ, везенной голубями, лебедями, воробьями, а иногда сѣдящая верьхомъ на козлѣ.

Амфитрина, жена Нептунова, её изображаютъ сѣдящую на колѣсницѣ, похожей [illegible]овину, везенной двумя дельфи-

[illegible] за Оке-

[illegible]ихъ

Цереса, дочь Цыбелы почиталась богинею жатвы, изображаютъ ее сѣдящую въ качалкѣ, которую несутъ четыре дѣвицы, она держитъ въ одной рукѣ серпъ, а въ другой колосье и вся покрыта сосцами.

Прозерпина, жена Плутонова; баснословятъ объ ней, что она рвавши подъ горою Этною цвѣты, а Плутонъ вышедъ изъ ада, увелъ ее съ собою; она изображается сѣдящая съ Плутономъ на колѣсницѣ, везенной воронымі лошадьми.

Помона, богиня плодовъ и садовъ, изображается въ вѣнкѣ изъ виноградныхъ гроздовъ, съ рогомъ изобилія въ рукѣ, или съ корзиною.

Веста, богиня огня и чистоты.

Астрея, или *Фемиса*, богиня правосудія, изображается съ вѣсами и со шпагою, а глаза завязаны лентою.

Гевея, или *Геба*, богиня младости.

Флора, богиня весны и цвѣтовъ.

Аврора, богиня утра.

Немезисъ, богиня отмщенія, дочь Юпитерова, представляется крылатая, факелами и змѣями вооруженная, а на головѣ корона съ оленьимъ рогомъ.

Вакуна, богиня лѣности.

Беллона, богиня войны, сестра Марсова.

Луцина, богиня родинъ, изображается съ факеломъ въ рукѣ.

Натура, дочь или подруга Юпитерова; нѣкіе древніе язычники Натуру почитали за самаго Бога, и за всю вселенную, она по мнѣнію баснослововъ начальствовала надъ добромъ и зломъ, а изображается она разными видами.

1-е. Держа небо на головѣ, а въ рукахъ рогъ изобилія.

2-е. Подъ образомъ старухи, имѣя въ одной рукѣ огонь, а въ другой воду.

3-е. Слѣ[illegible]ю, съ [illegible]
ми, о[illegible]

5-е. Вертящаяся безпрестанно на колѣсѣ, или на колѣсницѣ, везенной слѣпыми лошадьми; еще нѣкоторые представляютъ ее молодою женщиною, или молодымъ человѣкомъ, съ зади плѣшивымъ, одна нога на воздухѣ, а другая на колѣсѣ, держа въ одной рукѣ бритву, а въ другой полотенцо, а иногда ходящую по острею бритвы.

СИРЕНЫ.

Нтритоны, служители Нептуна, изображались: верхняя часть человѣка, а нижняя съ долгимъ двойнымъ рыбьимъ хвостомъ, трубящіе въ раковины, похожія на трубу.

Геніи, присудствовали въ приключеніи жизни, изображались фигурою юношей, держащихъ въ одной рукѣ сосудъ, а въ другой рогъ изобилія.

Нимфы, произшедшія отъ племяни боговъ, также по баснословію язычниковъ, имѣли свои должности, а имянно:

Нереиды, повелѣвали морями.

Наяды, фонтанами и

Напеи

Рѣки, представляются фигурою мущинъ и женщинъ, облокотившихся на урну, или большей сосудъ, изъ котораго вода изобильно истекаетъ.

Адъ, гдѣ Плутонъ царствовалъ, по баснословію язычниковъ находился въ срединѣ земли, которое мѣсто было по ихъ мнѣнію обиталищемъ мертвыхъ, и раздѣленъ былъ на двѣ части, а имянно: на Тартаръ и на поля Елисейскія.

Трое престарѣлыхъ мужей: *Еакъ, Миносъ и Родомантъ*, опредѣлены были судить мертвыхъ.

Церберъ, собака о трехъ головахъ, змѣями какъ щетинами убранная, стерегла во адѣ домъ Плутоновъ; тамъ находились пять рѣкъ: Стиксъ, Кацитъ, Ахеронъ, Латъ и Флегетонъ.

Харонъ, перевозщикъ, которой въ своемъ суднѣ перевозилъ души во адъ по-

Вотъ какими нелѣпостями наполнена была древность, и всего еще удивительнѣе, что въ тогдашнія времена, какъ у Грековъ такъ и у Римлянъ были великіе разумные; но всему одному суевѣрію, слѣпо и безразсудно вѣрили.

КОНЕЦЪ.

Цѣна тремъ частямъ 1 руб. 70 коп.

E. M.

LbAp'30

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

Povĕst' o priklûchenïi anglinskago
milorda Georga i o brandenburgskoĭ
margrafine Friderike Luize. Moskva,
1829.